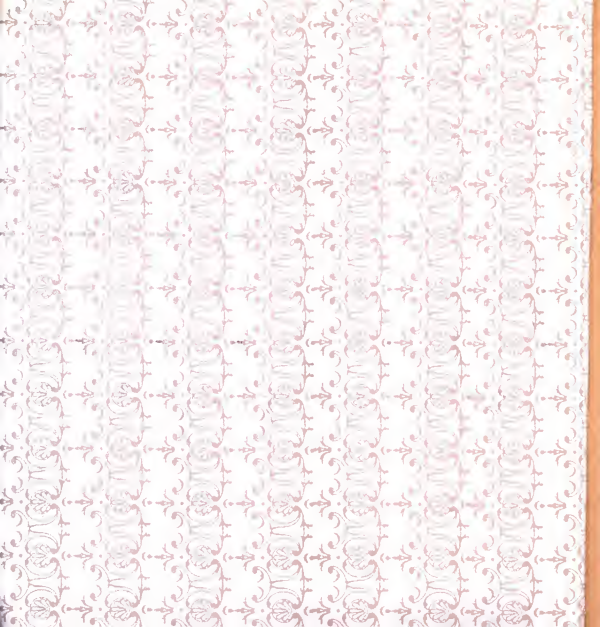
Инна Гладкова

25 ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ТАЙН

ИННА ГЛАДКОВА

25 ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ТАЙН

Пятый год на СГТРК я веду телесериал «Екатеринбургские тайны» — свое независимое расследование нашей далекой, удивительно интересной, богато расцвеченной добрыми и трагическими событиями истории. И вот, шагнув, может быть сгоряча, в это загадочное неизвестное, я поняла, как густо заросли многие тропы времени, что есть риск попасть в непроходимые дебри.

Одной мне этой тяжкой дорогой было бы не пройти. И все скоро бы, наверное, закончилось, если бы руку помощи мне не подали знатоки: ученые, писатели, художники, краеведы, научные сотрудники архивов, музеев, библиотек и неравнодушные зрители.

Назову хотя бы несколько имен: Ольга Бухаркина, Эдуард Гильман, Юний Горбунов, Ираида Загородских, Людмила Зорина, Игорь Катенев, Олег Капорейко, Андрей Комлев, Галина Кулагина, Владимир Микитюк, Алексей Мосин, Василий Некрасов, Всеволод Слукин, Владимир Филатов... Без них не было бы ни телевизионного проекта «Екатеринбургские тайны», ни этой книги.

С глубоким уважением к читателям,
Инна Гладкова, ваш корреспондент

Библиотека «Урала»

ИННА ГЛАДКОВА

25 ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ТАЙН

Екатеринбург
Уральское издательство
2003

Г 54
ББК 63.3(2)

ISBN 5-93667-037-6

Перед тобой, читатель, двадцать пять тайн от Инны Гладковой. Тайн, поменявших свой экстравагантный теленаряд (вспомните «Екатеринбургские тайны» по вторникам на СГТРК) на скромное платье литературной миниатюры. Тайн, которые составляют лишь «Избранное» из затеянного автором и продолжающегося собрания тайносочинений.

Оговорка — от Инны Гладковой — в данном случае обязательна. Потому что для кого-то ее очередная «тайна» не содержит ничего загадочного и он иронически покачает головой. Кто-то, читая вполглаза, ухватит самое интересное и действительно для него неведомое. А большинство читателей, неискушенных в родиноведении, будут читать взахлеб, ибо непознанное, прежде запретное или просто забытое — притягательная приправа для любого исторического блюда. Но для всех без

исключения читателей герои этих исторических миниатюр и события, виновниками коих они оказались, будут неизбежно озарены светом личности автора — ее темперамента, ее внутренней незащищенности и неведомой, тоже всегда загадочной, женской власти.

Итак, двадцать пять исторических миниатюр от Инны Гладковой...

Юний Горбунов,
редактор отдела краеведения
журнала «Уральский следопыт»

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА НА ИСЕТИ

Весть о золоте была подобна взрыву бомбы. Горку разбили на квадраты, ее сверлили, пробивали шурфы, брали пробы. Эти работы собирали со всей округи старателей, зевак и, конечно, пацанву. Упорно подогревались слухи о том, что церковь Вознесения, Харитоновская усадьба и другие дома будто бы стоят на чистой золотой жиле.

Д.Н. Мамин-Сибиряк писал: «Золото во все времена магически привлекало к себе внимание человечества... В этом презренном металле, помимо его значения, как самого удобного мирового посредника, скрыто что-то демоническое...»

В периодической системе Д.И. Менделеева золото находится на 79 месте. Это значит, что атом золота имеет 79 вращающихся вокруг ядра электронов, несущих заряд отрицательный, что довольно символично.

Ученые доказали, что не железо, не бронза, а золото было первым из открытых человечеством металлов. Раскопки древнейших городов, находки в египетских гробницах говорят о том, что человек был знаком с золотом уже шесть тысяч лет назад. Самым богатым золотым государством в древней истории был Египет. Золото давно было известно в Индии, Китае, Древней Греции и Риме, аборигенам Америки. Его знали и умели превращать в замечательные произведения искусства скифы.

С древних времен золото добывали на Южном Урале. Принято считать, что в России первое рудное золото было найдено в середине XVIII века шарташским крестьянином Ерофеем Марковым. Однако если быть точными, то годом раньше золотой образец на Шилово-Исетском руднике нашел подросток Леонтий Пигалев. А первооткрывателем россыпного золота в речном песке в начале XIX столетия стал горный инженер Лев Брусницин.

В поисках следов золотой лихорадки я отправилась в «командировку» в прошлое по долине реки Исети не одна, а с очень компетентным проводником — краеведом, доктором геолого-минералогических наук Владимиром Викторовичем Филатовым.

Еще сподвижники В.Н. Татищева называли окрестности уральской столицы «золотой долиной». Золотым город стал примерно через 100 лет после своего рождения, в 1817 году, когда на реке Мельковке была открыта первая в черте города золотоносная россыпь. Первооткрыватели — горные чиновники Адольф Андреевич Агте и Николай Иванович Мундт. Агте состоял помощником начальника екатеринбургских горных заводов, в его ведении находились учебные заведения, типография, библиотека, заводское казначейство. Он заведовал амальгамированным производством, химической лабораторией. Занимался извлечением золота из песков и руд.

В частности, изобрел очень умную промывальную машину, которая вошла в историю под названием «бочка Агте». Мундт был начальником Екатеринбургского монетного двора. На Мельковке они и обнаружили золотую россыпь, где и решили создать частный прииск.

Но казна вовремя спохватилась. Упускать такой перспективный промысел было бы неосмотрительно. Участок был перекуплен, там построили золотопромывальную фабрику. 8 сентября 1817 года Мельковский прииск начал действовать. Он находился на территории современного завода «Уралтрансмаш». До революции его называли заводом Ятеса. Кирпичное здание главного корпуса завода (ныне изрядно разрушенное) было спроектировано и построено в 1821 году известным архитектором М. Малаховым. В этом здании и пустили «одну толчею при двух чугунных ларях с восемью пестами, ящик для промывания пород, другие механизмы и приспособления».

Продукция Мельковской фабрики начала щедро пополнять золотой запас казны. Однако золотосодержащих песков хватило всего на 12 лет. Отработанный прииск приобрел один изворотливый англичанин, перепрофилировал его в завод по выпуску паровых машин и котлов для пароходных компаний. Затем, уже при другом хозяине, тоже англичанине, Фоме Ятесе, были построены новые заводские корпуса, где, в частности, делали золотопромывальные драги, машины для золотых приисков, пестовые толчеи, бутары и прочее.

Но эта бурная промышленная деятельность в черте города при отсутствии серьезных очистных сооружений вызвала у городских властей резкий, но, увы, уже тогда безуспешный протест. Радеющие за судьбу города люди забеспокоились о чистоте главной водной артерии Исети, ее притоков, ручьев, говорливых ключей.

Полкилометра текла по территории только этого завода легендарная Мельковка. Кое-где остались

обрамлявшие ее русло тополя. А была она метр в глубину, пять — в ширину. Река — это дар божий, энергия земли. Но мы отнеслись к ней варварски. В военные годы дно реки стало складом бракованных деталей, даже отдельных узлов танков. Приговор Мельковке вынесли за то, что она, оскверненная, мстила городу и этому заводу: в дожди заливала цехи. Один из ветеранов «Уралтрансмаша», Ю.П. Торопов, дополнил: безвинную речку заточили под землю за то, что она сделала явным тайный сброс в пруд сотен тонн мазута. Эта дурно пахнущая многометровая жирная няша, покрывшая огромную территорию у плотины, была убрана только перед 250-летием Свердловска. А речку, в которой давно нет золота, повернули в городской канализационный коллектор, который несет все промышленные сливы за Химмаш в очистные сооружения (насколько эффективны эти сооружения, показала экологическая беда, происшедшая как-то летом на речке Арамилке). В первой половине XIX века был золотым и приток Мельковки — Основинка. Начиналась она там, где сейчас горбольница № 7 в Пионерском поселке.

Вообще, золото, хотя взять его у природы очень и очень непросто, широко распространено. Математики подсчитали, что в 20-километровом слое земной коры его 100 миллионов тонн. И совсем астрономические результаты дали подсчеты запасов золота в земном ядре: 8 триллионов тонн, то есть число с 12 нулями. Золота много в мировом океане, в воздухе, растениях. Золото из Космоса нам приносят метеориты. Спектральные линии золота обнаружены и на Солнце.

Однако продолжим путешествие по скромной в масштабах Вселенной «золотой реке» Екатеринбурга — Исети. С открытием первой золотой россыпи на Мельковке в Екатеринбурге началась настоящая «золотая лихорадка». Оказалось, что большинство речек и ручейков,

Екатеринбург. Золотая речка Мельковка. Конец XIX в.

которые собирает Исеть, тоже несут драгоценный песок. На Малаховке, Акулинке, Монастырке, Ольховке, Черной стали расти как грибы прииски. Вскоре в черте города и окрестностях их было создано свыше 80. Это дало много рабочих мест: на золотодобыче было занято 2000 человек. По тем временам это большая армия (все население Екатеринбурга насчитывало тогда 15 тысяч).

И эти старатели так старались, что золотые сливки сняли быстро — всего за 6 лет. За этот короткий срок вручную 2 тысячи человек процедили практически всю речную воду и перелопатили почти 8 миллионов пудов песка — это примерно 64 тысячи тонн — и добыли 1344 килограммов золота. Это официально, не считая того, что было украдено и продано тайно.

К 1823 году золотая лихорадка схлынула, хотя эпизодически старатели добывали золото и в XX веке, вплоть до Великой Отечественной войны, пока все речки и ручьи в черте города не были взяты в трубы.

Вознесенскую горку, с которой я начала рассказ, с ее строениями в XIX веке едва не постигла печальная участь одного из древних чудес света — Александрийского маяка. Со времен Ломоносова было известно, что золотые россыпи образуются в результате коренных разрушений золотоносной руды, которая, как правило, находится в горах. Поэтому, когда в Екатеринбурге было обнаружено по ручьям и рекам золото, возник вопрос: откуда происходит его снос? В то время в черте города была одна горка — Вознесенская. На нее и обратили взор. По распоряжению горного начальника инженер Мануйлов в одно лето пробил на этой горке около 40 шурфов, так что она стала напоминать пчелиные соты. Но надежды не оправдались. Оказалось, что во всех этих шурфах обнаружены всего-навсего знаки золота, вместо ожидаемого богатого месторождения. Ажиотаж вокруг екатеринбургского золота спал.

Однако жажда богатства, видно, энергетически взрывная сила: угаснув в одном месте планеты, вдруг с новой силой проявляется в другом. Так позже случилось на Аляске (в то время еще русской). Золота было много, но к тому времени технология извлечения его из песка была утрачена. И вот горное ведомство России командирует туда уральца, подполковника Николая Дорошина, — ученика первооткрывателя россыпного золота Льва Брусницина. Факт этот мало кому известен. Сам Дорошин не обогатился, но опыт уральский на Аляске внедрил. И первым из европейцев наблюдал начало золотой лихорадки, известной нам главным образом по рассказам Джека Лондона.

Ну, а сколько Урал дал золота? С 1745 по 1922 год (позже данные были засекречены) было добыто 559 тонн россыпного и 145 тонн коренного золота — примерно треть в общем балансе России. Но значимость этого уральского металла трудно переоценить: это было первое российское золото. Здесь отрабатывалась технология поисков коренных и россыпных месторождений, переработки золотосодержащих руд. Конструировались машины по извлечению золота. Словом, историческая, геологическая, технологическая значимость уральского золота необыкновенно велика.

Сегодня мы попытались приоткрыть только одну страничку нашей интересной истории, события недолгого, но бурного периода первой половины XIX столетия. Об этом периоде напоминают в нашем городе добротные особняки Рязановых, Баландиных, Казанцевых, Харитоновых.

Ради золота местные богачи были готовы на все, даже меняли веру. Известен исторический факт: начальник горных заводов Уральского хребта генерал В.А. Глинка ультимативно пригрозил одному из Рязановых: либо старовер примет православие, либо последует запрет на добычу золота... Чашу весов золото перетянуло.

Рассказывают, что в «золотой век» города о каждом добытом пуде драгоценного металла извещали выстрелом пушки, которая стояла на набережной. Иногда она стреляла по нескольку раз в день. Возможно, что это красивая легенда, за которой, однако, много трагичного, сломанных судеб, обманов, грабежей, тяжких преступлений.

Все это может стать богатым материалом для многотомного захватывающего детектива под название «Золотая лихорадка на Исети» из серии «Екатеринбургские тайны».

ДОЛГАЯ ДОРОГА К ТАТИЩЕВУ

ДРАГУН НА ЛИХОМ КОНЕ

Человеческий век — это не всегда сто лет. Это только те годы, что ему в бренном мире отпущены Господом Богом. Однако думать о бессмертии нужно. Древние философы советовали родить сына, чтобы продолжить свои имя и род, посадить дерево, дабы было потомкам чем дышать на этой теперь очень грязной планете. И написать умную книгу, чтобы внуки, правнуки не повторяли твоих ошибок.

Наш герой к этому добавил еще один существенный пункт — надо основать город. Но основал несколько городов, среди них три крупных уральских — Пермь, Оренбург и наш Екатеринбург. Мы, благодарные потомки, увековечивая его память, над Исетью соорудили монумент. Правда, славу основателя города разделили на двоих, при этом кое-что зашифровали. Скульптор Петр Чусовитин, не мудрствуя лукаво, двух исторических

деятелей изобразил почему-то как близнецов. Кто есть кто? Остается гадать по одежде, мода на которую за 280 лет все-таки подзабылась. Да и надпись под монументом, вероятно в спешке, перепутали местами, что тут же не преминули отметить ехидные историки.

Чтобы узнать, кто есть кто, предлагаю остроумную подсказку нашего поэта Андрея Комлева. Он считает: тот, кто стоит перед российским народом, обнажив голову, — это, безусловно, Татищев. А Геннин — иностранец, он шляпы не снял.

Не все знают, что почти в одно время с екатеринбуржцами Василия Никитича вспомнили и в Тольятти. Тот город основан был Татищевым в 1738 году как укрепленный сторожевой пункт и до 1964 года назывался Ставрополем. Причем славу основателя он стяжал в одиночестве. И там бывший драгунский капитан, вскочив на бронзового коня, будто летит по волжскому городу...

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ «ПТЕНЦА ГНЕЗДА ПЕТРОВА»

О Татищеве мы вроде знаем все, а по сути — самую малость. Поэтому позволю привести ряд наиболее интересных, на мой взгляд, высказываний и догадок писателей, историков, краеведов, сотрудников архивов, библиотек, музеев о незаурядном и не до конца реализовавшем свои возможности человеке.

— Если прочесть все, что написано им самим, и ту многочисленную библиографическую литературу о нем, — получится одна большая тайна, — как-то сказал председатель Общества уральских краеведов, заместитель председателя оргкомитета традиционных «Татищевских чтений» Всеволод Слукин. — В этой тайне значительное место занимает екатеринбургский период жизни Татищева.

В.Н. Татищев

Отменно храбрый драгунский капитан, участник штурма Нарвы и Полтавской битвы приехал на Урал ставить государственное горнозаводское хозяйство. И ему показалось, что новый завод будет эффективнее старого Уктусского, поэтому начал с выбора места для металлургического производства.

А все-таки кто выбрал место? Может быть, хорошо знавший окрестности управитель Уктусского завода Бурцев? Но это далеко не то место, которое нам всем известно сейчас. Плотина, образующая наш городской пруд, должна была подняться чуть ниже, где-то в районе цирка. Часто пересыхающая Исеть только здесь собирала все свои более полноводные притоки: Мельковку, Акулинку, Малаховку. Но заложили главную плотину все-таки там, где заложили.

Однако вскоре над Татищевым уже собрались черные тучи. Как только он заготовил лес, камень и другие материалы для запруды и завода, случилось то, что и должно было произойти, что наглядно демонстрирует, как опасно ссориться с миллионерами, имея в кармане месячное жалованье в 12 рублей.

Получив полномочия от государя, Татищев самонадеянно начал проводить его политику на Урале, решил ввести государственные порядки не только в казенное, а и в частное горное строительство. Демидовым это не понравилось. Но убрать такого конкурента можно было только запрещенным приемом, и на Татищева состряпали дело о взяточничестве. Началось долгое унизительное разбирательство.

Обратимся к документам государственного архива Свердловской области периода, когда на Урал прибыл с особым поручением находящийся на русской службе Георг Вильгельм де Геннин, которого попросту звали Вилимом Ивановичем. Это был конец 1722 года, для Татищева неблагоприятное время: его идея строить

железоделательный завод на Исети в столице одобрения не нашла. Петру нужна была медь, а не железо.

И тогда, в конце 1722-го, Татищеву было указано: завод не строить. А деньги, отпущенные на это, уже были истрачены. В довершение — ссора с Демидовыми.

Все это досконально расследовать и приехал В.И. Геннин, к слову, умевший ценить деловые качества, считавший, что государевы люди должны держаться вместе. В письме к царю он сообщил, что «Демидов — мужик упрям, видя, что ему другие стали в карты смотреть... жаловался... до сего времени никто не смел ему, боясь его, слова выговорить, а он здесь поворачивал как хотел... Ему не очень мило, чтобы Вашего Величества заводы станут здесь цвесть для того, что он мог больше своего железа продавать и цену положить как хотел». И далее: «...Татищев показался ему горд, но старик незалюбил с таким соседом жить и искал, как бы его от своего рубежа выжить, понеже и деньгами он не мог Татищева укупить (!), чтобы Вашего величества заводам быть».

За этой общей короткой формулировкой стоят серьезные, почти военные баталии между могущественным заводчиком и посланцем «гнезда Петрова», к примеру, за одно из месторождений, которое давало флюсы, необходимые в металлургическом производстве. Демидов попросту его прикарманил и даже брал с государственных заводов мзду.

Тогда Татищев собрал сколько-то солдат Тобольского полка, отправился на карьер, силой выдворил демидовских представителей и поставил свою охрану: нападать на солдат было опасно — это каралось законом. Затаив зло, Демидов отступил.

Несмотря на столь явное заступничество, отношения Геннина и Татищева даже в первый период были сложными, что следует из письма: «Я оного Татищева представляю без пристрастия, не из любви или какой интриги, или

б чьей ради просьбы. Я и сам его рожи калмыцкой не люблю, ио видя его в деле весьма правом и к строеиию заводов смышлеиом, рассудительиым и прилежиым».

В судебиом разбирательстве дела Татищева о взяточиичестве участвовало миого людей, и как бывает, иедоброжелателей всегда больше. Сам Василий Никитич эти обвииеиия отвергал, объясияя, что ои работает до определеииого часа, у иего есть реестр всех посетителей со всеми просьбами. Ои их разбирает. После работы господа офицеры идут играть в карты, заиимаются со своими сворами охотиичьих собак и прочее. А ои остается — и это уже его личиое время приема посетителей. За это люди ему и платят мзду.

Петр его пожурил, ио обвииеиия сиял и отправил иа Урал, где полиым ходом шло строительство. Однако когда в ноябре 1723 года заработали главиые цеха и городкрепость иа Исети пышио отметил свое рождение, Татищев все-таки уезжает в столицу, так как разиогласия между иим и де Геииииым обострились. Возможио, Геиииу ие иравились идеи, которые, ие согласуясь с иим, высказывал Татищев. А ои считал себя — и был! —большим знатоком и специалистом.

А что В.Н. Татищев? Царь его посылает за граиицу смотреть, изучать горио-металлургическое хозяйство. И вскоре бывший драгуиский капитаи удивил современииков и продолжает удивлять потомков своими эициклопедическими зиаииями: ои изучил труды Бэкоиа, Декарта, Лейбиица, Гоббса, Локка. Ои по достоииству оцеиил миогие редкие маиускрипты, в их числе цениейшую «Русскую правду» Ярослава Мудрого — первый закоиодательный сборник иашего средиевековья, а также «Судебиик» Иваиа Грозиого. Побывал с разиыми важиыми государствениыми поручеииями в Германии, Польше, Швеции, Дании. Задумал создать «Историю Российскую с самых древнейших времен». На эту работу ушел большой

срок — 30 лет. Но беловой экземпляр погиб при пожаре, а часть уцелевших черновиков впервые увидела свет спустя 18 лет после смерти автора — их подготовил его сын Евграф Татищев. Варианты этого феноменального труда с обширными комментариями были напечатаны спустя сто лет, а в середине XX века вышло первое научное издание «Истории Российской».

НЕОБЫКНОВЕННАЯ МЕТРИКА

Долго оставалась загадкой дата рождения В.Н. Татищева. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона дает неточные сведения. Но как выглядели метрики три с лишним века тому назад? Так получилось, что своеобразным и единственным свидетельством о рождении стала обыкновенная грамматика французского языка, которая хранится в отделе редкой книги библиотеки Уральского университета. На первом листе читаем сделанную порыжевшими чернилами надпись: «В 1720 году октября в 21 день в Кунгуре по сей грамматике начал учиться по-французски артиллерии капитан Василий Никитин сын Татищев от рождения своего 34 лет 6 месяцев и двух дней».

Этой надписью дорожат все историки Урала и России. Она бесценна, потому что позволяет теперь точно сказать, что Татищев родился 19 апреля 1686 года, то есть 317 лет тому назад.

ВЗГЛЯД С ВОСТОЧНОГО СКЛОНА ВОЗНЕСЕНСКОЙ ГОРКИ

Во второй раз Татищев приехал в Екатеринбург 1 октября 1734 года. В.И. Геннин свое дело сделал. Он был в преклонных летах, и его отзывали.

Возвращаясь, Татищев проехал по Уралу, посетил многие заводы. Не все сделанное предшественником ему понравилось (он был уверен, что сделал бы все лучше!). Нашел также, что Геннин запустил счета, поэтому между ними состоялся прощальный нелицеприятный разговор.

У Татищева уже было звание генерала, он почувствовал в своих руках полную власть. И за последующие затем неполные три года сумел действительно развернуться. Прежде всего начал каменное строительство в городе. Не забыл при этом и себя. Ему показалось неуютно в том старом командирском доме в крепости, и он строит себе усадьбу, чтобы можно было работать вдали от заводского шума. Его усадьба с хозяйственными постройками, огородами заняла практически весь верх Вознесенской горки. Здесь находился и бастион с пушками для защиты на случай башкирских волнений.

Не все знают, что Татищев в то время переименовал наш город. Это подтверждают несколько подписанных им

документов: первый от «ноября 15 дня 1734 года». Ему не нравилось засилье немцев в России, поэтому в названии нет уже «бурга», а есть Екатеринск. Он предлагал также русифицировать до того введенные сложные иностранные названия должностей.

Новый этап жизни знаменует 1737 год, когда его назначили руководителем Оренбургской экспедиций, правда, он по-прежнему работал горным командиром — находит, например, место для Оренбургской крепости. Тогда же у него созревает план строительства на Урале 40 новых заводов.

Историки склонны считать, что второй приезд к нам — своеобразная ссылка. Татищева невзлюбил фаворит государыни Бирон. Впрочем, неприязнь была взаимной, Татищев активно выступал против «бироновщины». Но Анна Иоанновна не могла просто так заключить

известного человека в тюрьму, поэтому она, мягко говоря, спровадила его на Урал. Чему он был даже рад — лишь бы подальше от придворных дрязг.

Журнал «Русская старина» 120 лет назад писал: «Практичность во всем — в делах, в воззрениях, полное отсутствие идеализма, глубокое понимание сущности вещей, находчивость, необыкновенно меткое суждение обо всем и точная здравая логика — вот отличительные черты интеллектуального и нравственного облика Татищева».

Отметим, что в культуру Урала он вошел двумя важными делами: основал школы и первую горнозаводскую библиотеку.

ПРОПАВШИЕ РАРИТЕТЫ

О библиотеке Татищева, богатейшем собрании его книг, написано много. Напомним, что книги он собирал практически всю свою сознательную жизнь. Так, отправляясь на Урал во второй раз, в Москве, в немецкой слободе, он купил 44 книги разной тематики. Позже заказывал специальные издания через горное ведомство Академии наук.

Самая значительная коллекция — 617 названий книг на латыни, немецком, французском языках — сегодня находится в отделе редкой книги областного краеведческого музея. Здесь самое раннее издание с датой 1615 год — «Естественная история» Плиния Старшего. По ней занимались еще ученики горной школы. Все листы исписаны мелким почерком учителя словесности — это перевод с латыни.

Много часов можно рассматривать толстый фолиант по геральдике, где находим и герб России. Но на русском языке только одно иллюстрированное издание

с великолепными гравюрами по поводу значительному — пышной коронации Анны Иоанновны.

В потемневших переплетах — книги по военной тематике. На свои деньги приобрел Татищев «Математик» Магницкого — его так усердно изучали в школе, что от долгого употребления страницы стерлись, листы повреждены.

Две книги находятся в Уральском университете: кроме упомянутой выше французской грамматики на заветной полке хранится весьма увесистый том об устройстве механизмов и приспособлений (достижения инженерной мысли того времени) с четкими рисунками и чертежами. Есть предположение, что этим учебником пользовался уральский изобретатель первого парового двигателя Иван Ползунов.

Словом, татищевская библиотека была уникальна. Ничего похожего в российской провинции тогда не было. Она оставила исследователям массу загадок, и самая сложная из них: подарил ли Татищев нашему городу свою библиотеку, когда уезжал, или оставил до времени?

ПРОРОКИ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Говорят, что гении не рождаются, гении только умирают. Отдав все силы служению России, преследуемый Бироном, завистниками и недоброжелателями, В.Н. Татищев значительную часть жизни прожил подследственным, подсудимым и опальным, даже сидел в Петропавловской крепости. Из отведенных Татищеву 64 лет 25 последних он был отстранен от всех должностей. Гордый, несломленный, полный замыслов, он уехал в деревню Болдино под Москвой (не путать с пушкинским Болдино) и нашел там отдушину в кропотливой научной работе над «Российской историей».

Кончину свою он предвидел. По семейному преданию, сам себе сделал гроб, тщательно выточив ножки, потом присутствовал при рытье могилы. Попросил священника приехать завтра, чтобы исповедаться. Курьеру, прискакавшему в тот день из Петербурга с указом о долгожданном помиловании и награждении орденом Александра Невского, награду вернул уже за ненадобностью. Назавтра дал последние наставления детям и внукам, принял священника и скончался.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Сошлюсь снова на исторический журнал «Русская старина», который летом 1887 года с горечью писал, что могила столь достойного сына отечества находится в крайне запущенном состоянии. Об этом же сообщал еженедельник «Литературная Россия» летом 1980 года. В 90-х годах в Болдино побывали два уральских краеведа, Николай Лысков и Виктор Мальков, — они запечатлели захоронение документально. Практически ничего не изменилось: надгробье в виде саркофага все так же полуразрушено.

Всех, кто хотел бы знать о В.Н. Татищеве более подробно, отсылаю к книге А. Кузьмичева, изданной в серии «Жизнь замечательных людей».

В заключение еще несколько штрихов к портрету Татищева. Энциклопедически образованный человек: экономист, математик, историк, горный инженер; естествоиспытатель и страстный собиратель русских рукописных сокровищ, общественный и государственный деятель, дипломат, палеонтолог, первым в мировой науке написавший о мамонтах... Это он открыл нашу уникальную железную гору, назвав ее Благодатью. Наконец — основатель крупных ныне городов, в их числе Екатеринбург. Так почему

бы нам на высшем уровне не договориться с властями Московской области (для которой Татищев, может быть, не столь значим) о перенесении сюда, на берега Исети, с заброшенного, забытого болдинского погоста праха этой исполинской исторической личности?

Памятник В.Н. Татищеву в г. Тольятти

В ПОИСКАХ ПОРТРЕТА МИХАИЛА МАЛАХОВА

Много спорных вопросов вокруг творческой судьбы М.П. Малахова. До сих пор мы любуемся, хотя и утратившими прежний блеск, зданиями, построенными, перестроенными по его проектам или под его началом. Но что мы все-таки знаем о нем? Кто он и откуда, из какой семьи и среды вышел? Как жил и работал, что из его духовного наследия вошло в уральскую архитектуру и остается в общественной памяти? Как найти хотя бы один его портрет, пусть даже словесный? Где покоится его прах?

Из послужного списка Малахова, он хранится в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), узнаем, что он не уралец, родился в Черниговской губернии в семье мелкопоместного украинского дворянина, должно быть, весьма небогатого. Иначе зачем бы еще

мальчиком ему идти на заработки канцеляристом в суд или служить на почте?

Склонность к рисованию проявилась у него рано, и тогда же были его первые попытки сочинять «прожекты для строительства зданий». Кто-то влиятельный это заметил, и в 16 неполных лет подросток поступил в Императорскую Академию художеств «для усовершенствования себя в архитектурной науке». Надо сказать, что талантливых детей в Академии тогда училось много, вспомним хотя бы судьбу Карла Брюллова. Но Миша Малахов прошел весь курс за год с небольшим, причем получил диплом первой степени и шпагу — в истории Академии это случай редкий.

Но до осуществления мечты было еще далеко. Сначала какая-то работа по архитектурной части в медицинской коллегии, и только потом он добивается места архитектурного помощника в мастерской известных зодчих А.Н. Воронихина и И.Е. Старова, по проектам которых на рубеже XVIII—XIX столетий в Петербурге строились знаменитый Казанский собор, медико-хирургическая академия, театры. Здесь, в столице, славящейся пышными роскошными дворцовыми комплексами, удивлявшими мир своей изысканностью, Малахов получает бесценный практический опыт, который пронес через всю свою жизнь. Человек выдающихся способностей, он в столице не нашел должного применения своим знаниям и, чувствуя в себе большой творческий потенциал, уехал в Оренбургскую крепость архитектором. Параллельно начал промышлять заказами в других городах Урала.

Мало кто знает, что первый особняк купцов Рязановых (очень хорошей архитектуры) в Екатеринбурге был построен по проекту Малахова в 1809 году на берегу Исети (рядом с магазином «Цветы» на улице Малышева). Недавно убрали сгоревшие развалины.

Официально екатеринбургский период Малахова начинается с 1 февраля 1815 года, когда «по объявленному желанию» он начинает свою работу в качестве архитектора Екатеринбургских заводов. Ему 30 лет, он холост, по всей вероятности, недурен собой, трудолюбив, говорят, ни разу не использовал полагавшийся ему отпуск. К тому времени М. Малахов имел уже достаточный капитал, чтобы вскоре построить себе теперь известный всем особняк на улице Луначарского. Это был загородный дом с наделом в шесть соток, и чтобы его увеличить, архитектор подавал особое прошение. Место было живописное — рядом с речушкой, которую сразу нарекли Малаховкой. Старожилы помнят еще и знаменитый Малаховский ключ, из которого брал чистейшую воду (полтора века уж точно!) весь Екатеринбург. В начале 60-х годов этот говорливый прозрачный родник еще жил, и я пила из него воду. Здесь бы соорудить нам свой уральский фонтан, был бы известен не меньше Бахчисарайского. Да где уж! Представители нового племени градостроителей, обремененные манией исключительной власти, чудо природы замуровали, застроили, уничтожили. И Малаховскую улицу, что шла от его дома, в 1919 году переименовали в Энгельса: вождь мирового пролетариата вряд ли бы пришел от этого в восторг, потому что улица уходит в тупик, как, кстати, и улица Маркса. Сегодня имя архитектора на карте города все-таки есть: бульвар Малахова на Вторчермете.

Кое-что о легендах дома Малахова. Мешавший при расширении улицы этот исторический особняк обезобразили, отбили центральный портик с колоннами, и он, окруженный нелепым забором, превратился в неприглядное строение.

По словам уже покойного архитектора П.И. Лантратова, который участвовал в реставрации не только этого

малаховского здания, особняк на Васенцовской имел особую воздушность, некий шарм, а сделанная копия, хотя и добротная, все-таки не то, что задумывал некогда Малахов.

Главным инициатором его перестройки, нашедшим на это деньги, был «Электроуралмонтаж», его наладочное управление, которому для размещения выделили старый малаховский дом. Первый этаж к тому времени ушел под землю, в подвале стояла вода, падала кусками штукатурка. Проще было построить все заново, чем латать старое. К чести новых хозяев — они не оказались временщиками и поняли: память о таком человеке, как Малахов, должна быть красивой и долгой. В соответствии с указаниями архитекторов за старым особняком возвели из кирпича новый — точную копию. От родной постройки сохранился только бельведер, то есть купол, очень точно перенесенный на новое здание. Случай помог найти один из фрагментов капители, по которому были воссозданы все колонны, некогда украшавшие фасад особняка.

Но старый дом, когда его убирали, отчаянно сопротивлялся. И.А. Зайков, в то время генеральный директор наладочного управления, и М.Е. Федоров, бывший начальник строительного участка, рассказывают, как трудно было разбирать бревна из лиственницы. Их не брала даже пила «Дружба». Удивляли современных строителей гвозди и штыри, не поддающиеся ржавчине, причем каждый с клеймом мастера. А какой необычный утеплитель был проложен между венцами — мох с некими добавками, в котором не нашли следов ни грызунов, ни тараканов, ни клопов, ни моли.

Под крышей купола во время реконструкции найдена была книжечка на церковнославянском языке, а в ней письмо, в котором молодая девушка писала милой мамочке, как ее здесь тепло и радушно встречают. Как в святочные вечера она катается на тройках. Строители

подивились красоте изложения, каллиграфии, но в музей передать этот документ почему-то не догадались. О семье Малаховых мы мало что знаем. Может, это письмо открыло бы новые факты.

Сегодня дом Малахова — светлое пятно среди каменных коробок, одно из знаковых мест в Екатеринбурге. Но видим мы его в основном снаружи. Под колоннами парадный вход, где сегодня ресторан. Архитектор эту часть отводил центральному холлу, вокруг которого были, вероятно, столовая, его кабинет, библиотека. Сюда 175 лет тому назад после венчания Михаил Павлович Малахов ввел свою нареченную.

По «черному» входу, как тогда говорили, сейчас располагаются многие офисы и резиденция бывшего главного архитектора города В.И. Белянкина, а поднявшись под самый купол, можно обнаружить пока пустое помещение с круговым обзором. Здесь сам Бог велел разместить музей прославленного архитектора, кому этот дом принадлежит по праву. И громкая слава тоже.

Откроем еще одну тайну старого дома. В государственном архиве Свердловской области есть документ 1835 года, который лежал в папке с грифом «Секретно». Это предписание из столицы тогдашнему начальнику уральских горных заводов Дитериксу II: «На основании известного Вашему Превосходительству высочайшего повеления, признавая нужным сделать обыск у архитектора Малахова, который по тесным связям с бывшим командиром гранильной фабрики Коковиным наводит на себя подозрение...» Напомним, Яков Коковин выдающийся уральский камнерез, изделия которого украшают коллекцию Эрмитажа, был командиром, т.е. директором, гранильной фабрики. В то время уральская земля одарила нас самым редким богатством — были открыты уникальные изумрудные копи. Так вот Коковин, выполняя предписания двора, поставлял с новых шахт эти редкой

красоты прозрачные зеленые камешки. А по наветам его обвинили в краже изумруда.

Представьте, какой в доме Малахова в ту предновогоднюю ночь был переполох. Какого страху натерпелись жена и трое маленьких детей. Какую моральную травму нанесли уважаемому в городе человеку, добрая и беспорочная служба которого была отмечена государственными орденами и медалями.

Обыск, естественно, ничего не дал. Высокий царский чиновник Лев Перовский, несколько раз пытавшийся склонить Якова Коковина к бесчестным сделкам с драгоценными камнями, вероятно, сам украл редкого достоинства изумруд. Свалив вину на Коковина, он решил расправиться и с его друзьями. Перовский своей грязной рукой ничтоже сумняшеся подписал произвести обыск и у Малахова.

Коковина и Малахова действительно связывала дружба еще с юности, со времен учебы в Петербургской академии. Подтверждение тому мы находим в церковной книге Екатерининского собора, где значится, что кавалер

Яков Коковин выступал в качестве поручителя при венчании четы Малаховых и поставил в соборной книге собственноручную подпись. (В свидетели при таких торжествах, конечно, приглашают самых близких друзей.) И когда Коковин оказался в тюрьме, архитектор, вероятно, за него ходатайствовал.

Дальше судьба — сошлюсь на исследования И. Шакинко — распорядилась так: Яков Коковин, проведя в тюрьме два года и два месяца, вышел тяжело больным и вскоре умер. Наверное, не случайно в эти годы закатилась звезда и Михаила Малахова. Он уходит или его «ушли» с высокого поста главного архитектора горного округа. В 1842 году в возрасте 59 лет, практически в расцвете творческих сил, его не стало.

Напомним, что в 2003 году исполняется 220 лет со дня рождения выдающегося уральского зодчего.

Но вернемся к началу его творческого пути.

В Екатеринбурге проявились широкая эрудиция Малахова-архитектора, его обширные знания во всех вопросах проектирования и строительства. Один из исследователей его творчества, кандидат искусствоведения А.М. Раскин, считает, что если Москву классическую связывают с именем Матвея Казакова, то с не меньшим правом можно считать Малахова главным создателем классического облика Екатеринбурга.

Сегодня известно более ста проектов, подписанных Малаховым, что говорит о его недюжинных способностях, работоспособности, энергии и неутомимой деятельности. В 1832 году он получил дальнейшее продвижение по службе — стал архитектором всего Уральского горного правления.

Здесь уместно напомнить, что 30-е годы XIX столетия Мамин-Сибиряк назвал «золотым веком» в градостроительстве Екатеринбурга. Они совпали с укреплением его административного статуса как центра Урала. До этого он был уездным городом Пермской губернии. В этот период создан ансамбль Верх-Исетского завода. Чего стоила одна контора с адмиралтейским шпилем, с цехами, похожими на античные храмы, с Успенской и Христорождественской церквями, плотиной на Ольховке, — все это было создано в мастерской Малахова и, по словам специалистов, представляет один из крупнейших и красивейших ансамблей промышленного зодчества того времени. Осуществляется застройка центральной части города вдоль пруда и реки зданиями, от вида которых и сегодня теплеет наш взгляд.

Пройдемся по улицам города начала XIX века вместе с английским художником и архитектором Аткинсоном и посмотрим его глазами: «значительное число частных зданий выстроены в таком изящном стиле и с таким вкусом, что могли бы с полным правом занять

место в каждом большом европейском городе». Каменные дома, утопающие в зелени садов, сверкающие белизной колоннад и портиков, казались настоящими дворцами.

Но было бы наивным полагать, что царствующий тогда Николай I в своих государевых снах видел Екатеринбург третьей столицей России. Его императорским величеством были одобрены для частных строений в городах Российской империи пять альбомов под названием «Собрания фасадов». Малахов, как государственный чиновник, должен был этот указ исполнять. Вот почему вокруг имени зодчего столько споров сегодня: какие проекты авторские, а где обычный начальственный надзор за типовым строительством? Вероятно, было и то и другое.

Однако к оригинальным работам большинство исследователей относят дом главного горного начальника (спецбольница), горную аптеку (Ленина, 37), малый и большой Рязановские особняки (улица Куйбышева). Почерк Малахова специалисты находят на завершающем этапе строительства самого красивого ансамбля города — усадьбы Расторгуева, в реконструкции здания главного горного правления (консерватория). Он предложил интересную реконструкцию плотины, гранильной фабрики, Виз-бульвара. В исследовании «Зодчие старого Урала» ученый Н.С. Алферов особо отметил малаховские комплексы промышленных зданий в Каменском и Нижне-Исетском заводах, проект корпуса трех паровых машин для Березовских золотых приисков. По его проектам велось строительство в Тюмени, Кыштыме, ему принадлежит около десяти планов заводских поселений. В 1829 году он создал генеральный план застройки Екатеринбурга, организовал здесь проектные мастерские, своеобразную школу зодчих.

Эти скупые и разноречивые сведения о зодчем я задалась целью дополнить его зрительным портретом. На

это ушло четыре года, но портрета пока нет. Напомним, что на рубеже XVIII—XIX столетий фотографии еще не изобрели, стало быть, мы не можем заглянуть в старый семейный альбом Михаила Павловича Малахова, увидеть лица членов его семьи.

На Украине, куда я посылала запрос, портретов тоже не нашли и известно там о нем меньше нашего, однако любопытные факты все-таки обнаружены. Сотрудники Государственного архива Черниговской области прислали ксерокопию страниц «Родословной книги Черниговского дворянства» графа Г.А. Милорадовича с записями о роде Малахова. Из нее узнаем, что деда архитектора звали Василий Емельянович. Он проходил службу в 1750 году, был советником совестного суда Черниговского наместничества, произведен в войсковые товарищи и уволен в отставку поручиком. Род признан Правительственным Сенатом во дворянстве со внесением во вторую часть родословной книги. Его сын Павел Васильевич в точности повторил карьеру отца. У него было три сына. Младший — Михаил. Указан точный год его рождения. Не 1781-й, как считают наши краеведы, а 1783-й. Месяца и точной даты пока нет, но черниговский музей обещал поискать их в книге церкви Рождества Богородицы в предместье Чернигова — Масанах.

Но почему мы нигде не находим портрета Малахова? Такого высокого ранга государственный чиновник — коллежский асессор — с дворянской родословной и с хорошим достатком мог себе позволить пригласить художника, и мы бы имели его живописный более-менее достоверный портрет. Знаем же мы, как выглядели и ранее жившие Татищев, Антуфьев (Демидов) и его современники — изобретатели первого паровоза Черепановы, генерал-губернатор Глинка, для которого по проекту зодчего был построен роскошный особняк.

Однако такого портрета нет, пока не обнаружен. Пока... Эта уверенность меня не покидает, хотя знатоки уверяют, что род Малаховых на Урале обрывается на третьем поколении по мужской линии. Но у Михаила Павловича были еще две дочери. А вдруг не все забыли свою родословную?

Я долго вычисляла, где мог венчаться Малахов. Рядом с его домом была церковь, но, скажем так, солдатская. Если в Рязановской (Иоанна Злотоуста) — так там собирались старообрядцы. Вознесенская — несколько в стороне. А Екатерининский собор? Ну, конечно же. Перелистав в ГАСО четыре толстенные, по полпуда весом каждая приходские книги этого собора, нашла все-таки важную запись: «Титулярный советник Михаил Павлович Малахов 44 лет, невеста Вознесенского прихода (чин непонятно) Иоанна Иоаннова Колобова дочь — девица Вера 18 лет. Оба первым браком. 18-е мая 1828 года».

Через год в метрической книге этого же собора находим запись о рождении у них первенца — сына Виктора.

В Свердловском областном краеведческом музее мне помогли отыскать фотографии двух Малаховых и документально установили, что это не однофамильцы (хотя фамилия Малаховы широко распространена не только на Урале, но и по всей России), а сын и внук известного зодчего. Отметим особо: каждый из них тоже оставил в нашем крае добрый след.

Екатерининский собор и в дальнейшей судьбе архитектора займет особое место. Крестины дочери Анны, появившейся на свет через год после брата, крестины другой дочери...

Известно, что Малахов участвовал и в перестройке этого главного храма города. Только на фото и можно видеть, как он выглядел до своего последнего часа, когда искореняли веру в бога и рушили культовые

Виктор Михайлович Малахов

учреждения. А стоял Екатерининский собор напротив почтамта, почти там, где сейчас часовня Великомученицы Святой Екатерины.

Фотопортрет сына Малахова — Виктора Михайловича — мы можем рассмотреть. К этому времени (середина века) изобретение француза Дагера уже совершало триумфальное шествие по планете и дошло до Урала. Фотоателье было даже в Кушве (о чем свидетельствует

надпись) и качественно выполняло свою историческую миссию.

Русоголовый, в модном костюме того времени, с усами и бородкой молодой человек, почему-то вяжущий чулок, на самом деле — уральский горный инженер, чиновник по особым поручениям при главном начальнике Уральских заводов. Даем точные даты его жизни: 16 марта 1829—1880 гг., т.е. прожил он 51 год.

По свидетельству старейшего краеведа А.Р. Пинус, Виктор Михайлович был весьма интересным и деятельным человеком. Он лишился отца, когда ему было 13 лет. Но в нем была целеустремленность, наследственная тяга к знаниям. Профессию он избрал сугубо уральскую — горного инженера.

В 1850—1870 годах он преподаватель Уральского горного училища. У него появилась потребность, как у многих просвещенных людей того времени, что-то делать для общественного блага. И вот он уже действительный член Уральского общества любителей естествознания, с 1873 года — хранитель музея этого общества. Виктор Малахов активно участвует в формировании коллекций, передает собранные за годы службы в поездках по горным предприятиям уникальные геологические образцы. Многие жители нашего города могли этот мини-музей Уральских гор видеть в экспозиции, когда наш краеведческий «жил» в двух храмах города.

На другой фотографии — уже внук известного архитектора, которого в честь дедушки назвали Михаилом. В записке заведующей отделом археологии и этнографии С.Н. Паниной читаем: «Михаил Викторович Малахов (1856—1885) — первый дипломированный археолог. Он обследовал значительную территорию Северного, Среднего и Южного Урала, открыл и раскопал, описал свыше 30 археологических стоянок и поселений: среди них — Палкинское городище, где

Внук М. Малахова Михаил

древний человек поселился девять тысяч лет назад, стоянки на Исетском озере, Шигирский торфяник, Аятское озеро. Он открыл ряд стоянок на реке Багаряк, осмотрел наскальные рисунки по рекам Вишере, Тагилу, Режу, Исети и снял с них копии, осмотрел до 40 городищ в Соликамском и Чердынском уездах, при

участии О.Е. Клера им были обследованы Смолинская пещера на Исети и ряд пещер и мест нахождения ископаемых костей по рекам Салде, Тагилу, Лае, Миассу. Совместно с археологом Н.А. Рыжниковым М.В. Малахов провел раскопки на Шитовском озере, на островах Таватуйского и берегах Чусовского озер. За экспедицию 1881 ода Малахов был удостоен серебряной медали Географического общества, а за экспедицию 1882- го — золотой».

Оборвалась жизнь Михаила Малахова-младшего очень рано. Он умер в 29 лет от туберкулеза, лечить эту болезнь тогда еще не умели.

На этом надо бы закончить небольшое исследование о трех поколениях одной семьи. Однако считаю нужным еще кое-что существенное дополнить: к этому меня побудило несколько телефонных звонков.

Жительница Екатеринбурга Валентина Романовна Ефимова, человек верующий, несколько лет тому назад открыла для себя, что Храм Покрова Пресвятыя Богородицы в Горном Щите был тоже построен по проекту М. Малахова, а стало быть, это памятник архитектуры. Он стоял среди селения с крестами на куполах, колокольней, окружен был каменной оградой с мраморными столбами и железной решеткой, в ограде росли пихтовые деревья. Таким она увидела храм во всей его красе... на картине местного художника-любителя И.Ф. Аникина, бывшего директора школы № 142.

Сегодня храм серьезно разрушен. Прихожане ищут деньги на восстановление. Хорошо бы, эти строки прочел тот, у кого «болит совесть» и есть материальная возможность помочь.

Горный Щит — село старинное. В конце XVII века оно называлось Верхний Уктус, тогда уже церковь Покровская стояла. В 1709 году взбунтовавшиеся башкиры сожгли село и церковь, перебив почти всех жителей.

Храм Покрова в Горном Щите

В 1721 году здесь встало укрепление Горный Щит. Службу несли драгуны Уктусской роты. Подняла маковки и новая Покровская церковь. Хотя и была деревянной, послужила более ста лет. А зимой 1828 года она снова сгорела. На новую средства собирали всем миром. Как раз этот проект и был выполнен архитектором М. Малаховым. В ГАСО есть два рисунка Покровской церкви в Горном Щите и пояснения автора: «План и фасад предполагаемой церкви в Горнощитском селении непременных работников во имя Покрова Пресвятыя Богородицы могущей поместить до 500 человек молящихся».

Подпись: «Архитектор Малахов, 1828 год». Есть и выполненная им смета на сумму в 32151 руб. 48 коп.

Приведу еще один неожиданный телефонный разговор. Старейший наш художник Екатерина Владимировна Гилева, человек большой эрудиции, интересовавшаяся историей нашего края и города, меня тогда упрекнула: «Вы говорите, что М.П. Малахов похоронен в Зеленой Роще за алтарем построенного по его проекту Собора Александра Невского. А я его красивый могильный камень с соответствующей надписью видела в другом конце города — возле Михайловского кладбища, около остановки автобуса, лет 20 тому назад, я тут же позвонила в Союз архитекторов, и какой-то клерк принял мое сообщение».

Нет бы, подсуетиться. Но отыскать надгробную плиту ни у Михайловского кладбища, ни в другом месте сегодня не удалось. Наверное, кто-то решил «прибрать» добротный могильный камень Малахова, несмотря на то, что он был весьма тяжел. И искать его следует на Михайловском погосте, на какой-нибудь чужой могиле, а то и под фундаментом близлежащего дома.

Однако прах М.П. Малахова, как очень известного человека, земле предали на самом деле за алтарем Александро-Невского собора. Это было самое почетное в то время место для мемориала. Свидетельствуют, что по периметру росли четыре дерева. Все это нынче стерто с лица земли, как и другие могилы монастырского кладбища. Ново-Тихвинский монастырь — это выделим особо — еще одно, можно сказать, мемориальное детище М.А. Малахова. Под его руководством был спроектирован единственный в то время в России в классическом стиле великолепный монастырский комплекс с церквями (ныне это пока военный госпиталь).

И в завершение вернемся к началу нашего разговора. Из трех поколений рода Малаховых (уральских) имеем два портрета. Если внимательно рассмотреть, в них

много общего. Но как знать, кто из них — сын или внук — унаследовал черты зодчего? Говорят, что генетический код больше проявляется в третьем поколении. Разговор с одним краеведом из Нижнего Тагила натолкнул меня на метод определения, возможно, и спорный. А почему бы не предположить, что эти фотографии станут ключом к одному из портретов, написанных в прошлом веке, которые хранятся в фондах музеев Нижнего Тагила, Екатеринбурга, Перми и проходят под названием «Портрет неизвестного»? Наши музейные фонды — настоящая кладовая сокровищ, и, возможно, здесь нам оставила история облик известного нашего зодчего Михаила Павловича Малахова.

РОКОВОЙ ВОЗРАСТ ГЕНИЕВ

Приснилось мне как-то, что высокие «мужи» Екатеринбурга торжественно и пышно готовятся отметить не только круглую дату города, но и 275-летие со дня рождения одного нашего великого земляка. И не просто заздравными речами да тостами. Решено это мероприятие обставить с помпой: отлить фигуру героя в бронзе. И место, снится мне, определили: на улице, где он в 1728 году родился. Там, где в раннем Екатеринбурге проходила южная стена завода-крепости с пограничными сторожевыми башнями.

Дискутировали только по поводу конкретной привязки монумента: на месте, где раньше стояли казармы, то есть в сегодняшней нише, плотно заставленной торговыми палатками, у дома с номером 31. Или не трогать пока бойкую торговлю — есть на примете готовый островок на перекрестке. Идеальная площадка для

памятника! Там, где некогда был, но дотла в советское безбожное время разрушен католический костел Святой Анны.

А кому, спросите, будем ставить мемориал? Досмотреть утренний сон не получилось — будильник не дал. Остается теперь гадать. Посоветовалась со знатоками истории края, и сообща сошлись на одном.

...Человек умирал. Злые боли, терзавшие его тело, улеглись. На губах алела кровавая пена. Еще клокотала грудь, но изнурительный кашель, мучивший последние месяцы, отступил. Видимо, судьба смилостивилась, чтобы человек без болей, без мучений смог покинуть земную юдоль. Он уже ничего не чувствовал. Обвел взглядом избу, задержался на лице плачущей жены, повернул голову к окну и улыбнулся. Там ликовала проснувшаяся природа: щебетание, короткие трели, посвисты, верещание, гуканье ошалелых от наступления весны птичьих тварей — все сливалось в одну торжественную симфонию.

Человек смотрел в окно напряженно, силясь вспомнить что-то главное в своей короткой жизни. Почему он дома? Лежит без дела? Разве он все успел? И важное закончил? Последним усилием хотел подняться. Но сердце остановилось, и жизнь оборвалась. Человек ушел в небытие, ушел в легенду. Произошло это 16 мая 1766 года. Покойного звали Иван Иванов сын Ползунов. Скончался он от скоротечной чахотки, не преодолев роковую цифру гениев — 37 лет. Умер, не дожив несколько дней до претворения в жизнь своей главной мечты — испытания невиданной доселе, пугающей огнедействующей машины.

Скорбное событие произошло далеко от Урала — на Алтае, в Барнауле. Но мы сейчас отсчитаем назад 37 его лет, чтобы вернуть нашего героя в Екатеринбург, в его детство.

Он родился в деревянном бараке, в котором в годы строящегося завода-крепости на Исети квартировали солдаты второй Екатеринбургской роты. Стояли эти казармы на южной окраине, что потом, когда расширится город, назовут не просто улицей, а Покровским проспектом. Казармы располагались на правом берегу реки, где-то метрах в 50—100 от Каменного моста. Свой век они отслужили, и их потом убрали.

В делах обер-бергамта сохранился «Список имянной ведомства канцелярии заводов о находящихся при Екатеринбургских ротах обер-, унтер-офицерах, писарях, капралах, солдат, артиллерийских служителей и простых чинах генваря с 1 прошлого 1748 году — генваря по 1-ое число сего 1749 году». На листе 201 списка упоминается в числе прочих солдат из Епанчина (Туринска) второй роты Иван Ползунов 43 лет от роду, вступивший на службу в ноябре 1723 года. Вероятно, он был среди партий служивых, присланных в распоряжение Геннина для строительства крепостей и заводов. Словом, вышел Ползунов из среды, именовавшейся в то время «подлым сословием».

При крещении младенца, как и отца, нарекли самым русским именем — Иван, и покатилось быстро, потекло короткое Ванюшино детство. В семье он был помощником. Чуть подрос — дрова колол и воду из чистого ручья носил, свистульки мастерил и лыко драл для лаптей и корзин. Но больше его тянуло к заводу, что дымил и грохотал, тревожа детский ночной сон. Приставал с расспросами к мастеровым, рисовал на песке непонятные фигуры. Мать в постоянных заботах — чем накормить семью, как справить к зиме порты, онучи, рубаху мужу и сыну, — только вздыхала, глядя на хрупкого дитятю, и молилась святым угодникам.

Счастье все-таки выпало Ванюше. К большой гордости отца, который вместо росписи ставил крест, семилетнего мальчугана взяли в словесную школу — заводу

нужны были грамотные люди. По окончании его переводят в арифметическую. К донесению в Канцелярию Главного правления заводов приложена «роспись», или список шестнадцати учеников, где третьим по списку значится Иван Ползунов. Список составлен не в алфавитном порядке, а по успеваемости.

Документы, которыми располагает Государственный архив Свердловской области, свидетельствуют, что Ползунов в арифметической школе проучился четыре года, а в общей сложности — 7 лет. За это время выучил немецкий и латынь, основы математики и черчения. Получил знания по горному делу, механическим правилам, логарифмическим вычислениям. Эти семь лет неполной средней школы дали Ползунову теоретические знания, подготовившие его к задуманному великому делу.

К слову, арифметическую школу он даже не закончил, потому что заводу на Исети потребовались сметливые механические ученики. Так четырнадцатилетний юноша вступил на тернистый служебный путь. Но жалованье по копейке в день еще во время учебы в арифметической школе ему и другим ученикам по несколько месяцев забывали выплачивать. Та же история повторилась и при переводе Ползунова в механические ученики.

6 лет, с 1742 по 1747 год, Ползунов оставался в должности ученика при механике. В обязанности механика или машиниста и его учеников тогда входило:

1. Постройка и наблюдение за действием на рудниках водоподъемников рудоподъемных и прочих машин.

2. Работа по постройке и наблюдению за действием «фабрик (т.е. заводских цехов), пильных мельниц и прочих надлежащих заводских и фабричных архитектур».

3. Наблюдение за постройкой и содержанием «в добром порядке» жилых зданий.

4. Наблюдение за соблюдением противопожарных правил при постройках.

5. Заведование «пожарными машинами и трубами».

Екатеринбургский завод стал для изобретателя первой практической школой. Здесь он смог познакомиться с оборудованием свыше сорока основных и вспомогательных цехов, где была сосредоточена в то время значительная часть лучших достижений горнозаводской техники первой половины XVIII века.

Энергетическая основа завода — разбросанные по всем цехам гидравлические колеса — были главными генераторами механической энергии. Здесь юный Ползунов сумел увидеть недостатки старой гидроэнергетики, требующей большого количества людей и большой затраты сил, и задумал использовать «парами действующие» машины.

Благодаря дошедшим до нас документам, которые в течение семи лет собирал по архивам, библиотекам, старым российским и зарубежным изданиям профессор В.В. Данилевский, мы имеем возможность проследить некоторые вехи короткой жизни Ивана Ползунова. К примеру, в 22 года он принимает участие в проектировании Баранчинского завода, на базе которого потом было создано крупное металлургическое производство. А в 24 года он в составе одиннадцати мастеровых и знавших горное дело специалистов получает предписание отправиться с Урала на Алтай для работы на Колывано-Воскресенских заводах. Правда, многие из них впоследствии заняли «хлебные места» и жили в свое удовольствие. Их имена история бы никогда не вспомнила, если бы не их юный спутник, который выбрал себе трудную судьбу изобретателя.

Следует сказать, что объявленные личной собственностью русских царей Алтайские заводы давали казне серебряную монету и все государи рьяно заботились о том, чтобы этого драгоценного металла ко двору поставлялось как можно больше. Руды добывались на главном

Змеиногорском и многих других рудниках. Первый заводик здесь построил в 1729 году Акинфий Демидов — он сразу смекнул выгоду и начал разведывать, закладывать и усиленно эксплуатировать многочисленные рудники. Чуть позже Демидов начал строить и большой Барнаульский плавильный завод, но хозяйствовать ему не довелось. Приехавшая на Колывано-Воскресенские заводы правительственная комиссия для освидетельствования плавок помогла Татищеву отобрать у Демидова заводы в казну. Через два года Демидову удалось их вернуть. Но слухи о том, что Акинфий втайне от государыни выплавляет серебро, все-таки дошли до двора, и заводчик, почуяв недоброе, срочно отправился с личными объяснениями. Его «оправдали» подаренные Елизавете Петровне слитки серебра. А та, крайне нуждавшаяся в средствах, тут же наложила свою монаршью руку на заводы, предписав управителю «сколько возможно больше руды серебряной доставить».

Особый контроль за Колывано-Воскресенскими заводами позволил Ивану Ползунову наконец получить разрешение на проектирование и постройку своей огнедействующей машины. Первый проект он подал в 1763 году, когда Алтайские заводы выплавили 300 пудов серебра — почти вдвое превысив объем производства этого металла за предшествующий год. Время окончания постройки и пуска машины — 1766 год — совпадает с достижением выплавки уже 767 пудов серебра.

Итак, Иван Ползунов приехал на Алтай в 1747 году, но только в 1750-м, 11 апреля, его произвели в чин унтер-шихтмейстера. Его уже именуют механикумусом, он получает оклад 24 рубля в год. Это было значительное событие в жизни будущего изобретателя. Но жить ему оставалось только 17 лет. Углублять знания в области горнозаводского дела и металлургии ему почти не удается. Его постоянно откомандировывают на всевозможные

хозяйственные работы. Однако мы узнаем, что в 1751—1753 годах Ползунов участвует в составлении чертежей и проектов нового завода в Барнауле. Причем составляет чертежи ответственных объектов этого завода, вплоть до генеральных чертежей реконструкции. У Ползунова был особый талант в начертательной геометрии. Достаточно посмотреть на собственноручно составленный им перспективный вид Барнаульского завода и второго похерка на Змеиногорском руднике.

Первые четыре года И. Ползунов живет прямо при заводе, потом испрашивает у Канцелярии горного начальства отвести ему место для постройки дома в Барнауле по Иркутской линии, а также разрешить срубить в бору и сплавить по реке 120 штук соснового леса. К тому времени к Ивану приехала его мать Дарья Абрамовна. Однако, когда умер отец, а затем мать, свидетельств не найдено. Известно лишь, что глаза покойному закрыла его жена Пелагея Ивановна, которая после кончины мужа осталась без средств — изобретателю не выплатили обещанное государыней вознаграждение.

Прожил он свою короткую жизнь с исключительной настойчивостью к знаниям. Изучал досконально все, к чему был приставлен. Зимой 1756 года его, знающего уже и тонкое пробирное дело, отправили в Петербург с ценным грузом. А это были «221 пуд 8 фунтов 72 золотника серебра да 1 пуд 24 фунта 71 золотник бликзолота и 33 золотника чистого золота». Обоз с охраной проехал через огромную Барабинскую степь на Верхотурье, перевалил через Урал. До Петербурга путь составлял 4800 километров. Два месяца длилось его путешествие через Россию. Добытые тяжким трудом сокровища везли самой императрице в столицу, где изо дня в день гремела пушечная пальба, сверкали ракеты милых сердцу Елизаветы фейерверков, где двор гулял, проедал тяжелый мужицкий труд.

Весь драгоценный металл И. Ползунов точно по реестру, как и было предписано, передал статскому советнику и монетной канцелярии главному судье Шлаттеру.

Возвращаясь на далекий Алтай, он уже мечтал, что теперь его наконец допустят к постоянной работе на производстве, где он займется своей машиной. Но его снова и снова отсылают то на одну из пристаней принимать руду, то на другую хозяйственную работу, где предстоит бесконечное писание рапортов, ведомостей, расчеты с извозчиками. Уходили дни, месяцы, годы...

В ночь на 24 февраля 1760 года на Красноярской пристани случилось происшествие, которое могло оказаться для Ползунова роковым. Казенный дом, где он спал глубоким сном, загорелся. Проснувшись, успел ухватить только государственные дела и книги, выскочил в окно из объятой огнем избы. Прибежавшие крестьяне помогли спасти доверенную ему для расчетов государственную казну. Канцелярии он сообщил: «А между тем, собственное мое все потратил». Что именно? Возможно, погибло не только имущество, но его материалы, записки, проекты.

Избу на пристани построили, а Ползунову возместить за сгоревшее имущество забыли. К тому времени его материальное положение ухудшилось в связи с увеличением семьи. Сохранилось в архиве донесение Ползунова от 9 ноября 1760 года, в котором он собственноручно свидетельствовал, что в семье 6 человек. Вероятно — он сам, его мать, жена, к числу едоков можно отнести денщика. Кто были еще двое — указаний нет. Скорее всего, то были дети, умершие раньше отца.

До изобретений Ползунова во всем мире тогда не было ни одной машины, работающей за счет водяного пара, способной приводить в движение что-либо, помимо самого обычного водоподъемного насоса. И в отличие от своих предшественников, Иван Иванович сразу смело

пошел по пути реального проектирования и постройки огнедействующей заводской машины.

Сейчас в Екатеринбурге, в музее Уральского государственного горно-металлургического колледжа (который, считают, начался с той арифметической школы, где учился солдатский сын Ползунов, и не случайно носит славное имя изобретателя), собраны документы о жизни и деятельности уральского изобретателя-самородка. Заведующая музеем заслуженный учитель России Н.Б. Ковалева демонстрирует посетителям действующую модель первой в России и в мире двухцилиндровой паровой машины. Это точная копия в масштабе 1:100 той, что была построена на Барнаульском заводе и готовилась к испытаниям в 1766 году. Машина Ползунова должна была привести в действие воздуходувные мехи в плавильнях.

«Муж, делающий истинную честь своему Отечеству» — эти золотые слова на страницы истории XVIII столетия вписал известный ученый Эрик Лаксман, лично познакомившись с автором и его детищем.

Открывать новое всегда трудно. Изобретатель, взвалив на свои плечи великое бремя, понес его стоически: работал отчаянно, помощников почти не было — двое мастеровых да простые мужики. Машина сооружалась огромная, совершенно новая — вся должна быть из металла. К маю 1765 года было готово десять частей, не считая котла с его арматурой и гарнитурой. Отдельные узлы весили до 170 пудов. Помощь существовала только в отчетах колывано-воскресенского горного начальства. Практически весь «труд и руководство» по литью цилиндров, поршней и труб, по всем видам медного, оловянного, слесарного и «что до дерева надлежит дела» — все это «неусыпное попечение и всегдашний самоличный труд» — в них изобретатель и сжег свое здоровье.

Предсмертная челобитная, подписанная Ползуновым 21 апреля 1766 года, — его завещание. Но в ней нет

ни одной жалобы на несправедливость начальства. Нет сетований на свою судьбу. Нет растерянности перед неминуемой смертью. Но нет и уверенности в победе начатого дела. 16 мая 1766 его не стало. Закрылись глаза, смотревшие на столетие вперед.

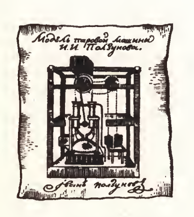
Неделю спустя испытания «силы и беспрерывного той машины действия» начали. Чуть позже состоялся и промышленный пуск первой в истории теплосиловой установки, предназначенной для непосредственного привода заводских агрегатов. Она четыре месяца работала, помогая плавить металл. Остановилась из-за прогорания котла. Потом долго не знали, что с этой машиной делать. Ее разобрали, о ней и ее авторе Россия надолго забыла.

Любопытная мысль прозвучала в брошюре Г. Чуфарова и А. Пятницкого «Вклад ученых Урала в науку». Авторы говорят, что успехи горнозаводского дела в России и в частности на Урале в XVIII веке слишком привлекали внимание зарубежных предпринимателей, они приезжали, чтобы выведать наши секреты. Так, ученые Паллас и Фальк, посетившие Урал и Барнаул, видели первую паровую машину Ползунова. Но оба доказывали ее непригодность. Однако в 1794 году в Англии на прядильной фабрике в Манчестере появилась двухцилиндровая огнедействующая машина — один к одному ползуновская. Строитель английской машины носил уже известную нам фамилию Фальк.

И в качестве послесловия. Довелось мне однажды ходить по земле Туманного Альбиона, где, отметим, хорошо знают свою историю, гордятся ею и умело продают туристам. С традиционным английским снобизмом покажут знаменитые Тауэр, Биг Бен, клипер «Катти Сарк», нулевой Гринвичский меридиан, а чтобы постоять на нем — надо дорого заплатить. Это не то что свалка мусора у наших обелисков «Европа—Азия».

А вот где мне нестерпимо обидно стало за державу — так это в музее мадам Тюссо. В конце галереи восковых идолов нас ждала экскурсия по истории Англии. Здесь представлены и научные открытия, в частности паровая машина Джеймса Уатта. В отличие от Ползунова он оставил свой гордый портрет потомкам. И патент на свою машину получил в 1784 году. А Россия свое великое изобретение, как и многие другие, с блеском проворонила. Потому что первую в мире двухцилиндровую паровую машину непрерывного действия двадцатью (!) годами раньше создал наш уралец, солдатский сын Иван Иванович Ползунов,

В 2003 году со дня рождения великого изобретателя исполняется 275 лет. Думается, пора увековечить нам этого гения в звонкой бронзе. А памятник так величественно будет смотреться в городе его детства и юности.

УРАЛЬСКАЯ АТЛАНТИДА — 300

«Восстановите справедливость! — по-военному четко приказал мне из телефонной трубки хрипловатый голос. — Не двое стояли у основания Екатеринбурга, как сейчас официальная власть говорит. Кроме Василия Татищева и генерала де Геннина были еще люди, положившие свою жизнь на алтарь отечества. Среди них мой пра-пра-пра-прадед Иван Федорович Патрушев. Вот вам загадка в ваши «Екатеринбургские тайны».

При подготовке исторического телесериала удача мне улыбалась не однажды. Я подумала, что и в этом звонке что-то есть. Иногда бесценный клад обнаруживается совсем случайно, там, где его никто никогда не ожидал.

Фамилия Патрушевых в нашем крае не редкость. Только в церковных книгах Каменского уезда она

встречается несколько раз. Еще есть речка Патрушиха в черте Екатеринбурга. Фамилия звонившего мне человека тоже оказалась Патрушев. Владимиру Леонтьевичу 92 года, он полковник в отставке — прошел войну. Долго служил в специальных войсках на Дальнем Востоке, знает, как бороться с энцефалитным клещом и сибирской язвой. При встрече он поведал мне семейную легенду, которая передавалась в его роду от отца к сыну целых 300 лет.

И вот, заручившись исследованием историка Н. Корепанова «В раннем Екатеринбурге», выслушав версию старейшего краеведа В.В. Зейферта и побывав с дипломированным археологом Е.А. Курлаевым на раскопках руин первых железных заводов вокруг Екатеринбурга, перелистав толстые папки документов областного госархива, я решила попытаться нарисовать портрет того третьего (в чем уверен В.Л. Патрушев) основателя города-крепости на Исети. В уральской переписке В. Геннина с Петром I и Екатериной I тоже есть любопытные о нем упоминания.

Имя его мы знаем — это Иван Федоров, сын Патрушев. Из семейной легенды — роду он был не простого, но подробности установить не удалось. Сохранился его словесный портрет: ростом невысок, обладал недюжинной силой, был умен, хорошо обучен горным наукам. Лично знал Ивана Патрушева сам государь. Его и саксонца Иоганна Фридриха Блюэра, состоявшего на российской службе, Берг-коллегия направила за границу, в страны с развитой промышленностью. Там, в немецкой земле, они знакомились с горными разработками и горными заводами, а заодно вербовали в Россию знающих людей. Потом Патрушев и Блюэр за несколько лет обследовали ряд районов России, искали руду на Каменном поясе и места, где лучше ставить государственные заводы.

У Геннина находим: Патрушев Иван Федоров, бергфохт. Вел поиски руд в Олонецком уезде. В 1709—1720 годах был дозорщиком в Приказе рудных дел. В 1720-м послан с В.Н. Татищевым на Урал. Владимир Леонтьевич уверен, что Ивана надо считать основателем прежде всего Уктусского завода, строительство которого началось 4 декабря 1702 года неподалеку от места впадения Уктуски в главную реку Исеть. В официальных бумагах сказано, что произошло это по указу из Тобольска при личном участии главы Сибирского приказа А.А. Виниуса, который рапортовал Петру, что на Урале найдена «зело богатая руда не уступающая свейской (шведской)».

Первая домна была задута 19 ноября 1704 года, вторая пущена 3 мая 1907-го. Вскоре на заводе были уже две доменные печи, две молотовых по два молота в каждой, одна «вертельная» — пушечная, две кузницы, два угольных и один известковый сарай. В штате числилось 35 мастеровых и 12 учеников. Продукция в основном была военная — ядра, картечь, бомбы и гранаты, она сыграла большую роль в Северной войне.

В это время из-за угрозы нападения кочевых башкирских племен (они не раз предпринимали разорительные набеги) вокруг предприятия были установлены острог, надолбы и рогатки. С 1712 года на территории начали строить церковь во имя Николая Чудотворца, первую во всей округе. А завод освоил еще и мирную продукцию: чугун, железо, уклад, гвозди, якоря, котлы, инструмент.

1713 год — очень важный этап в промышленном развитии Урала: на Уктусе начали плавить медь, сначала в одном, а через три года еще в двух горнах. В меди была особая нужда. Она шла на пушки. А медеплавильные производства в петровское время были

наперечет. Вероятно, поэтому Уктусский завод вскоре расширился. Появилось два плавильных амбара на 12 горнов.

Забегая вперед, скажем, что, может, благодаря Уктусскому заводу и было получено «добро» на строительство завода на Исети (который, напомним, затем дымил и грохотал там, где нынче Исторический сквер). Петру в то время нужны были не столько железоделательные, сколько медь плавящие производства. И пока он размышлял, быть или не быть Екатеринбургу, с Урала подоспел подарочек — поднос, простенький, всего с одной надписью, но из чистейшей меди. Словом, уральцы сумели найти подход к государю.

Еще из истории Уктуса. В 1718 году здесь случился пожар. В сохранившихся документах сказано, что завод «сгорел без остатку». А как не сгореть, когда постройки были деревянными, из камня выкладывали только домницы и медеплавильные печи, которые тоже обгорели и во многом разрушились. Завод, однако, решили восстановить, для чего был приглашен бывший комиссар Алапаевских горных заводов Тимофей Бурцев. Вскоре Уктусский завод выплавил 500 пудов чистой меди, а к 1720 году довел выработку железа до 100 тысяч пудов и меди до 4 тысяч. Этому способствовало — не без участия Ивана Патрушева — открытие в Гумешках, близ Полевского, богатого медного месторождения.

Сегодня без хорошего гида трудно представить, что было на этом месте без малого три века назад. История Уктусского завода подзабылась. Иначе мы бы сейчас готовились отмечать городу не 280, а 299 лет. Но о том, как выглядел Уктус, представление дает чертеж 1730 года, хранящийся в архиве Свердловской области, больше похожий на цветной рисунок. Он позволяет рассмотреть сам завод, две церкви на его

территории, первую укрепленную крепость с жилыми постройками и плотину, которая в длину была 160 метров, в ширину — 26, в высоту — 6,5 метра.

Сегодня здесь все разрушено. У отрогов Уктусских гор, как и прежде, бежит только веселая говорливая речка. Одна из церквей сохранилась. Правда, ее дважды постигала беда: пожар в 1808 году, потом на этом месте заложили новый храм — Преображенский. В безбожное советское время его тоже порушили. Сейчас восстанавливают. Вторая церквушка, или часовня, она хорошо видна на рисунке, стояла на вершине горы, тоже утрачена, а вот тропа к ней осталась. Старики считают ее «святой дорогой». Бегут столетия, другие склоны заросли деревьями, кустарником, эта же просека, будто кто-то ее хранит, как была, так и осталась. Ее хорошо видно с левого берега Патрушихи.

А вот сколько бы вы ни искали, ни одного памятного знака, где было бы сказано, что место это более чем историческое, вы не найдете. Что здесь был основан не просто завод, а один из трех первенцев уральской металлургии, 300-летие которой мы уже торжественно отметили. Что на Уктусе был главный штаб стройки Екатеринбурга. И завод еще долго продолжал работать, его металлургическое производство упразднили только в 1750 году. Потом при плотине устроили золотопромывальную фабрику, продлившую жизнь этому предприятию еще на 100 лет.

Вернемся к Ивану Патрушеву. Летом 1720 года он входит в группу специалистов горного дела, которая во главе с В.Н. Татищевым прибыла сначала в Кунгур, а к концу года — на Уктус, где был создан штаб стройки нового крупного железоделательного производства (в России тогда не было стройки крупнее). Отсюда по государеву указу «пробили» через лес, топи и речки отличную дорогу почти в 10 верст. Готовить

квалифицированную рабочую силу стала открывшаяся в Уктусе одна из первых (после Кунгура) горнозаводских школ. В нее набрали 37 учеников из детей мастеровых и работных людей. Но среди управителей Уктусским заводом в первые 20 лет имени Патрушева мы не находим.

Зато оно появилось и стало встречаться достаточно часто в документах архивного фонда Уральского горного управления, которое было учреждено в августе 1720 года Василием Татищевым, Иоганном Блюэром и Иваном Патрушевым. Находилось это горное управление тоже на Уктусе. Причем Патрушев был назначен на очень ответственную должность — казначея.

Пока с Берг-коллегией шли долгие дебаты о самом факте строительства крупного казенного завода на Исети, пока Татищев объяснялся в столице по поводу доноса на него Никиты Демидова, Патрушев жил и работал в Уктусе, добросовестно исполняя ответственные казначейские обязанности.

В письме к Татищеву в Москву он жалуется на вздорного и бестолкового советника Мартина Михаэлиса, которому Берг-коллегия фактически отдала судьбу строящегося завода. Он пишет Татищеву: «Пока живы — только в печали, что у нас не так, как было при вашем благородии».

Имя сына Патрушева, Ивана Федорова, в табеле служителей Сибирского горного высшего начальства значится шестым, это был талантливый рудознатец. В архивах Уральского горного управления его мы встречаем вплоть до 1724 года. К тому времени, напомним, завод-крепость окончательно был построен. И Патрушев, без сомнения, участвовал 18 ноября 1723 года в торжественном его пуске. Радовался вместе с Василием Никитичем Татищевым, когда в плотине

открыли ларевые окна, пустили воду, закрутились колеса, застучали молоты. И было отковано 2784 пуда полосового железа. А заготовку, то есть чугун, взяли откуда? Да на том же Уктусе. Это были крицы, в течение года наплавленные двумя его домнами.

Нездоровье, а главное, сложные отношения с упомянутым уже Михаэлисом вынудили Патрушева подать в отставку. Но Геннин, тщательно разобравшись, эту отставку не принял, хотя Патрушев был уже немолод, страдал от множества давних увечий: его чуть не до смерти во время одной горной экспедиции порубили разбойники. Кроме того, у него сохла левая рука, которую вышибло кирпичом во время пожара в Москве. Это был человек дела и чести, как сказали бы сегодня, специалист высокого класса, умелый, талантливый. На него возложено было все финансовое руководство весьма нелегкой стройкой завода и плотины, когда недоставало людей, материалов, продовольствия. Да и весна 1723 года выдалась голодной, в ближайших слободах начался падеж скота. Все равно возложенное на него государем важное дело Патрушев исполнял с особым усердием. Про таких говорят, что они «свечу своей жизни зажигают с обеих сторон».

1 августа Иван Патрушев по приказу генерала Геннина переводит все дела обер-бергамта, т.е. всю управу, с Уктуса в новый дом-мазанку в черте крепости. Строящийся Екатеринбург уже стали называть столицей Урала.

По свидетельству историка Николая Корепанова, главные объекты города все-таки достраивали до лета 1724 года, когда полностью была досыпана и выровнена плотина, в полную силу заработали домны, две молотовые, стальная и якорная фабрики. На левом берегу реки встала сложенная тобольскими кирпичниками

церковь с деревянными столбами по углам, с шатром белой жести, только на колокольне еще недоставало креста — не успели его отлить на Уктусском заводе А увидеть готовым этот храм берг-фогт (капитан-лейтенант) Иван Федоров сын Патрушев не успел. Он умер 31 января 1724 года. И схоронили его с большими почестями, вероятно, на Уктусе.

Потомки его тоже были люди мастеровые. Владимир Леонтьевич, просивший меня напомнить всем о заслугах перед нашим городом и отечеством Ивана Федоровича, показал редкий документ от 1862 года. На бумаге с водяными знаками и гербовой печатью значится: по указу Его Величества Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссийского... «объявитель сего, служивший в Александровском пушечном заводе мастеровым, Максим Федорович сын Патрушев. Имеет медаль из темной бронзы на Владимирской ленте в память о войне 1853—1954 гг. От роду ему 38 лет, православного исповедания, приметы: роста двух аршин, четырех вершков, лицом бел, гладок, глаза серые, нос, рот и подбородок умеренные, волосы на голове и бровях темно-русые, особых примет не имеет».

В службу вступил, как видно из формулярного его списка, из горнозаводских людей, «на Нижнеисетский завод мастеровым 1840 году, переведен в Александровский завод и определен рабочим в литейный цех 1845 года июля 5, в пушечный цех 1847 года генваря 10, в доменный цех 1855 года сентября 15. В штрафах и под судом не бывал.

Жена Татьяна 35 лет, сыновья Андрей 11, Петр 3 и Александр 1 года.

Оный Патрушев на основании положения Высочайше утвержденного от марта 1861 года о горнозаводском населении казенных горных заводов, выслуживших

двадцатилетний срок, увольняется навсегда с потомством с обязательной службы заводам в звании городского обывателя, освобождается от платежа казенных податей и повинностей...» Это был один из внуков Ивана Федоровича Патрушева. Документ подписан горным начальником заводов полковником Фелькнером.

Не знаю, как вы, а я почти уверена, что речку Патрушиху на Уктусе народ назвал в знак уважения и памяти именно Ивана Федоровича Патрушева, сподвижника Татищева и Геннина.

СОБОР СИБИРСКОЙ БОГОМАТЕРИ

Вначале о булыжнике. Никогда не знаешь, о какой камень в спешке споткнешься. Новый век, новое тысячелетие. Время летит быстро. Все мы торопимся в будущее. Под ноги не смотрим. А тут на пути булыжник. Да еще, можно сказать, говорящий.

Как-то шла я по улице Карла Либкнехта (бывшему Вознесенскому проспекту), из любопытства заглянула на стройку. И... споткнулась. Во дворе лежали обломки темного кирпича. Прочный, замешанный на века известковый раствор говорил, что это постройка раннего Екатеринбурга, вероятно, еще XVIII столетия.

Оказалось, дом действительно с историей. Некогда принадлежал громкой в России фамилии графов Строгановых. Но откуда взялись в Екатеринбурге дома этих владельцев чугуноплавильных, железоделательных

и сталелитейных заводов, золотых приисков, крупнейших в России соляных копей?

Из документов известно, что в XVI веке царь Иван Васильевич Грозный высочайше пожаловал своим верным холопам — поморским крестьянам Строгановым — «Охранную грамоту» на владение землями по Каме и Чусовой. Выдал, безусловно, за особые заслуги: купцы Строгановы принимали участие в организации похода Ермака, способствовали присоединению в 1681 году к Россия обширных сибирских территорий.

В дальнейшем деятельность могущественной династии Строгановых была связана в основном с Пермским краем. Но вот в старой справочной книге «Город Екатеринбург», изданной в 1888 году на средства городского головы И.И. Симанова, находим на Вознесенском проспекте под № 5 дом, принадлежавший графу Сергею Александровичу Строганову, и краткое описание: полукаменный, двухэтажный, с флигелем и службами. Сегодня от него осталась одна стена, она вошла в реконструированный комплекс зданий, объединивший два бывших особняка под номерами 5 и 7.

Кандидат исторических наук Людмила Ивановна Зорина, серьезно изучающая усадьбы старого Екатеринбурга, рассказала, что дом под № 5 действительно покупался одним из династии Строгановых под жилище детям служащих его заводов, которые приезжали в Екатеринбург учиться. Кроме того, был еще один графский дом в нашем городе на улице Успенской (Вайнера) под № 10. Но его перекупил и перестроил под магазин купец Второв. Долгое время здесь размещался драмтеатр.

Безусловно, с дворцовыми хоромами известного мецената, собравшего уникальную коллекцию шедевров мирового изобразительного искусства, президента Академии художеств России Александра Сергеевича Строганова два этих более чем скромных екатеринбургских здания

сравнивать не приходится. Но в историю Екатеринбурга они вписали интересную страницу. В уральском уездном городе ему и его потомкам дома были необходимы, потому что в 54 верстах от Екатеринбурга еще в 1730 году на Билимбаевской горнозаводской лесной даче он стал строить чугунолитейный завод.

С помощью первоуральского краеведа Юрия Андреевича Дунаева попытаемся восстановить некоторые небезынтересные события того времени. Дело в том, что старую «Охранную грамоту» Строгановых решили оспорить баснословно разбогатевшие на кладах Уральских гор и уже владевшие несколькими металлургическими заводами Демидовы. И когда они начали строить еще заводы на реках Ревде и Шайтанке, А.С. Строганов подал прошение в Берг-коллегию с жалобой, что это строительство ведется на его земле, что по «Охранной грамоте» все земли по Чусовой со всеми притоками и речками от устья до истоков принадлежат семье Строгановых. Вердикт, который вынесла Берг-коллегия, свидетельствует, что не все

писанные государем законы вечны, и закрепил за Строгановыми только земли в районе реки Билимбай.

Но речка эта — приток Чусовой — и ее долина представляли лакомый кусочек. Рудознатцы Демидовых и Строгановых, посланные на «обыск руды железной», донесли, что ее много и выходит она даже на поверхность. Но пока шла двадцатилетняя тяжба, Демидовы успели вырубить все окрестные леса.

Есть точная дата пуска Билимбаевского завода, по тем временам весьма крупного. Приказчик Кирилл Наумов доносил в Петербург Строганову с братьями, что «сего 1734 года генваря 15 дня домна построена, которая в действие пущена 17 дня и выплавлено чугуна тысяча пятьдесят семь пудов и три фунта».

Домна чугун выплавляла, но переделом не занималась. Имевшийся только один молот не успевал его

Свято-Троицкий храм в Билимбае

перековывать в железо. Потому основная часть чугуна заполняла склады. Тогда А.С. Строганов просит у Берг-коллегии разрешения на постройку на речке Добрянке еще одного завода, куда по Чусовой и Каме стали сплавлять чугун. Но и тут Строганов с братьями не все рассчитали. Добрянка была маловодной, производство простаивало, пришлось снова просить у Берг-коллегии разрешения на строительство третьего завода — на реке Очер. И когда два завода стали перерабатывать чугун в железо, пришлось увеличивать мощность билимбаевского. В 1761 году на нем задувают вторую домну, в результате производство резко возросло, и в тот же год было получено 192 тысячи пудов чугуна. Снова с высокой водой это отправили по Чусовой до притоков Камы.

Труд мастеровых и работных людей был тяжелым, за ничтожную плату они работали по 12 часов. Много было беглых. Поэтому не удивительно, что, когда отряд Пугачева занял Гробовскую крепость (это в 25 верстах от завода), в слободе вспыхнул бунт. Затем 18 января 1774 года в Билимбай пришел отряд под командованием Ивана Белобородова. 300 человек вступили в его отряд. Это означало, что завод практически остановился и домны погасли. Но Строгановым повезло, они убытков избежали, т.к. в это время сдавали завод в аренду одному из придворных ювелиров.

Билимбаевский чугуноплавильный и впредь приносил А.С. Строганову немалую прибыль. Его великолепный дворец в Петербурге украшали, в частности, многие изделия искусных камнерезов. Возможно, что какие-то вазы, столешницы, колонны или детали к ним изготовлены в Билимбае, где работала по соседству с заводом Строгановская камнерезная фабрика. Позднее на речке обнаружили и золотосодержащие пески.

Завод и в XIX веке занимает видное место в уральской металлургии. Не случайно (а может, это было

Граф А.С. Строганов

А. Воронихин. Автопортрет

просто по дороге) в 1834 году во время своей поездки по России Билимбайскую слободу посетил цесаревич — будущий император Александр II.

В XX веке, особенно после октябрьских событий 1917 года и гражданской войны, старое предприятие несколько раз меняло профиль. Окончательно завод умер в 1975 году. Теперь от былой славы остались зияющие провалами развалины цехов да заводская труба.

От строгановских времен ведет начало еще один величественный исторический и культовый памятник Билимбая — Свято-Троицкий храм, основанный в первой половине XIX века. Каменная трехпридельная церковь считалась одной из красивейших в Екатеринбургской епархии. Три ее придела — Свято-Троицкий, Богоявленский и Казанский — были расписаны учениками знаменитого Карла Брюллова. Говорят, что подобный по архитектуре храм стоит еще в Кронштадте.

Имя автора Билимбаевского храма до нас не дошло, есть лишь предположение, что за основу принят один из проектов придворного зодчего Строгановых Андрея Воронихина, который оставил о себе великую память, вошел в число крупнейших зодчих конца XVIII — начала XIX столетий. Здания, построенные по его проектам, принадлежат к лучшим памятникам отечественной архитектуры. Главное его творение — Казанский собор в Петербурге.

Возможно, между архитектором и его хозяином существовала даже родственная связь. Современники находили портретное сходство между светлейшим графом и сыном его крепостной девушки из принадлежавшего Строганову села Новое Усолье Пермской губернии. А может, это результат досужих сплетен и домыслов красоток невест и их вельможных матушек, перешептываний на балах и придворных приемах, где появлялся блестяще образованный, остроумный, недурной наружности граф А.С. Строганов.

Эти домыслы подогревалн две женитьбы графа. Первой женой его стала графиня Воронцова. И почти сразу же начался бракоразводный процесс. Он длнлся шесть лет, к концу которого Воронцова умерла. Второй раз он венчался с княжной Екатериной Трубецкой. Она родила ему сына, которого нарекли Павлом. Но на этом супружеское счастье н закончнлось, его единственный сын Павел остался с ним. Он и крепостной мальчик Андрей (оказавшийся на редкость талантливым, позже его имя прославнтся в веках) воспитывались вместе. Граф надолго отправлял нх учнться за граннцу.

А что касается их родства — эта семейная тайна, которая канула в Лету. Хотя интерес к ней время от времени возникает. Вот и я заглянула в старую, изданную в конце XIX века книгу с чудесными гравюрами — она хранится в нашем областном краеведческом музее, в редком фонде. Это историческое нсследование, которое провел великий князь Николай Николаевнч. В нем представлена вся обширная родословная Строгановых за несколько столетнй. Здесь вндим портреты баронов н графов н средн них находнм н портрет крепостного архнтектора Андрея Воронихина, который вольную получил только в двадцать семь лет. Вместе с научнымн сотрудникамн музея мы сравнилн два портрета: Александра Строганова и Андрея Воронихнна, н тоже нашлн сходство. Но документально родство нигде не подтверждено.

Вернемся в Бнлнмбай, к полуразрушенному теперь храму, прн стронтельстве которого, как уже было сказано выше, возможно, нспользован однн нз многочнсленных оставшнхся после кончины Воронихина архитектурных проектов. Действнтельно, почему бы получившим в наследство лесную дачу с заводом н другимн промысламн потомкам Строганова не воспользоваться уже готовымн чертежамн дипломнрованного зодчего?

Во всяком случае, церковь была очень красива. Своими сияющими колокольней и куполом она как бы держала свод уральского неба. И даже полуразрушенной показалась прекрасной конструкторам эвакуированного в 1941 военном году в Билимбай очень секретного производства. И они назвали ее «Собор Сибирской Богоматери».

РАССТРЕЛ СВЯТЫХ УГОДНИКОВ

Костер пылал ярко и не один день. Это не был домашний очаг, это был злой, пожирающий огонь. В такие кидали еретиков, ведьм, бесценные рукописи. 400 лет тому назад в Риме на такой костер возвели Джордано Бруно. Сожгли ученого не где-нибудь, а на площади Цветов, итальянские гиды не любят возить туда туристов. В нашей истории есть события, которых мы тоже стыдимся.

Горел костер на территории монастыря в 1921 году, когда в кельи веселились студенты вновь созданного Уральского университета. Народ это был революционный, экстремистски настроенный ко всему, что относилось к старой, дореволюционной России. Студенты вытащили из хранилищ много икон, старого золотого шитья, которым занимались монашки, созданный более чем за столетнее существование монастыря архив и сожгли все, что могло сгореть.

Ново-Тихвинский женский монастырь

Впрочем, так поступали тогда не только студенты, прокомментировал это Владимир Викторович Филатов, известный ученый и краевед, но и чиновники высокого ранга: из архиерейского дома они вывезли полную телегу старых церковных книг, среди них была Острожская библия — первая русская печатная книга.

Краткие сведения о Ново-Тихвинском монастыре находим в книге Иконникова, изданной в 1875 году. В ней говорится, что в конце XVIII века у Каменного озера (оказывается, было такое) на территории прикладбищенской церкви Успения Богородицы нашли себе приют несколько сиротствующих вдов и девиц. Попечительский совет во главе с купцом Ефимом

Старцевым построил для них жилое здание. В фондах музея изобразительных искусств есть старинная икона, на которой, как установлено, изображена первая игуменья этой обители.

От крупнейшего в свое время на Урале Ново-Тихвинского монастыря сегодня остались островки. Специалисты не без основания считают, что это был великолепный и, может быть, единственный в своем роде храмовый ансамбль, построенный в России в лучших традициях классического зодчества. Пока здесь военный госпиталь, и врачей больше заботит здоровье солдат, нежели сохранность зданий. Некоторые строения вообще бездумно уничтожены. Мне рассказали, как один из начальников по хозчасти приказал разрушить добротные монастырские складские подвалы с вместительными закромами. Там были огромные, выложенные мрамором чаны для солений-варений и еще масса удобных помещений, которые можно было использовать и сегодня. Тогда же срубили большой монастырский сад.

При перестройках, закладках фундаментов лечебных корпусов были сделаны находки археологического значения. Обнаружили длинную плеть водопровода — чугунную трубу в выдолбленной лиственнице, некогда проложенную на глубине двух метров. Наткнулись и на подземный ход, он вел из подвала одной из церквей к Исети. При рытье котлована для рентгеновского отделения потревожили несколько детских скелетов: то ли это умершие подкидыши, то ли скрытые свидетельства тайных страстей монахинь. А однажды в провале, куда угодил слесарь, оказался приятный сюрприз — бочка с отличным кагором.

Вообще эта территория полна тайн. В одной церкви, где разместился клуб и на месте алтаря устроили сцену, во время концерта пианиста придавил

рояль. Верующие истолковали это как наказание. В другой — там был овощной склад и столовая — работницы по ночам не раз слышали церковное пение, звук шел от проема в стене, наглухо заложенного камнем.

К началу XX века в монастыре было уже пять церквей: Успенская, Всех Скорбящих, церковь Введения Богородицы, Феодосия Тетемского, Всесвятская и Александра Невского собор. Плюс за городом имелось 80 десятин пахотной земли и столько же сенокосных угодий, что позволяло монахиням не только кормиться самим, но и продавать излишки. Это богоугодное заведение также следило за разоренным сегодня богатым монастырским кладбищем.

Хранит это место в Екатеринбурге еще одну тайну, о том, как монашки после революции скрывали якобы спасшуюся после расстрела одну из царских дочерей, Марию. Эту псевдо-Марию потом все-таки схватили и в 1937 году расстреляли.

И сами монахини и послушницы натерпелись. Правдами и неправдами их выживали из келий. К ним просто подселяли военных курсантов. Дело в том, что в нашем городе в двадцатых годах были созданы Всеуральские курсы красных командиров: артиллерийские, кавалерийские, пехотные и хозяйственных работников. Кто бы вы думали, их возглавлял? Родион Яковлевич Малиновский, в будущем маршал, дважды герой и т.д., почивший в бозе в конце 60-х годов на посту министра обороны СССР. Так вот этот легендарный командир Красной Армии хорошо приложил руку к уничтожению нашего Ново-Тихвинского монастыря.

Существует секретное письмо от 25 мая 1921 года начальника политотдела при Уральском окружном управлении военно-учебных заведений в Екатеринбургский

уездный исполком о необходимости выселения монахинь из Ново-Тихвинского монастыря. В письме содержалась просьба о ликвидации церкви Всех Скорбящих и Успенской, немедленном выселении всех монахинь, попов, дьяконов с территории монастыря и передаче их помещений курсам. «...С момента открытия курсов... для нас стало вполне очевидным, что живущая там монашествующая братия является контрреволюционным элементом». Пухлое дело о последних днях некогда крупнейшей на Урале обители ныне хранится в ГАСО.

Монашествующая братия — люди божьи. Они ведь и удалились в свое время в монастырь, чтобы служить Богу, ощутив свое одиночество и беззащитность в этом «лучшем из миров». Ново-Тихвинскую обитель называли первоклассной. Здесь был общий кров и для каждого какое-то благое дело. Было налажено 14 производств: сестры между молитвами вышивали золотой и серебряной нитью, были свои живописные и иконописные мастерские... А теплые красивой стежки ватные одеяла им заказывал практически весь город.

У монастыря был свой свечной завод. А с южной стороны, вдоль нынешней улицы Большакова, в прошлом Болотной, монахини возделывали свой огород. На речке Монастырке было два искусственных пруда, в них разводили рыбу. Именно здесь находилось то самое утерянное Каменное озеро. На нем ныне стоит первый корпус общежития горного института.

Вернемся к захвату монастырских территорий. Рапорты напоминают военные донесения. Из секретного письма Екатеринбургского уездного горкома от 29 ноября 1921 года: «...доводим до вашего сведения, что пекарня и помещение для варки пищи, столовая уже заняты военными частями. Ликвидация церквей Скорбященской, Введенской, выселение сестер с первого этажа Федосьевской (второй уже занят курсантами)

позволит занять эти помещения под политико-просветительские учреждения курсов».

Рассказывают, что когда производился арест монахинь, якобы замешанных в контрреволюционном заговоре, ударил главный соборный колокол. Но на колокольне никого не обнаружили.

Еще один пример безнравственности и кощунства. 18 августа 1930 года рабочий президиум Свердловского горсовета постановил: просить облисполком разрешить ликвидацию монастырского кладбища, не дожидаясь законного срока, т.е. сровнять с землей, пустить под бульдозер могилы самого красивого погоста города.

Известный краевед Василий Константинович Некрасов вызвался показать мне, где и какая огромная каменная гряда была возведена вдоль улицы Народной Воли из вывороченных надгробных плит и памятников в 30-е — начале 40-х годов. Тогда увозили, растаскивали священные могильные плиты под фундаменты домов, на строительство тротуаров. Он сам видел, как вдоль монастырской стены стояли еще не истлевшие дубовые гробы на резных ножках. Всех, кого прибрал Господь, хоронили на погосте, а за оградой тех, кто наложил на себя руки. Когда рыли под сегодняшним тротуаром траншею, и здесь выкапывали скелеты, черепа. Однажды нашли даже череп с громадной рыжей косой. Весь город бегал на это смотреть.

Другой известный знаток старины, Александр Дмитриевич Бальчугов, показал место, где был погребен известный ученый Наркис Константинович Чупин. Рассказал, как однажды военные, обманув краеведов, ночью проложили траншею для водопровода и разрушили захоронения многих известных людей города и края: архитектора Михаила Павловича Малахова, металлурга Константина Павловича Поленова... Утрачены

могилы матери Анны Семеновны и брата Владимира писателя Мамина-Сибиряка, городского головы в 1895 году Александра Александровича Черкасова, создателя лучшей женской гимназии в России Эвелины Карловны Федоровой, председателя Уральского общества горных техников Павла Михайловича Утякова, мецената, банкира Ильи Захаровича Маклецкого. Утеряно погребение Ивана Павловича Иванова, начальника Уральских горных заводов, разграблены семейные склепы известных заводчиков Злоказовых, Соломирских и так далее и так далее... Ничто не проходит бесследно. Сегодняшняя безнравственность выросла не на пустом месте.

Остается тайной, куда после закрытия монастыря сгинули более тысячи трудолюбивых сестер и послушниц. Из судебной справки узнаем лишь о том, как была осуждена в 1930 году и сослана в Казахстан с четырьмя монахинями последняя игуменья Хиония Беляева. У этих старых уже женщин отобрали какое-то количество золотых и серебряных монет, которые они хранили с верой в возрождение обители.

Претерпели серьезные разрушения и перестройку не только все пять церквей монастыря — сброшены кресты, купола, отбиты алтарные части. Обезображен и главный храм — собор Александра Невского, заложенный по указу государя-императора в Екатеринбурге в знак признания великих заслуг уральского воинства в Отечественной войне 1812 года. Автор проекта Михаил Павлович Малахов.

Внутренние объемы собора в советское время разделили на три этажа железобетонной этажеркой. И он надолго превратился в склад для артиллерийских снарядов. Великолепные росписи, на которых лики святых напоминали героев русского эпоса, замазали белилами, в лучшем случае скрыли под штукатуркой. Остались недосягаемыми лишь ангелы под самым

куполом собора. Зато они оказались хорошими мишенями, по ним стреляли охранники, упражняясь в стрельбе.

Предсказывать, как, когда и будет ли вообще восстановлен в первоначальном виде замечательный монастырский комплекс, пока не берется никто. Однако важно, что Ново-Тихвинский женский монастырь воскрес. В прошлое уходит сложный, трагический период его истории, породивший столько былей и небылиц.

ШКЕЛЕТИНА НА РЖАВЫХ ЦЕПЯХ

Кто-то на досуге подсчитал, что современный Екатеринбург поднялся и стоит на семи холмах. Три уральские горки на слуху у всех: Вознесенская, Обсерваторская, Московская. Добавим для тех, кто запамятовал: Уктусские горы и Каменные палатки. А вот про Митькину и Васькину — знают немногие.

На Митькиной (это на ВИЗе) стоял кинотеатр «Комсомолец». На Васькиной, за вокзалом, — поселок Звездочка. Каждая эта «вершина» по-своему любопытна, имеет интересную историю. И как-нибудь мы эти вершины «возьмем», расскажем, что там было и есть из градостроительных шедевров. Сегодня же речь о той горе, что первой дала свой вековой лес на строительство города-крепости на Исети. Здесь поставил хорошо укрепленный командирский загородный дом В.Н. Татищев. Отсюда он наблюдал за строительством завода и плотины. Как эта

высота называлась раньше и имела ли вообще какое-нибудь название, мы не знаем. Но позже, когда рядом с домом Татищева построили деревянную церковь Вознесения Гоподня (позже ее перевезли в Нижне-Исетск, а на сегодняшнем месте заложили каменный храм), за этой горкой прочно закрепилось название Вознесенской.

По своей истории, по наличию даже сохранившихся уникальных памятников архитектуры, по разыгравшейся здесь в подвале Ипатьевского дома трагедии мирового звучания Вознесенская горка в Екатеринбурге самое, пожалуй, уникальное историческое место. О ней в народе бытует множество историй, легенд, былей и небылиц. Горячие умы будоражат несметные сокровища Расторгуевых-Харитоновых, так и не найденных в лабиринтах подвалов и тайных ходов усадьбы и парка.

Дату постройки дворца установить удалось по материалам Государственного архива Свердловской области. Земельный участок и недостроенный дом разбогатевший на продаже вина купец Лев Иванович Расторгуев приобрел у вдовы одного из сановников, судя по купчей, в декабре 1798 года. Желая расширить свои владения, Расторгуев вскоре обратился в управу с просьбой отвести ему место под устройство усадьбы на северном склоне Вознесенской горки. В прошении объяснял, что желает болотистое и топкое место обустроить, превратив его в сад, который украсил бы город. Но когда разрешение было наконец получено, почему-то 10 лет не ударили, как говорится, палец о палец.

Сергей Николаевич Погорелов, много лет руководивший археологическим кружком во Дворце пионеров, предположил, что связано это было с расширением городской черты. Дело в том, что Расторгуев был истовым раскольником, старообрядцем, представителем официально гонимой веры. Раскольники, спасаясь от преследований, устраивали подземные убежища, скиты. Например, в доме,

в помещении, что под куполом, была тайная молельня, где часто собирались учителя и наставники этой веры древлего благочестия. Их оберегали. Если к дому приближались нежданные гости, иконостас быстро закрывали большой картиной с лебедями, старцев и стариц через подземные ходы выводили тайной тропой по склону через болотце в дальние углы сада. Эта была уже загородная территория, здесь не было царских застав.

Слухи о расширении границ города сильно обеспокоили Расторгуева, но, когда оказалось, что город будет расти в другую сторону, надобность в дорогостоящих благоустроительных работах отпала. Однако оставалось «честное купеческое слово» — в то время это было крепче любого документа, свое слово Расторгуев нарушить не мог. Тем более что богатства его преумножались. Он уже приобрел у Демидова Каслинский и два Кыштымских железоделательных завода; у него были прибыльные золотые прииски.

Так на северной стороне Вознесенской горки появился роскошный парк. Маленькая речка-ручей Пеньковка с родниками превратилась в чистый живописный водоем, потом в нем насыпали островок, поставили беседку. Это пышное, на зависть соседям, благолепие образно описал в романе «Приваловские миллионы» Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Архитекторы и историки давно пытаются разгадать, кто же был автором проекта дома и усадьбы. Одни утверждают — так строили в XVIII веке в городе Вольске, откуда родом был Расторгуев, он за основу взял типовой проект. Я же видела двойник этого дома еще и в Кыштыме на территории завода, принадлежавшего Расторгуеву. Какой из них строился раньше?

Существует мрачная легенда, она гуляет из века век, о бессрочном каторжанине, лишенном имени. Опального талантливого зодчего где-то в Сибири нашел Расторгуев

тайно привез в Екатеринбург, пообещал по окончании строительства выхлопотать помилование. Дворец был почти завершен, но архитектора вновь вернули в острог. Тогда будто он проклял и это свое прекрасное детище, и весь расторгуевский род. Проклятие, судя по дальнейшим событиям, сбылось.

Роскошный дворец строился более десяти лет, а вместе со службами и устройством сада — почти двадцать. Почему так долго? Дело было не в средствах — деньги у Расторгуевых водились. Но кроме видимого глазу сооружались прочные невидимые подвалы, переходы, подземные тайники, приспособленные под тюрьмы и казематы. Это не мифы, это реальность, — считает ученый-геофизик, автор книги «Тайны уральских подземелий» Всеволод Михайлович Слукин.

Родовое гнездо стало центром семейного клана. Худая слава о нем пошла еще при жизни Расторгуева. Но тихая жизнь здесь закончилась с появлением в семье зятя Петра Яковлевича Харитонова, богатого купца и золотопромышленника, человека необузданного нрава, жестокого, любителя шумных кутежей, безобразий, мрачных развлечений, стоивших иногда жизни кому-нибудь из дворовых. В доме день и ночь играла музыка, в карты проигрывались целые состояния, пьяные гости мыли шампанским лошадей. Вместе с новоявленным своим родственником Григорием Зотовым (в народе его звали «кыштымским зверем») Расторгуев творил расправы над непокорными, вместе прятали концы в воду и в землю.

В 1822 году по жалобам на тиранию хозяев, а также по фактам хищения золота на Расторгуева было заведено дело. Глава дома во время следствия скоропостижно скончался. Богатство унаследовала жена Анна Федотовна, дочери Мария и Екатерина, которые уговорили взять управление заводами в свои руки Григория Федотовича Зотова (свекра младшей дочери Расторгуева).

И ему как будто удалось приостановить следствие, выхлопотав на то монаршую милость Александра I, который в 1824 году путешествовал по Уралу. В воспоминаниях лейб-хирурга Д.К. Тарасова есть об этом запись:

«Вечером 25 сентября император прибыл в Екатеринбург и остановился в приготовленном для него великолепном доме Расторгуева—Харитонова. Утром 26 сентября Александр I встретился с Главным начальником уральских горных заводов, а также с владельцами и управляющими частных горных заводов». Среди них был и Г.Ф. Зотов. Есть его словесный портрет: высок ростом, атлетического сложения, с сильным характером, орлиные, проницательные глаза. Из тех же записок Тарасова узнаем, что полтора часа Зотов рассказывал царю о том, как от кричного мастера, изучившего на практике горное дело, он поднялся по служебной лестнице до управляющего Верх-Исетским заводом Яковлевых, как собирается восстановить «упавшие» заводы Расторгуева. Император простил Зотова за то, что «тот держится раскола и упорствует в нем». Даже повелел возвратить на заводы Расторгуева выселенных в Сибирь 90 заводских людей.

Но период монаршей милости был краток. В следующем, 1825 году на престол взошел Николай I, ярый противник старообрядчества. Следствие возобновилось. Для продолжения дела на Урал был командирован флигель-адъютант царя, полковник, граф А.С. Строганов. В докладной записке он писал: «для увеличения доходов и ненасытного корыстолюбия стали работы возлагать безо всякой соразмерности с силами человеческими, и вскоре засим строгая взыскательность обратилась в жестокость и тиранство».

При этом экономическое и финансовое положение заводов наследников Расторгуевых при управлении Зотова значительно улучшилось, что отметил в 1832 году самый

авторитетный тогда в горнозаводском мире «Горный журнал». Он писал: «Плавильное производство заводов Кыштымских (Каслинского в том числе) можно поставить в пример всем прочим заводам империи». И все-таки папка судебного дела над расторгуевскими наследниками пухла с каждым днем. Как знать, что стало последней каплей. Только ли жестокость? Или тот факт, что очень влиятельных заводчиков власти не смогли склонить к единоверию, что потом сделали (во всяком случае, официально) многие богатые старообрядцы. Заслуживает внимания еще одна версия: будто от царской казны был скрыт прииск и все взятое с него немалое — на миллионы — золото. Полагают, что скрыто оно где-то в тайниках достроенного известным зодчим М.П. Малаховым Харитоновского дворца.

Гром грянул в 1837 году. По суду наследницы теряют богатства. Дом-усадьба практически идет с молотка. За злодеяния Петра Харитонова и Григория Зотова ссылают на каторгу, на вечное поселение в Кексгольм в Финляндию, где первым, в возрасте 44 лет, умер Харитонов.

Дом целое столетие был бесхозным, менял квартирантов, и лишь 1 сентября 1937 года уникальный архитектурный комплекс с элементами позднего классицизма передали детям.

Недавно с директором Вазиной Мухамедовной Ворониной мы обошли оставшуюся малую часть подземных помещений, притронулись к тому, что сохранилось, что не было замуровано в результате провалов или при перестройке здания. В подвалах таинственно, эхом отдавались шаги, почему-то хотелось говорить шепотом. Каменные стены толщиной в полтора и более метра давили, нагнетали страх. Казалось, что ощущается присутствие загубленных здесь душ, их застывшие мольбы о помощи. И все огромное гулкое здание по ночам живет

тайной жизнью, полно звуков, шорохов, словно по чердакам ходят-бродят привидения.

Отзвук тех мрачных событий услышал здесь в 1905 году никому тогда не известный студент технологического института, проходивший на Урале практику. Это был Алексей Толстой. Приведем несколько его строк. «Рассказывают, что от Харитоновского дома в Екатеринбурге до озера в саду проделан еще в древнее время подземный ход. Начинается он в подвале Харитоновского дома и завален дровами. Если дрова раскидать, откроется люк с кольцом, за которым 20 ступеней ведут под землю к длинному коридору с наклоном и поворотом под озеро. Коридор выложен кирпичами, покрытыми плесенью. Вдоль стен чугунные держала для факелов. И в конце железная дверь с двумя засовами. Неизвестно, кто осмеливался проникать туда. И, пожалуй, врут в городе, рассказывая, что в подземелье висит «шкелетина» на ржавых цепях, сторожа хозяйское золото». К этим подземным тайнам Алексей Толстой потом вернется в зловещей истории под названием «Харитоновское золото».

И в заключение еще два интересных факта из рассказа старожила — Револьда Андреевича Малышева, руководителя детского орнитологического кружка, он посвящен во многие тайны парка. Когда в 1950-е годы пруд чистили, загнали в него бульдозеры, чтобы снять слой ила. И вдруг один из них провалился по самую кабину. И не просто в яму, а в сруб из лиственницы. Машину с трудом вытащили. Колодец заинтересовал только работников дворца да мальчишек. Они нашли пятиметровый шест, пытались сквозь ил нащупать дно, но шест уходил все глубже и глубже. Яму засыпали. Потом озерко чистили еще раз, но сруба уже не нашли.

А что касается кладов, то они где-то есть. Не могли сказочно богатые люди, над которыми не один год шло следствие, не оставить десяток пудов золотишка на

черный день. Как-то раз, рассказывает Р.А. Малышев, на хозяйственном дворе появилась дряхлая старушка, в черном платочке, с клюкой, долго ходила вдоль бани и конюшни, шепча что-то беззубым ртом. Мы к ней.

— Что, бабуся, потеряли?

— Ищу, ищу.. Здесь хозяева вот припрятали.

— Где? Поможем, вместе поищем.

— Нет, соколики, ни вам, ни мне это не указано. Богатство достанется другому поколению.

С тем старушка и ушла, больше ее не видели. Что бабка имела в виду? Какое поколение, уж не двадцать первого ли века? Так он вот уж наступил.

ИЗ НИЖНЕ-ИСЕТСКА ПРИЦЕЛЬНО... ПО НАПОЛЕОНУ

Мы отправляемся в старую слободу, на берег Исети, к подножию Уктусских гор, то есть к заповедному и полному тайн месту на южной окраине Екатеринбурга.

Нижне-Исетская ямская слобода — более раннее, чем Екатеринбург, поселение. Практически она представляла собой вытянувшуюся вдоль реки одну улицу, до советского времени остававшуюся безымянной. И только позже она получила название проспекта Революции. Сегодня на этом месте ветхие, осевшие деревянные дома, сады, огороды. Слобода пустеет, жители переселяются в многоэтажки Химмаша. А эта земля — документальная вещественная летопись одного из уральских поселений, созданного бежавшими из центральной России, гонимыми официальной властью приверженцами старой веры.

Остановим бег времени на очень важном для ямской слободы событии, которое произошло в 1788 году. В этот год Екатеринбургское горное начальство решило возле ямской слободы построить отделение Екатеринбургской монетной фабрики. У Исети застучали топоры, речку перегородили плотиной, построили производственные помещения, но случился пожар, и все сгорело, за исключением плотины. Десять лет пустовало пепелище, а в 1798 году на его месте решено было построить железоделательную фабрику, чтобы изготавливать полуфабрикаты: металлические пластинки, из которых на Екатеринбургском монетном дворе делали матрицы для чеканки монет. Архивные документы свидетельствуют: одно время завод выполнял также заказы Березовских золотых приисков.

Жителей в Нижне-Исетске тогда насчитывалось около трех с половиной тысяч. Главное занятие — работа на заводе. Но были развиты и промыслы: слесарный, выделка замков и коромысел для весов, столярный, кожевенный и камнетесный. Женщины выращивали овощи и возили их на продажу в город.

Весной и осенью, когда на огородах много земляных работ, в этих местах можно сделать массу замечательных археологических находок. На садовом участке жительницы Химмаша Галины Грофпель почти музей: здесь собраны старинные утюги, панцирные кровати, добротные молотки... Есть колеса, похожие ни штурвал какого-нибудь флибустьерского корвета, — настоящие произведения искусства, созданные из дерева и железа. И всего-то для обыкновенной телеги

Другой старожил, М.П. Паршаков, нашел на своем картофельном поле несколько пушечных ядер размером с куриное яйцо и много добротных железных изделий — вероятно, это продукция находившейся поблизости кузницы. Практика показывает, что ржавчина каждый год съедает аж треть добытой железа. Но те мастера

кузнечного дела знали некую тайну металла: прошло более двух столетий, а кованные ими решетки, гвозди дошли до нас, нетронутые временем. А может, это уральская земля особая! В Нижне-Исетской слободе люди ходят по своей истории, любознательным она позволяет читать заветные страницы.

Вот что, к примеру, мог бы рассказать обыкновенный старый железный, с клеймом мастера гвоздь. Два таких гвоздя и топор здесь, в местной кузнице, выковал будто бы сам император Александр I. Это историческое событие произошло 25 сентября 1824 года. В то время монарх, совершая поездку по России, посетил Екатеринбург, въехав в предместье города со стороны Сысерти. Интересные архивные документы, связанные с этим визитом, нашел увлеченный краеведением ученый Владимир Викторович Филатов.

Царский поезд из карет, повозок, экипажей, растянувшихся на версту, въехал на главную улицу поселка Нижне-Исетского завода. Высочайшую особу ждали: улица, дворы и избы были украшены цветами, у каждых ворот хозяева на рушниках держали хлеб-соль. Депутация местных староверов обратилась к императору с нижайшей просьбой: позволить установить на молельном доме крест. Александр разрешил и наказал тогдашнему управителю завода Ивану Никитовичу Подоксенову, чтобы тот проследил за безусловным выполнением монаршей воли.

На заводе император посетил литейный и кузнечный цеха. Говорят, завороженно следил за тем, как мастера из горна таскали раскаленные болванки и превращали их в изделия. Не утерпел и сам стал к наковальне. Может быть, ему не давала покоя слава действительно искусного умельца, своего прапрадеда Петра Великого. Тем не менее он, будем считать, собственноручно изготовил символ кузнечного дела — два гвоздя. Найти эти поделки Александра I не удалось.

Железоделательная фабрика в Нижне-Исетске была не первой и не единственной на Урале. Первая в России была построена в Верхней Пышме в 1784 году Иваном Филипповичем Германом. И лишь в конце XVIII века началась история Нижне-Исетского производства. К тому времени ямская слобода слилась с заводским поселком, и наибольшую известность Нижне-Исетский завод приобрел не как производитель полуфабрикатов для монетного двора, а как пушечный завод. Далеко не все знают, что в начале XIX века на этом заводе начали изготавливать пушки. Производство было по тем временам очень совершенным, производительность была высокой. И все благодаря тому, что руководителем и управляющим фабрикой был талантливый металлург-технолог И.Н. Подоксенов. Он сам и его помощники внесли много усовершенствований и в технологию, и в производство кованого железа, из которого делали пушки.

О качестве этой продукции говорит такой факт: во время Отечественной войны 1812 года каждая третья пушка русской армии была изготовлена на Нижне-Исетском заводе, можно сказать, что из ямской слободы прицельно била по французам!

Посмотрите на гравюры и картины того времени, и вы обязательно увидите эти орудия. К слову: и ядра к ним тоже отливали в Нижне-Исетске. Одна из пушек этого завода занимает достойное место в коллекции русского оружия в Петербурге, в артиллерийском музее.

Ну а мы вернемся на берег Исети. Поднимемся на высокий левый пригорок, который с незапамятных времен облюбовал некто по имени Филат. Этот мыс так с тех пор и называется — Филатовским. Старожилы утверждают, что селились здесь молодожены. Место красивое, над водой. Но сейчас здесь доживают век только три дома да колодец с родниковым ключом.

Храм Казанской Божьей Матери

На этом же левом берегу, но чуть ближе к плотине стоит старой добротной постройки здание с колоннами. Так или почти так выглядела приисковая контора. Дело в том, что Нижне-Исетск — не только завод, дома, кузни, артели по изготовлению шуб и лаптей, лавки кустарей. Это еще и недра Уктусских гор, которые богаты полезными ископаемыми. В частности, в 1822 году здесь, в районе Нижне-Исетского завода, была открыта золотоносная россыпь. Это продолжение золотой долины, она тянется более чем на десять верст — от речки Мельковки до Нижне-Исетского завода. И здесь старатели не один год мыли песочек, пытаясь удержать в ладонях призрачное счастье.

Добавим, что современные геологические находки в районе Уктусских гор тоже вызывают несомненный интерес. То, что мы видим на поверхности в виде гор, представляет собой фрагмент кристаллического массива. Полное его научное геологическое название звучит так: Уктусский концентрический зональный пироксенит-дунитовый массив уральского типа. Известный наш геолог Олег Константинович Иванов в 1995—1996 годах, исследуя этот массив, обнаружил здесь платиноносный район. По оценкам Иванова количество платины выражается цифрой в 60 тонн. Это немало. Но, возможно, детальные поисково-разведочные работы могут существенно увеличить залежи платины, и тогда возникнет проблема: что делать с этим массивом? Либо сохранить Уктусские горы как место, где проводятся спортивные состязания, место гулянья, вообще прекрасный памятник уральской природы, или пустить все это под нож бульдозера и экскаватора для того, чтобы извлечь эти самые десятки тонн драгоценного металла? Будущее покажет, чего в нас больше: разума или алчности?

А мы снова вернемся в прошлое. О благосостоянии ямской слободы говорили две ее церкви. Одна деревянная — Вознесения Господня, ее перенесли из

Екатеринбурга, с Вознесенской горки, в ту пору, когда почти на том же месте заложили большой каменный храм. В Нижне-Исетске эта церковь еще раз меняла место. А в 1929 году безбожники раскидали ее на дрова, сожгли утварь. Другой храм — Казанской Божьей Матери — помнят многие. Строить его начали без малого 185 лет назад. Автор проекта пока не установлен. Существует лишь предположение, что это повтор одного из московских творений известного русского зодчего Матвея Казакова. Приход был богатым, и храм был прекрасен.

— В моей жизни эта церковь занимает особое место, — говорит директор музея Уралхиммаша Антонина Петровна Кубасова, — еще в детстве (мы жили рядом) я могла часами смотреть на ее купол, звонницу, хотя колокола уже молчали. Но и эта безмолвная красота завораживала. Именно здесь родилось чувство истории, особой теплоты к своей земле.

Есть любопытная легенда. Когда храм при советском режиме закрывали, настоятеля расстреляли, но один из очень старых священнослужителей, рискуя жизнью, спрятал главные церковные реликвии: фрагменты иконостаса, кресты, иконы, древние книги. Шло время, старец, предчувствуя скорую кончину, стал искать человека с чистым сердцем, чтобы передать ему свою тайну. Служба НКВД такого человека к нему приставила, но старик, почуяв обман, ушел со своим «гостем» в тайник. И оба пропали навсегда.

Церковный клад ищут до сих пор. Храм Казанской Божьей Матери сначала обезглавили, а летом 1974 года по приказу партийного чиновника Кириленко вообще взорвали. Ну вот и все о царском гвозде, ямской слободе и пушечном Нижне-Исетском заводе, который прожил 120 лет, оставив о себе в истории яркую страницу

РОДОВОЕ ДРЕВО СЕМЕНА ПЕТРОВА

Время действия — зима 1881 года. Место действия — большая усадьба на берегу пруда, в то время территория Верх-Исетского завода. Этот день, 21 декабря, как и все дни года, пришел в свой черед. Утро выдалось безветренное, щеки, нос кусал мороз. Деревья у воды застыли в кружевном узоре.

Все дворовые готовились к скорому Рождеству Христову. В людской тетка белила печку и разрисовывала ее цветными узорами. Кучер ладил звонкие колокольцы к новой дуге для парадного выезда барина. Приезжали портные — один с новым сюртуком, для которого барин выбрал не аглицкое, а местное арамильское тонкое сукно злоказовской мануфактуры. Одобрили и шубу на лисьем меху.

Кукушка на часах прокуковала время обеда, гостей не ждали. Кухарка подала хозяину щи с мясом да пироги с брусникой. Он был в добром настроении, хвалил

стряпню. Потом прошелся по двору, дал кое-какие распоряжения, в горнице сел у теплой голландки в мягкое кресло, развернул газету, чтобы прочесть свежие городские новости и сплетни. Но вдруг вскрикнул, повалился на бок и затих в неудобной позе. Весь дом всполошился. Забегали слуги, заголосили бабы, почуяв недоброе, завыли собаки. Кучер погнал возок в город за доктором.

Семен Алексеевич Петров умер скоропостижно. Он как будто готовился к этому: обдумал и составил духовное завещание, да такое, что оно своей гуманностью поразило высокое екатеринбургское общество: все свое (и немалое!) состояние он завещал на строительство в Екатеринбурге сиротского воспитательного дома для подкидышей.

В городе и до него были богачи, отличавшиеся широтой души, дарившие немалые суммы на церкви, школы, богадельни, детские приюты. Но жертва С.А. Петрова была особой щедрости. В завещании говорилось: «Я, екатеринбургский второй гильдии купец Семен Алексеев Петров, находясь в здравом уме и твердой памяти, на случай смерти все принадлежащее мне движимое и недвижимое благоприобретенное имущество завещаю на учреждение в Верх-Исетском заводе на принадлежащей мне усадебной земле воспитательного дома для круглых малолетних сирот обоего пола».

В Государственном архиве Свердловской области есть документы, из которых узнаем, что на момент смерти купца Петрова его капитал составлял по тем временам весьма солидную сумму: 376 323 рубля 64 копейки. Этого городской Думе хватило, чтобы оплатить услуги архитекторов и построить не просто приют, который бы не дал пропасть сотням сирот. На берегу пруда на сегодняшней улице Крылова, № 2 поднялся огромный дворец из красного кирпича ажурной кладки. Точнее, комплекс зданий, где все было тщательно продумано,

начиная с подвалов. Они были первым, подземным этажом, где размещались столовая, бойлерная, склады для хранения продуктов. Везде прекрасная вентиляция, и действует она до сих пор. Толстые стены создают особый микроклимат — летом не жарко, зимой не холодно.

Мне довелось как-то пройтись по зданию, заглянуть даже в подземные ходы, послушать мнение одного строителя, который с грустью заметил, что «сегодня так уже не строят». В 1976 году здесь делали ревизию балок перекрытий и констатировали: все до сих пор в прекрасном состоянии. Только вот лаз к озеру пришлось замуровать, чтобы он ненароком не обрушился.

Семь лет длилось это грандиозное строительство. Проект выполнили известные зодчие Юлий Дютель и Сергей Козлов. У детей были большие светлые спальни, игровые комнаты и помещения для занятий ремеслами. Тогда строго придерживались санитарных норм: считали, сколько на каждого ребенка следует квадратных метров площади, а также и кубометров воздуха. Фабрика-кухня готовила по всем правилам пастеризованное молоко. Содержали даже кормилиц, чтобы выхаживать слабых, недоношенных младенцев. Конечно, были врач, няньки, обслуживающий персонал.

Специальный совет, избранный при городской управе, реализовал имущество, оставшееся после покойного завещателя, и выработал устав о воспитательном доме, где подростков должны были учить грамоте и какому-нибудь необходимому для жизни ремеслу: швейному, башмачному, столярному. Оставшийся от постройки капитал частично поместили на хранение в екатеринбургскую контору государственного банка, частично в Сибирский торговый банк — на текущие расходы.

Надо особо отметить, что екатеринбургская городская Дума добросовестно выполнила все пункты духовного завещания Семена Петрова. Под документами находим

подписи двух отцов города: В. Кривцова и И. Симанова, под председательством которого в основном и строился этот сиротско-воспитательный дом.

Петровский приют, облегчивший участь и обогревший сотни детских душ, просуществовал ровно 20 лет. События октября 1917 года все разрушили. Банки были национализированы — стало быть, средств на содержание детей не стало. И дети были выброшены на улицу. Только самых маленьких отвезли в дом уехавшего с белой армией купца Степанова, на его мельницу.

В ГАСО сохранились толстые церковные книги, в которые записывались имена детей, в графе «родители» — одни прочерки. Подброшенного на чужое крыльцо ребенка не всегда удавалось спасти. Чаще всего это были младенцы 2—3 дней от роду. В петровском приюте, даже при хорошем уходе, смертность была все-таки велика, особенно зимой.

Сегодня дом, построенный на деньги купца Семена Петрова, благополучно стоит и уже имеет длинную историю. При белых, говорят, здесь были казармы. При красных — распределитель, куда после облав на поездах и вокзалах собирали бездомных подростков перед отправкой в детские колонии.

Затем здание отдали под первую не только в городе, но и на Урале и в Сибири урологическую больницу. И она работала здесь до пуска специализированного медицинского городка на Московской.

Потом прекрасный просторный дом под № 2 перевели в жилой городской фонд. Все перегородили, превратив просторные комнаты в клетушки. Заселили и двухэтажный соседний особняк, собственно, это и был дом, где когда-то жил и скончался купец Семен Петров. Старожилы (а я встречалась со многими) уверяли, что еще в конце 30-х годов здесь был великолепный двор, ворота каслинского литья, зеленый парк с беседками, выходивший к воде. В здании работала начальная школа.

Великая Отечествениая войиа опять вмешалась в биографию бывшего сиротского дома. В нем поселились специалисты и рабочие эвакуироваииого кабельного завода. Одиу из комиат занял красиый уголок. В последиее десятилетие в капитальио отремоитироваииое здаиие въехало паспортио-визовое управлеиие ГУВД области.

Недавио я, как, иаверное, миогие, ходила иа Крылова, 2 меиять паспорт старого образца на новый. Пока ждала своей очереди, разговорилась с охранниками, спросила, что они зиают об этом здании. «Ничего, — был ответ. — Но вот дежурить по иочам в нем жутко, хотя мы все при оружии. Дом страииый. Часто в ночи слышны какие-то шумы, разговоры, стоиы. Вызывали даже кинологов с собаками, но ничего не нашли».

Что бы это могло быть? Какие привидеиия бродят по старому дому? Должио быть, это безвремеино ушедшие детские души. И ие кинологов иадо вызывать, а заказать молебеи за упокой их безгрешиых душ.

В заключение хочется рассказать о том немиогом, что известно о Семене Алексеевиче Петрове. «Он родился в 20-х годах XVIII столетия. Точиой даты нет, — свидетельствует некто В.В. Калачииков в историческом очерке, храиящемся в ГАСО. — Говорят, ои был внебрачиым сыном иекой девицы-иищенки, происходившей из крестьяи Камышловского уезда. По воспоминаниям близких, у него было прозвище Феиич, видио, по матери его Федосье (Фене). Ои был подкинут к дому купца Максима Ивановича Коробкова, бывшего в 40-х годах XVIII столетия городским головой Екатериибурга. И тот мальчика сделал своим приемным сыном. По смерти Коробков даже оставил ему в иаследство виино-колоииальный магазии. Сыи оказался способиым, успешио повел дело. В коице жизии иастолько преуспел, что имел даже золотые прииски.

Нрава Семен Петров был веселого и общительного, ио о прошлом своем не распространялся. Много

Капитолина Семеновна Петрова-Овчинникова

работал, ездил на ярмарки в Нижний Новгород, Ирбит и др. По религиозным верованиям сначала примыкал к старообрядцам часовенного согласия, потом перешел в единоверие. Для Рязановской (Свято-Троицкой) церкви пожертвовал для икон богатые ризы.

Личные переживания, связанные с внебрачным его происхождением (что тогда обществом строго осуждалось), тяжелая жизненная школа, вероятно, натолкнули Петрова употребить свое состояние на благо обездоленных и беспризорных детей. Умер он в 62 года.

И хотя особого участия в общественной жизни Екатеринбурга Семен Петров не принимал — городская Дума высоко оценила проявленную им гуманность по отношению к сирым детям. Еще в 1882 году постановила: «Для сохранения светлой памяти благотворителя и для воспоминания о нем каждогодно, в день его ангела 3 февраля, совершать в городском Кафедральном соборе торжественную панихиду по усопшем, с оповещением о ней всего города Екатеринбурга».

На могиле С.А. Петрова на Рязановском кладбище поставлен был памятник с соответствующей надписью и теплилась негасимая лампада.

Где это кладбище? Где памятник? Кто задул лампаду?

Сейчас Свято-Троицкая церковь восстанавливается, а священные могилы, что были вокруг, ушли под фундамент новых жилых застроек. Детский приют на сегодняшней улице Крылова, 2 мы тоже вычеркнули из поминальной молитвы по Семену Алексеевичу Петрову.

Родовое древо Семена Петрова было поистине великим. Каждый подкидыш получал фамилию и отчество Семена Петрова. Этого в его завещании не было, но так решили те, кто взял заботу о бедных сиротах. Это были его дети, мальчики и девочки, продолжатели его рода и фамилии.

Скольких удалось спасти, как они потом прожил свою жизнь? Много, много вопросов. На один из них помогла ответить моя программа «Екатеринбургские тайны». Я получила письмо и не поверила своим глазам. Оказывается, живет и здравствует у нас в Екатеринбурге одна из его дочерей, воспитанница этого приюта Капитолина Семеновна Петрова.

Мы с научным сотрудником ГАСО О.А. Бухаркиной нашли ее имя в книге визовской Христо-Рождественской церкви за 1916 год. Как она в приют попала?

По одной версии, ее мать была в потоке беженцев, что хлынул на Урал во время империалистической войны из Прибалтики, Польши, Белоруссии. По другой — она из Горного Щита. Мать ее умерла при родах, в семье было еще 8 душ. Вот тетка и положила малютку на ступеньки приюта.

Девочку в числе самых маленьких отвезли в 1918-м на степановскую мельницу, потом в Нижний Исток, потом в Бобровку. Она закончила школу, обучала грамоте других, работала воспитательницей в детском доме. А когда пришла пора, встретила своего суженого Николая — родила ему двоих детей. Сегодня у Капитолины Петровой-Овчинниковой шестеро внуков, 10 правнуков, один праправнук — 19 душ теперь в ее роду. И все любят строгую, добрую бабу Капу.

Мы с ней долго разговаривали. Она рассказывала, как ее мужа Николая Овчинникова (к слову, он в довольно близком родстве с Маминым-Сибиряком) избрали в поселковый Бобровский совет, как ему в 30-е годы, когда громили храмы, было приказано снять колокола с бобровской церкви, как он стал председателем колхоза в деревне Верхнее Макарово. Он хорошо работал, а 9 мая 1945, в день Победы, был арестован по 58-й статье, и она с двумя детишками бежала за ним, пока его везли в Арамиль. А на суде за своего председателя

вступилась вся деревня, которую он спас в голодное военное время. Капитолина потом работала на Бобровском изоляторном заводе, и ее фотография красовалась на первом листе заводской Книги почета. Живет с дочерью, сын тракторист трагически погиб на худом мосту.

Смолоду, когда вступала в комсомол, посчитала, зачем ей отчество помещика — Семеновна? Перечеркнула (тогда это не воспрещалось), поставила своей рукой «Дмитровна».

Сейчас винит себя, как она могла? И, прощаясь, сказала: «Нехорошо, не по-христиански вышло. Накажу всей родне, когда помру, пусть на могиле моей правильно напишут: «Капитолина — дочь Семена Петрова».

ОТЕЧЕСТВА ПОЛЬЗЫ ДЛЯ...

События, о которых пойдет речь, могут показаться малозначительными или даже нежелательными в биографии Екатеринбурга. Потому что судьбы некоторых людей, попавших в мясорубку революции, до сих пор находятся в пухлых папках 40 тысяч нерассмотренных дел секретного архива УФСБ только по Свердловской области.

Погуляем по известному в городе месту — его непременно показывают гостям. Это Вознесенская горка с ее церковью, ансамблем Харитоновского дома. Рядом вписалась более поздняя постройка — здание театра юного зрителя. А через дорогу — пустырь. Теперь мало кто помнит, что северо-западный склон тоже был густо заселен. Причем добротными богатыми домами всевозможных стилей — от классицизма до модерна. На том месте, что обнесено теперь глухим железобетонным забором

(там перед возведением нового храма спешно шли археологические раскопки), стоял не только печально знаменитый Ипатьевский дом.

Склон, как и вся Вознесенская горка, счастливыми человеческими судьбами мало отмечен. Она и вправду аномальная. Одни объясняют это тем, что вокруг горы якобы проходит тектонический разлом, образуя «черную дыру». Другие связывают всякие несчастья со старым языческим кладбищем. На этом месте еще при закладке города-крепости в 1723 году нашли несколько древних захоронений в колодах. Кладбище относилось к заречной Мельковской слободе.

Но вот наступило лето 2002 года. Здесь наметилось строительство Храма на Крови. «Приезжайте на горку, я покажу вам нечто любопытное, хотя археологов это пока не взволновало. Здесь, на углу сегодняшней улицы Толмачева и ушедшей в историю Глуховской, найден фундамент дома последнего перед революцией городского головы Александра Евлампиевича Обухова» — это звонил мне краевед Василий Константинович Некрасов. Действительно, кому, как не ему, знать всю подноготную этого квартала. Здесь он родился и прожил 36 лет. Хорошо помнит, как после смены власти все господские дома заселили беднотой. И детям для игр было раздолье. Они знали все погреба и чердаки, облазили каждый двор. В сараях чего только не было: старинные экипажи, упряжь, отслужившая свое мебель, вывески лавок, мастерских. Например, «Бухгалтер-счетовод Мухин делает расчеты и сметы для частных лиц» — вывеска была на доме жены бывшего чиновника Носкова. Выделялся особым стилем дом под № 65 с верандой из цветных стекол. Хозяин дома, Блинов, занимался ювелирным делом. В доме № 67 проживал предприниматель Бальчевский. Во дворе долго ржавели две вывески «Товарищество Строитель» и «Дымовые трубы».

И вот Василий Константинович повел меня в дальний угол, где за забором экскаватор острыми зубьями ковша пытался выломать неподдающиеся ударам кирпичи старой кладки — строили в XIX веке на совесть! Дом Обухова, как оказалось, опирался на гранитную скалу и простоял бы еще бог весть сколько. Сейчас в подвал хлынули потревоженные раскопками подземные воды, ключей и на самой горе проявлялось несколько.

Мимо дома некогда бежала в Исеть веселая и в буквальном смысле золотая речка Мельковка. С добычи на ней россыпного золота в первой половине XIX века на Урале (раньше, чем на Аляске) началась золотая лихорадка. Однако вскоре драгоценный песок иссяк. В 50-е годы нашего времени Мельковку загнали в трубу, засыпали землей, по этому месту проложили трамвайные рельсы. А потом и трамвай убрали, и дома с горы пропали. И с ними ушла из памяти важная часть истории набережной, где жил Обухов.

Должность городского головы он исполнял целых 10 лет. Как правило, главами городского самоуправления были местные предприниматели и купцы. Обухов родился в Воткинском заводе Вятской губернии, в 1905 начал службу лесничим Исетского завода.

В 1908 году в Екатеринбурге сложилась сложная ситуация: разразился так называемый «дровяной кризис». Городскую управу обвинили в хищении дров. Городской голова Иван Анфиногенов не доработал своего срока: он вроде бы не был виноват, но по законам чести должен был уйти в отставку. Тогда и избрали компромиссную фигуру для предпринимателей — чужака Обухова.

На старой фотографии, которую мне показал историк Владимир Микитюк, загубленная ныне речка Мельковка, тихая заводь, лодки у берега, хрупкий мосток, дома на набережной. Притягивающий пейзаж, вызывает ностальгию.

А.Е. Обухов

В устье Мельковки теперь киноконцертный театр «Космос», справа стоял одноэтажный каменный особняк — это и был дом А.Е. Обухова. Здесь же на Глуховской жил и его брат — лесничий Василий Евлампиевич Обухов.

Что изменилось в Екатеринбурге за годы правления Обухова? Прежде всего был построен оперный театр, от-

Дом В.Е. Обухова

крылся горный институт, расширилась сеть городских начальных училищ, как правило, для них строили специальные здания. Это был деятельный человек, отличался умом, интеллигентностью, красотой.

В документах госархива (их много набралось за годы правления Обухова) кроме больших, крупномасштабных дел находим: вдова Блинова просит разрешения перекинуть через речку несколько досок. И за подписью Обухова Дума ей это прошение удовлетворяет. В другом документе читаем: владелец дома по улице Архиерейской хочет расширить проем окон. Оказывается, и на это надо было испросить добро городского головы.

О том, как было открыто первое на Урале высшее техническое училище, интересные подробности читаем в книге доктора геолого-минералогических наук, профессора Горной академии Владимира Филатова. Межведомственная комиссия народного образования долго колебалась, решая, где быть главному институту — в Перми губернской или в уездном Екатеринбурге. Доводы депутации от нашего города, куда входил Обухов, оказались более весомыми, хотя сторону Перми защищал будущий первый премьер Временного правительства князь Львов.

Когда же случились революционные события в Петербурге, в нашем городе тоже произошел своеобразный кризис власти. Среди гласных Думы начались колебания. Заговорили о том, что Обухов не может руководить городом, слишком много времени бывает в Петербурге, тратя на это городские деньги. И тогда Александр Евлампиевич весной 1917 подает прошение об отставке, но большинство гласных думы отставку не приняло. И он оставался на своем посту до октября 1917-го. А когда позже отступали белые, Обухов повторил судьбу многих наших соотечественников. Но уехал небогатым, причем на склоне лет, когда в чужой стране без большого капитала открыть свое дело и преуспеть невозможно. Брат его, по слухам, умер в нищете в Харбине. А Александр Евлампиевич и его супруга Александра Николаевна скончались и похоронены в Гонконге.

Часто российские власти на всех уровнях критикуют своих предшественников. Администрация Екатеринбурга нашла нестандартное решение: восстановлены имена всех глав городского самоуправления, начиная с XVIII столетия. В главном коридоре мэрии галерея портретов — в этом почетном ряду и А.Е. Обухов, о таких уважительно говорили в старину, что он трудится «отечества пользы для...».

А дом последнего перед Октябрьским революционным переворотом городского головы пережил хозяина на три десятка лет. Его разрушили летом 1977 года. Рабочие, разбирая жилище, нашли под половицами три бурого цвета болванки (по другим легендам, это были шары), подумали: медные. Поблизости был ларек, где принимали макулатуру, тряпье и цветной лом. Находку там взвесили, недорого оценили, но на бутылку хватило. Друзья выпили. А когда их обнаружил бригадир, пришлось рассказать подробности. Бригадир сообщил куда следует. Приехала милиция, собутыльников и старьевщика взяли и допросили.

Находка оказалась высокопробного червонного золота, каждая болванка весила более двух кило. Хозяин то ли не успел забрать свои ценности, то ли припрятал в надежде на скорое возвращение. Увези тогда он свой капитал за рубеж — не столь бы трагичен был его жизненный путь.

КУДА ПОЕХАЛА КРЫША?

Не о строительстве с элементами непредсказуемости, конечно, речь. Мы говорим о человеческих судьбах, о роковых случайностях, которые без ведома субъекта могут сыграть с ним злую шутку, вписать его в историю очень жирной строкой. От таланта это не зависит, что засвидетельствовано тысячами примеров из древнейшей и нашей эры. Даже гениев случай кидал в Лету, не оставив потомкам ни дел их, ни даже имен. Кто бы, кроме уральских краеведов, напрмер, вспомнил достаточного талантливого строителя железных дорог, инженера Ипатьева, если бы его дом не был связан с одной из самых страшных трагедий XX века?

Ни с того, ни с его «влипли», если можно так выразиться, и, кажется, навсегда, герои следующего нашего повествования. Далеко не каждый старожил Екатеринбурга скажет, чем до революции занимались купцы Агафуровы.

Однако это имя теперь, можно сказать, бессмертно. Может, не в масштабах России, но на Среднем Урале это уж точно.

Думается, каждый житель Екатеринбурга слышал про Агафуровские дачи, но далеко не все знают, кто такие Агафуровы и чем они занимались. Однако имя это прочно вошло в топонимику Среднего Урала. Следует кое-что напомнить из истории этой семьи.

Дело начал в 70-х годах XIX века отставной унтер-офицер Хисаметдин Агафуров. Получил свидетельство купца второй гильдии, торговал поначалу ходовым товаром — фруктами и табаком, вывозил его на Ирбитскую ярмарку. Дело пошло, доходы росли и позволили купить в Екатеринбурге первый семейный дом. Он и сегодня значится под номером 24 на бывшей Усольцевской улице, ныне улица Сакко и Ванцетти. Несмотря на то, что в городе уже было много каменных построек, Агафуровы предпочли строить из дерева, считая резонно, что неподсоченная сосна долго сохраняет аромат леса, создает в жилище особый климат. Известен и архитектор проекта — Ю.А. Дютель.

Второй большой их дом, ставший родовым гнездом — в нем поселился старший из трех братьев, — построили по соседству. Здесь имени зодчего краеведам установить не удалось. Сложен он тоже из деревянного бруса, украшен был затейливой резьбой, выглядел как домик-пряник с элементами восточного орнамента (Агафуровы — татарская династия, исповедовавшая ислам).

Особо хочется сказать о том, чего прохожий не видит и даже порой не подозревает, — это огромные подземные сооружения под домами. В доме Агафуровых был такой же по объему подвал для хозяйственных нужд, в котором располагались бани, там готовили еду, хранили запасы продуктов и наверняка кой-какой товар.

Строители прошлого (не в пример нынешним) серьезно изучали гидрогеологию города: места выбирали сухие, «не вструмляли» дом в болотину или русло реки. Подвальные

этажи агафуровских домов — образец продуманного, хозяйского использования городской земли. Этим отличаются многие старые кварталы Екатеринбурга. Смотришь, к примеру, на дома на бывшей Разгуляевской (ныне улица Гоголя), что напротив Американского консульства, — с виду уже развалюхи, прогнулись от времени, но живут любопытной подземной жизнью и их кладовые и хранилища неплохо служат человеку.

Особый взлет предпринимательской деятельности Агафуровых начался с 1884 года, когда на смену отцу пришли трое его оборотистых и предприимчивых сыновей. Они основали ставший вскоре знаменитым Торговый дом «Братья Агафуровы», занялись продажей золотых и серебряных изделий. Со временем хозяева настолько расширили ассортимент товаров, что в главном их магазине в арендованном здании на Успенской улице (сейчас улица Вайнера) можно было купить все. Вышколенные, с хорошими манерами приказчики продавали высокого качества чай, табак, бакалею, обувь, одежду, часы всевозможных зарубежных фирм, предметы роскоши, украшения из драгоценных металлов, богатые сервизы столового серебра и многое другое. Доходы позволили вскоре построить свой магазин тут же, по соседству. Но купцы, серьезно изучившие рыночный спрос, поняли, как важно, чтобы покупатель не менял своих привычек. Поэтому решили: пусть остается все как есть, а свое здание, наоборот, сдали в аренду.

В 1903 году торговый дом братьев Агафуровых открыл отделения в Перми, Тюмени, на Ирбитской ярмарке, а к 1912 году — еще два: в Москве и в Варшаве.

Перед революцией торговая деятельность Агафуровых охватывала Екатеринбург с уездом, бассейн реки Камы, Тюмень, Тобольск, ряд других городов Западной и Восточной Сибири, вплоть до границы с Китаем. Их универсальные магазины считались одними из модных и были чрезвычайно популярны, товар можно было купить в кредит.

Дом Агафуровых на ул. Сакко и Ванцетти

Добросовестность в ведении дел способствовала расширению круга деловых партнеров фирмы. Получаемую от коммерческой деятельности прибыль они вкладывали как в расширение дела, так и в другие предприятия.

Так, в 1904 году один из трех братьев, Зайнетдин, вошел в товарищество на вере «Агафуров, Железнов и компания». На паях они у Волжско-Камского банка приобрели для переработки и продажи крупную партию

пшеницы. Позже при участии Торгового дома «Братья Агафуровы» в Екатеринбурге появилась фабрика по покраске тканей В 1906 году известные уральские предприниматели, в их числе и Агафуровы, Поклевские-Козелл, Ошурковы, Злоказовы, создали Товарищество газеты «Уральский край».

Словом, в деловых кругах Екатеринбурга Агафуровых уважали. Средний из братьев, красивый и обаятельный Зайнетдин, не раз избирался гласным городской Думы. А в 1912 году по представлению министра торговли и промышленности он был даже удостоен звания потомственного почетного гражданина.

По многочисленным свидетельствам старожилов, Агафуровы часто помогали бедным мусульманам, в одном из их домов даже располагалась магометанская молельня, в другом работала библиотека-читальня. Они содержали лошадей и выставляли их на скачках, а сборы шли на благотворительные нужды. Большая семья по тем временам отличалась образованностью, в семье почти все говорили по-французски.

Но вот грянул гром октябрьских событий 1917 года, и, бросив все — дома, магазины, только под Екатеринбургом две загородные, тоже с добротными деревянными постройками, дачи, — Агафуровы оказались за границей. Большая часть семьи осела в Японии, и следы их затерялись.

А на родине история сыграла с этой купеческой семьей прелюбопытную шутку. У нас «на Агафуровские» везут тех, у кого, как говорят, «крыша поехала». А между тем каменные корпуса областной психолечебницы на 8-м километре Сибирского тракта никакого отношения к Агафуровым не имеют. Более того, по достоверным данным, никто из большой семьи психическим расстройством не страдал.

Кому же они обязаны такой популярностью? С одной стороны, стечение обстоятельств, с другой — постарались корреспонденты газет. О торжественном пуске новой

лечебницы сообщали все. Но как ответить на вопрос: где она? Кто представлял в 1914 году, что такое 8-й километр Сибирского тракта? Поэтому дали привязку: «рядом с дачей Агафуровых». Со временем слово «рядом» из народного обихода исчезло и прилипла к известным купцам, уважаемым людям, дурная слава.

И слух о спрятанных ими при отъезде кладах, несмотря на годы, не умирает. Искатели агафуровского золота до сих пор бродят с заступами по их бывшим владениям. Правда, увесистый пудовый слиток еще в 30-е годы за обещанные проценты указала советским властям приезжавшая в Россию жена одного из братьев, Салия. Он был спрятан, говорят, под каменной опорой ворот. На вопрос спецслужб, нет ли кладов еще, она указала на вторую опору, но ее перехитрили, сказав, что там уже все изъято.

Однако, судя по многомиллионным оборотам торгового дома, Агафуровы, уезжая с Колчаком, еще кое-что могли припрятать на черный день, потому что надеялись на реставрацию старого строя. Знатоки утверждают, что искать надо на территории дачи. А на даче этой (Сибирский тракт, остановка «Лечебная») ныне разместился детский туберкулезный санаторий. Райский уголок в сосновом бору! Но все постройки Агафуровых давно обветшали, главное здание сгорело. Погиб от запустения и бесхозности некогда живописный пруд, где даже дно было устлано специальной доской, где купались и водилась рыба. По водоему ходил увеселительный прогулочный пароходик. Вот бы почистить пруд, восстановить былое великолепие. И детишек это лечило бы куда лучше, чем аптека.

И многие уверены, что на дне пруда обязательно лежит золото. А раз лежит, значит, ждет своих кладоискателей.

ДОСЬЕ НА КОРОЛЯ ХРИЗОЛИТОВ

Краевед В.К. Некрасов поведал мне свою грустную житейскую историю, ее можно назвать легендой старого тополя. Дерево теперь одиноко стоит на пустыре. Его посадил в 1898 году его дед, один из преуспевающих уральских мастеров ограночного дела, Яков Константинович Хомутов. Считают, чтобы обессмертить свое имя, надо выполнить три условия: родить сына, написать книгу и посадить дерево. У Якова было три сына и две дочери. Свою книгу он писал на гранях драгоценных самоцветов. Деревьев на усадьбе посадил девять — по числу живущих в доме чад и домочадцев.

Династию гранильщиков Хомутовых начал в середине XIX столетия Александр, крепостной рабочий при Исетском заводе. Его камнерезные поделки привлекли внимание начальника заводов Уральского хребта, и тот не пожалел рубль серебром, чтобы выкупить умельца из

неволи. Рубль серебром — по тому времени громадные деньги. Овца стоила 20 копеек медью.

В семьях, где привыкли трудиться, секреты ремесла передавали сыновьям. У Хомутовых они перешли к Константину, у которого к тому же и жена оказалась искусницей. Никто не умел отделить от породы изумруд, не повредив его, как это делала горщица-изумрудница Зиновия. Родилось у них пятеро сыновей и три дочери. Четверо сыновей стали гранильщиками. Только один подался в народные учителя. Самым хозяйственным в семье был Яков, к нему и перешел отцовский дом на набережной Мельковки.

К концу XIX века молодой гранильщик Яков Хомутов заметно выделялся своим умением работать с драгоценными камнями. Он становится признанным мастером, получает ряд дипломов и премий на крупных торгах в России и за рубежом. Его коллекции завоевали большую бронзовую медаль на Нижегородской ярмарке 1896 года. Уральские мастера его уважительно называли «король хризолита». Этот камень он очень любил и отдавал ему предпочтение. Он умел наносить бриллиантовую грань на прозрачные, искрящиеся на солнце зеленые кристаллы.

Богатейшие россыпи хризолита от золотистого до ярко-зеленого нашли под Нижним Тагилом, затем близ Сысерти. На проверку же оказалось, что это совсем другой самоцвет — зеленый гранат, позднее получивший название демантоид, что значит «алмазоподобный». Спрос на него был огромен в России и за рубежом, мастер только успевал выполнять заказы. Так появились деньги.

Век XX для Хомутовых начался с перестройки дома по Вознесенскому проспекту. К работе был привлечен видный архитектор Дютель-старший. Деревянное здание украшают красивым декором, пристраивают еще такую

же половину из кирпича. Все деревянные дворовые постройки были убраны, и вместо них возводятся добротные кирпичные. Из уважения к родовому ремеслу Яков оставил нетронутым маленький пристрой из бутового камня в три оконца — гранильную мастерскую, в которой работал еще его дед.

По рассказам дочери, Яков был строг, трудолюбив, добр к голодным и несчастным людям и животным. Например, покупал какую-нибудь клячу или подбирал собак, кошек, откармливал их и отдавал затем в хорошие руки. У себя оставлял почему-то только животных черной масти.

Яков вставал рано и ложился позже всех. Детей не баловал. Часто жертвовал деньги, например, на украшение Вознесенской церкви, и строго проверял, по назначению ли они израсходованы. Фотографироваться предпочитал у Николая Терехова. Имел большой круг знакомых — среди них известные люди города — Круковский, художник Ульянов, Агафуровы, Абдрашитов, Железнов и другие.

Но пришли смутные времена. В начале 20-х годов Якова Константиновича стали вызывать в ОГПУ как консультанта по оценке цветных драгоценных камней. А камни эти где брали? Отбирали у бывших хозяев ювелирных лавок и магазинов. Искали, пытали и находили.

Хомутов не знал, как отвести от себя подозрения, что не он продает своих бывших партнеров. А еще ему не по нутру было, что богатства России через Торгсин задешево продают иностранцам. Своего мнения он не скрывал. Тогда его объявили недобитым буржуем, дом отобрали, вещи конфисковали. Только дочери — матери В.К. Некрасова, муж у которой был красноармейцем, — оставили маленькую комнатку.

В тридцатых годах Хомутова арестовали, круто допрашивали, отправили в тюрьму, где его разбил паралич.

Я.К. Хомутов

Ухаживать за такими больными там некому, поэтому больного выпустили, но «взамен» посадили жену Любовь Гавриловну. А когда через полтора года женщина вернулась к детям и прикованному к постели мужу, в первый же день бросила в горящую печь большой семейный альбом, чтобы другую родню не трогали.

Умер Яков Константинович Хомутов в 1940 году в возрасте 77 лет в сырой и холодной комнате на улице Пролетарской, 4. Трагичной была судьба и его сыновей. Старший, Виктор, погиб в империалистическую войну.

Анатолий и Владимир поплатились жизнью за прошлое «буржуя-кровопийцы» отца. Дело на репрессированного Я.К. Хомутова пока находится среди 40 тысяч нерассмотренных дел секретного архива.

Все Хомутовы, в том числе и «король хризолита», покоятся на Ивановском кладбище. Некогда стояли здесь изготовленные руками хорошего художника (может быть, в семейной мастерской) красивые нестандартные каменные надгробья. Там образовался некрополь нескольких поколений семьи Хомутовых. Василий Константинович приложил немало сил, потратил массу средств, чтобы восстановить могилы своих предков, но вандалы в очередной раз сделали свое черное дело. Не понять нам в России, как на кладбище какого-нибудь маленького городка Европы тысячелетиями стоят целехонькими древние склепы и надгробья.

Что осталось от ушедшей в вечность большой семьи Хомутовых? Определить, кто гранил тот или иной камень, невозможно. На кристалл клеймо не поставишь. Тонкой работы коллекцию старых украшений, в том числе с так называемым «уральским хризолитом», оправленным в золото, удалось собрать Екатеринбургскому музею истории камнерезного и ювелирного искусства. Хочется верить, что к этим камням прикасались руки талантливой династии Хомутовых.

На склоне горы, с которой мы заглянули в сложную нашу историю, пустырь. Спускаясь от ТЮЗа в подземный переход, мы как бы проходим вдоль южной стены родового гнезда Хомутовых, слева был вход в конюшни и мастерскую, где мастер писал свою красивую книгу из самоцветов. Об этом сегодня шумит на ветру чудом сохранившийся хомутовский тополь.

ЖЕРНОВА С БОЛЬШИМ СЕКРЕТОМ

Старый дом брали, как неприступную крепость, — взрывали аж пять дней, но он держался до последнего кирпича, как все, что наши предки возводили обдуманно, тщательно и надолго. Это был добротный двухэтажный особняк с надворными постройками: баней, конюшней, прачечной, лабазами, дровяными складами. Под домом огромный погреб для хранения вин и других припасов.

Место в городе едва ли не самое престижное — правый берег городского пруда. В статистическом справочнике конца XIX века указывается, что этот двухэтажный каменный дом «записан за наследниками купца второй гильдии Андрея Андреевича Макарова». Значился он под номером 19 на бывшей Фетисовской, потом улице 9-го января, а теперь Октябрьской площади. В 1974 году его разрушили, соседние постройки тоже убрали. И та

приятная глазу теплая, патриархальная частичка старого Екатеринбурга практически исчезла. Зато на месте Макаровского дома вырос главный правительственный небоскреб, под который мы сегодня и решили «сделать подкоп». Другими словами, услышать от старожилов об удивительных, порой детективных историях, случившихся с богатыми купцами Макаровыми.

Откроем Уральский торговый календарь за 1910 год, где рекламировало свою промышленную деятельность и разветвленную торговую сеть «Товарищество — братья Макаровы». К тому времени у него была главная контора в Екатеринбурге, отделения в Томске, Нижнем Тагиле, на Ирбитской, Крестовской и других ярмарках. Указаны были три телефона — хотя это средство связи еще было в диковинку. Словом, люди были далеко не бедные.

Начал дело отец, в свое время конвойный при тюрьме, потом ушедший в отставку и занявшийся торговлей. По его стезе пошли и сыновья с многочисленными детьми и родственниками. Сыновья принесли славу фамилии.

Так образовалось «Товарищество — братья Макаровы». В 1897 году оно выкупило у города большой участок земли, построило на нем льнопрядильную, ткацкую фабрику, больше известную как «мешочная». Производство быстро росло и вскоре уже снабжало тарой все мукомольные заводы края.

Кроме того, Макаровы по соседству с домом — через пруд — приобрели самое крупное в то время зерноперерабатывающее предприятие — Ивановскую паровую вальцовую мельницу первой гильдии купца Ильи Ивановича Симанова. Мельница была построена в 1884 году. Выпускавшаяся здесь сортовая мука на Ирбитской промышленной ярмарке получила Золотую медаль цесаревича. Хозяин И.И. Симанов был назначен поставщиком двора Его Императорского Величества. Но случилась беда, он потерял все свое имущество. Тогда-то

Дом на бывшей ул. Фетисовской, № 19

мельница пошла с молотка и ее приобрели братья Макаровы.

Сегодня от старого производства остался только один корпус великолепной каменной кладки — памятник уральского промышленного зодчества. То дореволюционное производство, когда механизмы мельницы с помощью многочисленных ременных передач вращал один мощный двигатель, увидеть тоже можно, но на другой мельнице, что у железнодорожного вокзала, а здесь оборудование теперь самое современное. Вся переработка зерна осуществляется с помощью автоматики, запускает ее простым поворотом ключа один человек.

Какими были Макаровы? Историк В.П. Микитюк, серьезно изучавший быт и нравы купечества Екатеринбурга, считает, что особой образованностью братья не были отмечены. Более того, они ничего не понимали ни в льнопрядильном деле, ни в мукомольном производстве. Просто это были оборотистые люди. Даже пытались, но не смогли приобрести Сысертские горные заводы и Тавдинскую лесную дачу. Братья Иван и Василий дважды с расчетом женились. Первые жены были из мещан, вторые — из купцов, с хорошим приданым, что позволило значительно приумножить капитал.

В Банковском переулке до сих пор стоит одно из главных торговых зданий Макаровых — магазин, построенный в 1897 году. Здесь предлагали обувь, шапки, дорожные вещи, другие товары. Бизнес процветал. Но в народе подмечено: чем человек богаче, тем скупее. И местная пресса не раз их за это «обстреливала». Например, когда строилась библиотека им. Белинского, многие крупные промышленники жертвовали средства: водочный король Поклевский-Козелл тысячу рублей, а Макаровы — только 150.

Были в торговом бизнесе и скандальные случаи. Так, в 1916 году на дешевой распродаже одна дама купила

недоброкачественные туфли. Поменять товар ей отказались, да еще и оскорбили: мол, это не туфли плохие, а ноги у вас такие. Тогда покупательница швырнула коробку с туфлями в голову одного из Макаровых. Дело замяли, но оказалось, что распродажа была своеобразная: после уценки продавали товар значительно дороже. Плутовство здесь было нормой. Говорят, приказчики у Макаровых знали семь способов обмана покупателей, и лучшим считался тот, кто умел применять сразу все.

Вернемся на Фетисовскую, в один из домов миллионеров Макаровых, откуда хозяева, бросив нажитое (и в надежде, что большевиков скоро прогонят), все-таки уехали в Америку. В 30-е годы, когда у нас началась индустриализация, на покупку за рубежом оборудования и технологий понадобилось много золота, Советское правительство обратилось к русской эмиграции — указать, где их клады зарыты, пообещав 25 процентов вознаграждения и гарантию безопасного въезда и выезда. Тогда в Свердловске побывало несколько представителей известных богатых семей. Приехала и дочь одного из братьев Макаровых. Дама была высокая, модно одетая, в руках держала план домов. Ее сопровождали переводчик и люди с Ленина, 17. Главный «урожай» сняли в двух комнатах верхнего этажа, где долго жил приказчик. Несколько килограммов золотых украшений было замуровано в кирпичной кладке стен. В других тайниках была припрятана серебряная посуда — богатой работы столовые сервизы. Даже в туалете над окном был клад из золотых монет.

Вообще слух о том, что макаровские особняки — с приятными «сюрпризами», бытовал давно. Вскоре после революции стали перестраивать под жилье столовую, бильярдную, библиотеку, находили тайники, опустошали их. Но припрятанного оказалось еще очень много. Самая любопытная находка десяток лет была на виду у всех.

Дочь Макарова указала на огромный мельничный жернов. Камень «с секретом» валялся на заднем дворе, жильцам всегда мешал. В ЖЭКе его хотели отдать одному из колхозов. Приехали за ним на лошади, но увезти не смогли. Оказалось, что во втулке жернова были запаяны несколько килограммов платины. Дама, получив вознаграждение, уехала. Документов об этом событии пока нет. Остались только свидетели, в то время еще дети, которым удалось подсмотреть куда больше, чем взрослым.

С тех пор считалось, что «золотой особняк» под № 19 все свои тайники раскрыл. И вот наступил 1974 (для него исторический) год. Под здание нового обкома партии стали искать площадку. Гидрогеологические исследования на правом берегу городского водоема показали, что самое сухое и удачное место занимает бывший особняк купцов Макаровых. Тут ему и вынесли смертный приговор. Жильцов отселили. И сразу нагрянули любители старины, стали увозить каминные решетки, мраморные подоконники, лепнину с потолков, добротные двери, рамы, темного дерева резные встроенные шкафы. Все делалось быстро, безжалостно. Словом, ломать — не строить! А какой был уютный уголок екатеринбургской старины!

И в заключение приведу историю, услышанную от работавшего на сносе дома экскаваторщика. Он рассказал, что, когда дом готовили к взрыву, стены еще раз прослушали с приборами. И на чердаке, в замурованном окне, все-таки нашли еще один золотой клад. Ну как тут не вспомнить Ильфа и Петрова: на те бриллианты, что искали герои романа в стуле тещи Кисы Воробьянинова, потом был выстроен отличный клуб. А уж макаровских кладов точно должно было хватить на целый правительственный небоскреб!

ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ ГОЛУБОЙ ДАЛИ

Нет, мы почти не ходим сегодня на своих двоих. Мерить землю шагами было в моде только на заре цивилизации. Эдак вставал человек, резво делал пробежку с племенем в лес, чтобы поохотиться на мамонта или какого-то еще зверя. Потом, плотно позавтракав, не спеша шел гулять со своими отроками. Мир казался ему прекрасным. Пригревало солнце. Ноги несли легко. Дышалось полной грудью. Здоровье играло в мускулах.

Но однажды на него напала лень. «Зачем, — подумал он, — сбивать подошвы? Дай что-нибудь изобрету, хотя бы колесо». И вскоре пересел на колесницу и поехал.

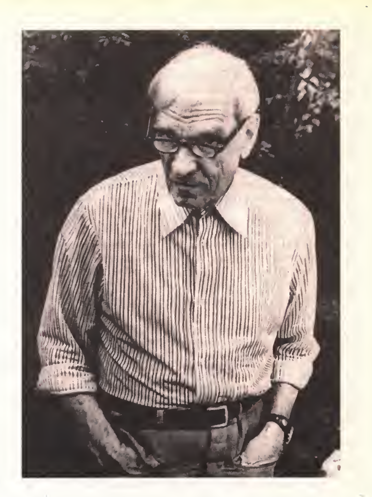
Вот мы и приехали. Стоим в автомобильной пробке. Застрять могли где угодно, но в этот раз — на перекрестке улиц Луначарского и Куйбышева в Екатеринбурге, почти у того дома, где не так давно жил необыкновенный

чудак, что придумал и очень детально разработал прекрасный проект города будущего, хотя скептики упорно называют этот город утопией. Автор дал городу имя с глубоким смыслом — Пешеград. И герб придумал: на ярко-зеленом фоне — босая нога человека. Рядом желтый кружок с расходящимися от него лучами. Так дети рисуют солнце. Прекрасная эмблема! Забавная, озорная, вид этой босой пятки вызывает веселую улыбку. Хочется разуться, пробежать по зеленому лугу, искупаться в водах чистой реки, что, синея, бежит вдоль Пешеграда — такой трудно, но очень хочется представить нашу Исеть.

Имя этого чудака Лев Артурович Эппле (обрусевший немец). Известный в нашем крае художник ушел из жизни 22 года назад, так и не воплотив свою голубую мечту. Был он образованным и талантливым человеком. Имел абсолютный музыкальный слух, играл на фортепиано, отлично рисовал, много читал, любил и ценил юмор, был большим выдумщиком и фантазером. С юных лет мечтал стать архитектором, но реализовать сумел только талант рисовальщика.

С 1932 года Л.А. Эппле член Союза художников СССР, успешно работает в книжной графике. Иллюстрирует произведения классиков и современных писателей. Особое место в его творчестве занимает детская литература — русские народные сказки, сказки Пушкина, Перро, Андерсена, произведения Д. Мамина-Сибиряка, П. Ершова, К. Чуковского. В числе последних его работ назовем «Левшу» Н. Лескова и «Конька-Горбунка» П. Ершова. Эти книжки не устаешь рассматривать, в них особая звучность юмора, живая сказочная атмосфера. Автор понимал, что его рисунки — это первое соприкосновение ребенка с литературой, с тем бездонным духовным миром, в который маленький человек должен войти с огромным желанием, как в волшебный дворец.

Поройтесь в своей домашней библиотеке. Возможно, у вас есть книги с иллюстрациями Льва Артуровича

Л.А. Эппле

Эппле. Это поможет вам понять талантливого художника, человека с блестящим умом, врожденным артистизмом, прошедшего через ужасы сталинских лагерей. В первый год войны его (потому что немец), а также жену и дочь выслали из Москвы в Карагандинскую область, потом на Урал, в печально известный «Севураллаг». Он чудом выжил. После войны он и его семья — спецпоселенцы в Сосьве, Ирбите, с 1953-го — в Свердловске, без права выезда, с ежемесячными отметками в спецкомендатуре.

«Год назад, — пишет его дочь, — я ходила в МВД, в рассекреченный теперь архив, чтобы посмотреть личные дела своих родителей. Слезы меня душили, когда читала эти «дела». Какие унизительные бумаги и документы я обнаружила! Папа мне говорил, что перенести весь ужас «Севураллага» ему помогла мечта о Пешеграде, городе 2017 года. Он предполагал, что все-таки к тому времени наступит век Доброты и Разума. Человек вырвется из чудовищного плена монстра — хаотического нагромождения камня и бетона, которые высасывают из него жизнь».

Пешеград разрушили, еще не построив. Большой, сложный макет уничтожили несколько лет назад во время демонтажа выставки на улице Горького, 4 с согласия академика архитектуры Г.И. Белянкина, тогда главного архитектора Свердловска. Но мне посчастливилось видеть макет в мастерской Льва Артуровича, слышать увлеченные рассказы.

Пешеград — уникальное сооружение в виде многогранной снежинки, где лучи — автомагистрали. На них словно нанизаны микрорайоны. В месте пересечения лучей — городской центр, главная площадь с каким-нибудь красивым монументом. Автор предполагал, что лучшие художники и зодчие соберут сюда свои архитектурные шедевры. Причем, когда бы вы ни оказались на

центральной площади — днем ли, ночью, должно быть ощущение покоя и отдохновения. Ни одно из зданий по архитектуре не повторяет другое. К центру сходятся восемь парков. В них среди зелени театры, музеи, цирк, спортивные комплексы, крытые бассейны, зоопарк, ботанический сад, крупные магазины, Дворец свадеб, памятники великим людям края.

Макет необычного города в мастерской Эппле занимал стену от пола до потолка. Бросались в глаза удивительная соразмерность, особое изящество его частей. Кропотливейшая, детальная работа, огромный труд, ничем не вознагражденный. Да разве об этом мечтал автор? Он хотел увести нас всех от городской духоты, суеты и шума в зеленую прохладу. Человечество должно же искать защиту от чрезмерной урбанизации. Может быть, действительно будущее в строительстве городов, подобных Пешеграду — гармоничных, стройных, похожих на живой организм, но здоровый.

В мастерской у Эппле в те 60—70-е годы побывало множество людей. Ее хозяин был генератором всяких интересных идей. То он создавал проект космического музея, где, как он говорил, «человек будет ходить по звездам». То принял активное участие в международном конкурсе на создание монумента советско-арабской дружбы (мыслился на Асуанской плотине) и вместе с архитектором Богуславским получил поощрительную премию. Идея же Пешеграда — это итог многолетних раздумий неравнодушного человека над судьбами архитектуры. Идею этого необычного проекта использовал в своей картине «Любить человека» режиссер Сергей Герасимов.

Известный уральский литератор Белла Дижур в одной из публикаций подметила, что продуманность всех частей проекта такова, что автор точно мог сказать, где пешеградцы построят театр, школу, больницу. И даже крематорий!.. И даже винный магазин! Который, кстати

говоря, будет единственным на весь город и помещен автором проекта в искусственно созданное болото, чтобы затруднить к нему подступы.

В этой шутке, которую позволил себе автор в серьезном проекте, отразилась еще одна привлекательная черта художника: его неистощимый юмор. Он считал, что градостроитель должен быть веселым человеком, тогда он не ограничится тем, чтобы с помощью современной техники быстро собирать однообразные дома-клетки для еды и сна. Он должен вложить в свою работу чувство, без чего нет творчества.

Л.А. Эппле не только создал проект своего города, он детально разработал его концепцию. Конечно, в Пешеграде ходят пешком! Сегодня медицина точно определила, что для поддержания здоровья и долголетия человек за день должен сделать хотя бы 7 тысяч шагов (японцы делают 10 тысяч). Все помнят тревожный лозунг «Бегом от инфаркта!» Подумаешь, какая идея! — скажут скептики, сегодня пешком далеко не уйдешь, жизнь торопит.

Уже не автомобили нужны, а индивидуальные летательные аппараты. А все-таки подсознательно все тянутся к природе.

В Пешеграде планировка города такова, что человек вынужден пройти пешком в день минимум четыре километра: два на работу, два с работы. Л.А. Эппле всю промышленную зону города поместил в двух километрах от жилых корпусов. Эти два километра — сплошной лес или парк, где запрещен всякий транспорт, кроме детской коляски и велосипеда — летом, лыж и коньков — зимой. В этом принципиальное отличие Пешеграда. Прогулка перед работой придает человеку силы, его производительность будет во много раз выше, чем если бы он проехал в душном автобусе. Только в центр будут ездить на метро.

Пешеград задуман как город с населением, подобно Екатеринбургу, в два миллиона человек, где каждому

отведено пять километров голубой дали. Сегодня из своей квартиры из-за нагромождения домов и улиц-коридоров мы видим разве что клочок неба. В Пешеграде дома разбросаны, как горы в природе, улицы представляют просторные долины. В доме не будет ни одной «обиженной» квартиры или комнаты: солнце всюду, потому что микрорайоны имеют меридианную ориентацию. И что еще интересно: окна ваши не будут смотреть на соседские, они обращены в сад, лес или на пруд.

Все было художником продумано детально, скрупулезно. К примеру, застекленные балконы с зимним садом, птицами, цветами. И не серым, однообразным видел он свой дивный город. Везде цветной бетон, фрески, много света. Лев Артурович был красивым человеком, и мечта у него была прекрасная.

Известный художник Д. Шмаринов сказал о Пешеграде: «Главная ценность концепции Эппле в том, что она дает возможность реконструировать почти любой город, не нарушая его исторически сложившейся структуры, обеспечивая в то же время его дальнейший рост и развитие».

Так надо ли ждать 2017 год? В городах, старых и новых, строительство, хотя с переменным успехом, все-таки ведется. Градостроители могли бы уж теперь использовать идеи Пешеграда. Свести к минимуму ущерб природе, думать больше об естественных потребностях человека: иметь возле дома клочок зеленой травы, над головой не задымленный городской смог, а чистое голубое небо.

Идеи Пешеграда реальны. Они есть в записках-разработках, продуманных автором во всех деталях. С ними можно познакомиться в Музее истории архитектуры и промышленной техники Урала. Они могут быть полезны в первую очередь градостроителям, а также экономистам новой формации, социологам, психологам.

Л.А. Эппле прожил 80 лет. Вероятно, посадил он за свою жизнь не одно дерево, но главное, чем себя обессмертил, — создал город для людей с гуманной и талантливой идеей, где на центральных вратах предполагалось написать: «Привет тебе, Путник! Да будет в душе твоей и в ногах — легкость!»

ВАЛЬС НА СЕННОЙ ПЛОЩАДИ

Развернем карту Екатеринбурга 1856 года и назовем ее условно детской фотографией города. По ней легко угадываются сегодняшние черты: естественно, город был меньше, почти на 150 лет моложе. Среди особых примет: голубая лента Исети, плотина и четкие линии главных улиц. Но и сегодня так же бежит неустанная речка, те же осевые линии магистралей, только поднялся он ввысь, разросся вширь, расправил крылья. Но с приобретениями мы и теряем безвозвратно что-то очень важное. Екатеринбург в годы революции утратил не только имя свое, но напрочь исчезли устоявшиеся названия улиц и площадей. Всмотришься в географические карты XVIII, XIX, начала XX столетий, и начинает казаться, что попал ты сегодня в некое чудное пространство, как в той сатирической притче О'Генри «Короли и капуста», где, как известно, нет ни королей, ни капусты.

Итак, 1856 год. На южной окраине внушительных размеров квадрат, окаймленный Александровским и Сибирским проспектами, Никольской и Васенцовской улицами (сегодняшнему уху они более известны как Декабристов, Куйбышева, Белинского и Луначарского). И крупным шрифтом надпись: Сенная площадь. Рассказывают, что в былые времена здесь в основном был пустырь, стояло несколько крытых навесов, подъезжали подводы — с окрестных сел и деревень обозами возили на продажу сено. Только одно капитальное здание сиротливо торчало на краю площади — двухэтажная, из красного кирпича, добротной работы начальная школа. Эта постройка 1910—1912 годов на углу сегодняшних улиц Куйбышева и Луначарского сохранилась и по сию пору. На Александровском проспекте в те времена выделялась лишь амбулатория общества по борьбе с чесоткой и третья полицейская часть.

Сенная площадь — а всего в Екатеринбурге насчитывалось четырнадцать площадей — была самой большой. В 1919 году ее переименовали в площадь Первого мая, и она стала главной в городе: здесь выстроили дощатую трибуну, мимо которой, приветствуя революционных вождей города, шли демонстрации 1 Мая и 7 Ноября. Она служила местом военно-строевых учений красногвардейских отрядов, отрядов всевобуча и первых воинских подразделений Красной Армии. Благо места было много. Здесь же проходили спортивные соревнования, было футбольное поле, правда, без трибун. Но новое название площади все-таки не прижилось.

В конце 20-х годов Сенная площадь начала менять свой облик. Сначала на ней фасадом на улицу Декабристов встали корпуса третьего, затем и шестого дома горсовета. В 1930 году выросло здание промышленно-экономического техникума — позже в нем поселился техникум советской торговли. В том же 30-м на улице

Куйбышева заложили крупный корпус фабрично-заводской семилетки. Ныне это факультеты Уральского государственного университета. А между этими зданиями кто-то со светлой головой решил оставить для отдыха зеленую зону — в результате субботников зазеленел парк им. Павлика Морозова. Позже здесь поставили пионеру-герою памятник работы П. Сажина, но в годы перестройки он куда-то бесследно исчез. Еще одна зеленая зона дополняет этот городской парк — аллея теперь уже высоких деревьев вдоль улицы Белинского. Не все знают, что ее заложили в 1945 году вернувшиеся с фронта студенты УрГУ в память о тех, кто не пришел с войны, не дожил до Победы.

Значительную территорию Сенной площади заняла стройка 1965 года: телевизионная вышка и комплекс сооружений самой мощной в крае Свердловской государственной телерадиокомпании. И вот любопытная историческая подробность: именно на этом месте, когда Екатеринбург взяли белые, намечено было построить первую мощную радиостанцию Урала. В областном государственном архиве сохранился подробный инженерный проект, причем идея эта принадлежала группе специалистов, среди которых было много белочехов.

А сейчас, после беглой экскурсии по Сенной площади, обратим внимание на воинские казармы. Они помнят и хранят историю более раннего Екатеринбурга. Казармы занимают склон Обсерваторской горки, обозначены на всех картах города первой половины XIX века. Краеведы нашли свидетельства, что появились они по указу Николая I. Установить автора проекта пока не удалось. С самого начала казармы задумывались как капитальное каменное сооружение и впоследствии достраивались, перестраивались. При них был госпиталь, а плацом служила та же Сенная площадь, ее и сейчас в шутку называют солдатским парком имени Павлика Морозова.

Оркестр Оровайского полка

За полтора столетия в казармах прошли учебу и формирование множество воинских частей — все матушка-пехота. И хотя Екатеринбург всего один раз был фронтовым городом — в гражданскую войну, — эти казармы по праву олицетворяют боевую славу Урала, славу всего русского оружия.

Особо историки выделяют начало XX века. В это время в казармах размещались весьма известные воинские части. И среди них первым следует назвать Мокшанский резервный батальон. В 1903 году в одном из июльских номеров екатеринбургской газеты «Урал» появилась публикация: сообщалось, что в город прибыл оркестр — 18 человек музыкантов во главе с капельмейстером Ильей

И.А. Шатров

Алексеевичем Шатровым. Через два дня оркестр к удовольствию публики играл на ипподроме на бегах.

Нам сегодня трудно даже представить, какой восторг сто лет назад могла вызвать полковая музыка. Военных прогулок, маршей пехоты по улицам с оркестром все ждали, как большого праздника. Радовал обширный репертуар, а блеск медных и латунных труб, слаженная игра оркестрантов, бравая выправка солдат просто завораживали. Но в 1904-м кончилось мирное время — и с первых дней русско-японской войны Мокшанский полк и его оркестр отбыли на место театра боевых действий — в Маньчжурию. Перед отправкой пехоты в Кресто-Воздвиженском храме, а точнее около церкви, солдат в походном снаряжении выстроили для торжественного молебна.

Немногим суждено было вернуться назад. В одном из последних тяжелых боев под Мукденом, прикрывая с горсткой солдат отход своего и соседнего Оровайского полков, геройски погиб командир П.П. Побыванец. Полк понес серьезные потери, однако вскоре получил пополнение и готов был дальше сражаться за царя и Отечество. Войну эту, к сожалению, Россия проиграла, утратив, в частности, Порт-Артур и Дальний.

А полк? Он вернулся на Урал. И судьбе было угодно, чтобы его имя навечно осталось в славной военной истории России. Еще в Маньчжурии Илья Алексеевич Шатров замыслил создать музыкальный памятник солдатам, название было готово — «Вальс Мокшанского полка на сопках Маньчжурии». Окончательный вариант он написал после похода, уже в Екатеринбурге, в тех самых казармах, о которых сегодня речь. Этой волнующей, щемящей музыкой оркестр под управлением Шатрова встречал на Екатеринбургском вокзале военные эшелоны с востока. Позже вальс, утратив часть названия, вошел в репертуар всех армейских оркестров

и исполняется до сих пор. Полк вскоре покинул наш город, его передислоцировали в Самару. Там он был преобразован в 189-й пехотный Измайловский, вошедший в знаменитую 48-й стальную дивизию генерала Корнилова, и храбро сражался в Первую мировую войну, а в 1917-м закончил свою историю.

Судьба автора вальса «На сопках Маньчжурии» Ильи Шатрова сложилась благополучно. Он участвовал в трех войнах: в русско-японской, империалистической и Великой Отечественной. В большие чины не вышел, в последние годы руководил оркестром Тамбовского суворовского училища.

Еще одна история о старых казармах. Почему старожилы называют их по-старому, Оровайскими? Имя оставил квартировавший здесь после войны с японцами еще один доблестный полк: в его послужном списке — Крымская кампания, Балканская война. В Екатеринбург полк прибыл в 1910 году и стоял здесь в резерве до 1914-го, до начала Великой войны — так тогда называли империалистическую. Участники екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный Щит», много лет собирающие историю формировавшихся в нашем городе воинских частей, в том числе Александр Михайлович Кручинин, нашли в краеведческом музее и в частных коллекциях несколько фотографий Оровайского полка. Не все, к сожалению, фамилии пока установлены. Но есть снимок оркестра (и у Оровайского полка был свой оркестр!). Дата: 1916 год, Молодечно, Белоруссия. В центре — бравый, усатый дирижер Сергей Иванович Котов, в свое время известный в нашем городе музыкант, член Екатеринбургского музыкального кружка, преподаватель хорового пения в реальном училище, выпускник петербургской консерватории.

А рядом поручик — полковой адъютант Петр Карпович Рожко. Его судьба тоже связана с нашим

городом. Здесь он встретил Екатерину Ивановну — свою любовь, венчался с ней в небольшой церкви горного училища. Его судьба после 1917-го драматична. Приглашение вступить в Красную Армию не принял, остался верен прежней присяге. Вместе с женой и двумя детьми уехал с Колчаком, а когда того расстреляли, родину покинуть не решился. Все боевые ордена царской армии жена зашила в подушку-думку и бросила в реку. В Екатеринбург вернулись тайно, поручик скрывался в Березовском, жил в одном дворе за поленницей дров. Позже подался на Украину, и там узнали белого офицера. Словом, если бы Петр Карпович Рожко в 1930 году скоропостижно не умер, его, как и многих офицеров царской армии, все равно настиг бы расстрельный 1937 год.

А казармы наши не поменяли своего профиля и сегодня. Несколько последних десятилетий здесь проходят службу связисты. Боевой путь только что выпущенные из училища курсанты-связисты начали под шквал канонады Сталинградского сражения. В кинохронике войны почти нет кадров (это была более чем передовая), как, прижимаясь к земле, под пулями от дома к дому с катушками кабеля за спиной ползли бесстрашные солдаты. Они должны были (от этого зависел исход боя, тысячи жизней) все время устанавливать и восстанавливать надежную телефонную связь.

Все построенные полтора столетия назад здания Оровайских казарм (почему бы не узаконить это название официально?), примыкающих к Сенной площади (и это мне историческое имя нравится), до сих пор сохранились. Кроме одного, о чем остается горько сожалеть. В начале XX века рядом с полковым госпиталем на пожертвования горожан была возведена церковь посвященная Николаю Чудотворцу. Здание было деревянным, из лиственницы (могло стоять века), с красивой ажурной колоколенкой. Главным благотворителем была Эмма

Филитц, завод которой делал лучшее пиво в Екатеринбурге. Она заказала хрустальные колонны иконостаса и всю церковную посуду в Гусь-Хрустальном. А иконы были писаны в Ростове Великом на чуть выгнутой стали и покрыты финифтью. Это были вечные иконы. Большие бронзовые подсвечники, что ставили за здравие и за упокой, были подарены Оровайскому полку китайцами еще в Маньчжурии. Словом, это была богатейшая в Екатеринбурге церковь. Ее освятили в 1911 году.

А в 30-е, конечно, сбросили кресты, купол и звонницу. Окончательно разрушили полковую церковь на нашей памяти, в 1968 году. Теперь на этом месте располагаются военная комендатура, прокуратура, суд и милиция Октябрьского района. Но, право же, трудно представить, что эти карательные учреждения способны заменить святую обитель...

ДОМ С ПРИВИДЕНИЕМ

Хотите увидеть приведение? Пожалуйста! Спуститесь по гулким гранитным ступеням вниз, на нулевой этаж дома № 56 на бывшей Златоустовской улице (ныне Розы Люксембург). Вы попадете в необъятные лабиринты. Говорят, из дома через двор шли еще два подземных хода, соединявших подвальные помещения с хозяйственными службами. Провалы, воронки, промоины являют нам останки сводчатой кладки. Из любопытства туда лезть опасно, науку это пока серьезно не интересует.

Но там, где человеку нельзя, привидениям в самый раз. Идешь по изгибам коридоров в полутьме. И вдруг что-то чудится: тень, не тень — женщина в белых одеждах. Мелькнула за поворотом и растаяла. Еще несколько шагов — и снова светлый силуэт, скрипнула дверь — и остался только тонкий аромат французских духов...

Об этом мне поведала кинорежиссер Татьяна Васильева. Сказала, что привидение видели в разное время и не один раз. Но только жалует оно не каждого. А чей это ходит-бродит по подвалам призрак, потревоженный мятежный дух, мы сегодня разгадаем, но чуть позже.

Дом Железнова, несомненно, — самая красивая в Екатеринбурге усадьба. Она была построена в 1895 году (так указано на флюгере) в так называемом неорусском стиле. Напоминает роскошный сказочный терем, весь в тонких кружевах, хотя мастер «плел» их из обычных красных кирпичей. Но так искусно и со знанием они уложены, что дом притягивает взгляды, будто излучает некие теплые волны, добрую ауру. Мимо равнодушно не пройдешь. Такой удивительный эффект создают почти все старые, даже полуразрушенные постройки.

Специалисты долго спорили, кто автор проекта, и сегодня единого мнения нет. Составители книги-альбома «Свердловск» (1982 год) отдали предпочтение Ю.И. Дютелю. Последние публикации называют имя Александра Турчевича, довольно известного пермского зодчего с любопытной биографией. Польский дворянин после Строгановского училища приехал на Урал, но увлекся театром — играл на сценах Перми и Екатеринбурга, имел даже свою антрепризу. И в архитектуре преуспел. По его проектам построены многие здания в Перми, Сарапуле, Березниках, что-то в Верхотурье. Исследователи пришли к выводу, что красивый терем из красного кирпича в Екатеринбурге соответствует стилю А. Турчевича.

О нескольких любопытных фактах рассказал мне историк Владимир Микитюк.

Алексей Анфиногенович Железнов родился в середине прошлого века где-то в Петербургской губернии в мещанской семье, образование получил домашнее. Видимо, участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. За

Дом Железнова на Златоустовской улице (ул. Р. Люксембург)

храбрость отмечен боевыми наградами: знаком «Высшей доблести» двух степеней и Черногорским Серебряным Крестом. Предположительно он воевал в кавалерии, о чем свидетельствуют его лихая выправка, оставшееся на всю

А.А. Железнов

жизнь страстное увлечение коневодством и конными бегами. Он неоднократно участвовал на ипподромных скачках в Екатеринбурге, в других городах Урала, ездил даже в Петербург. Был вице-президентом Екатеринбургского общества поощрения конского бега.

После военной службы А.А. Железнов устроился в крупное акционерное общество «Б.И. Виннер», которое

занималось производством и продажей пороха, динамита и других взрывчатых веществ. Это была серьезная конкуренция братьям Нобель. Говорят, что при содействии Железнова было открыто отделение на Урале. Впоследствии он переехал в Нижний Тагил и здесь женился.

Дом на Златоустовской в Екатеринбурге он, по одной версии, строил сам, по другой — купил уже готовым. И то и другое было под силу только очень состоятельному человеку. Кроме службы в акционерной компании Железнов активно занимался предпринимательством. Львиную долю дохода приносили золотой прииск в Енисейской губернии (за один год здесь получали по три пуда драгоценного металла), несколько мелких приисков, которыми он на долевом участии владел в Оренбургской губернии, плюс серебряно-свинцовые рудники и угольные копи в Казахстане. Видимо, хватало на хлеб с маслом для большой семьи. У Железнова было три сына и дочь.

Прошло сто с лишним лет. Дом еще держит удары

времени. Хотя трудно представить прежнее великолепие: парадные лестницы из белого мрамора, просторные с ажурной лепниной залы и холлы, ковры, дорогие картины. Особый колорит вносили камины и высокие изразцовые голландские печи (на чердаке мы насчитали более десяти труб). Одну из комнат занимала обширная библиотека. На усадьбе, спускавшейся к Исети, захламленной сегодня донельзя уродливыми коробками гаражей и другими подобными образцами современной архитектуры, разрушена некогда великолепная кирпичная ограда. Словом, памятник «охраняется» государством весьма своеобразно.

Можно только представить прохладу большого фонтана (просматривается только чаша). Никто из коренных жителей не помнит, когда он действовал последний раз. Воду подавали из чана, что стоял под крышей

квадратной башни дома. А во дворе росли диковинные цветы. Для своей жены Марии Алексей Железнов приобрел оранжерею, затем открыл магазин с большим выбором элитных сортов роз, азалий, хризантем, других цветов из лучших питомников России, Франции, Италии.

Вообще Мария Ефимовна при своей привлекательности была нелюдима, замкнута, отличалась некоторыми странностями. Например, страдала клептоманией. Это знали все торговцы. И когда богатая дама в магазине тайком что-то прятала — будто не замечали, а муж поодаль ходил за ней и расплачивался за ворованный товар.

Еще Железновы были завзятыми театралами, в новом оперном завели персональную ложу, что было тогда очень модно. И вот, 7 ноября 1914 года — в этот день давали премьеру Шарля Гуно «Ромео и Джульетта» — Мария Железнова во время представления внезапно скончалась. Погребли ее на кладбище Новотихвинского монастыря. Могила не сохранилась.

Летом 1919-го, когда в очередной раз менялась власть, семья Железновых уехала с Колчаком, и след ее потерялся где-то в Томске. У одного из сыновей с отцом была переписка до 1926 года. В то время А.А. Железнову было уже за 70. Трагически завершилась жизнь его сына Бориса, которого несколько раз арестовывали, а в 1938-м вернули в Свердловск и за связь с эсерами расстреляли. На уровне слухов дошло до нас и такое — в довоенное время в облоно приходил офицер в морской форме, назвавшийся Железновым, но его в отчий дом, говорят, не пустили...

Нравы того времени были жестоки. Недаром родной брат Алексея Железнова, Никита, хотя и был только ветеринарным врачом, всю жизнь прожил в страхе. И как только начались аресты — уехал с семьей на Южный Урал. Из Миасса на фронт Великой Отечественной проводил сына Василия, тот закончил войну под Веной.

Почуяв, что в своей стране репрессии еще не закончились, с солдатским эшелоном уехал подальше от родных мест — в Казахстан. В Миасс приехал снова много лет спустя.

Еще одна ветвь семьи Железновых — Герман. Ему удалось получить высшее образование, он строил потом электростанции по стране и за рубежом. А в день, когда выдавал замуж дочь Елену, привел ее, нарядную, в фате, к фамильному дому на бывшей Златоустовской улице и впервые шепотом поведал переданную ему по наследству историю семьи Железновых. О том, как его двоюродный дед Алексей Анфиногенович со своими детьми уходил с белыми, как они в спешке собирались, надеясь скоро вернуться.

Про смутные дни существует много курьезных рассказов, как во дворах усадеб шла жаркая работа — добро закапывали, замуровывали в тайниках. Через несколько дней наступил второй этап этого «героического» труда — теперь красные усиленно копали, искали. Не обошли и усадьбу Железнова. Уже в 30-х годах вездесущие мальчишки наткнулись на потайную дверь, откуда потом возами возили барское добро.

Нам не дано повернуть историю вспять и по-другому распорядиться судьбами этих людей. Но следует признать, что купец Железнов был человеком весьма уважаемым в губернии, слыл большим меценатом, жертвовал крупные суммы для школ и гимназий. С 1903 года Алексей Железнов — действительный пожизненный член Уральского общества любителей естествознания. Он практически спас от распродажи уникальную археологическую коллекцию из раскопок знаменитого Шигирского торфяника, купил ее для краеведческого музея, заплатив немалые деньги.

Дом Железнова менял хозяев много раз. Над его входом вывешивали свой черный флаг анархисты, здесь

была детская площадка, формировалась какая-то воинская часть. В 30-е годы дом передали в ведение народного образования. В полуподвале были классы школы № 93 для слабослышащих детей, детей с нарушениями опор-

Один из родственников А. Железнова

но-двигательного аппарата и другими серьезными хворями. Верхние этажи обширного здания занимали семьи учителей.

Один страшный год здесь прожила педагог Галина Кулагина. Она вышла замуж за Константина Попова. Оба только что окончили педагогический институт, готовились в аспирантуру, ждали ребенка, были полны

радужных надежд. В семье, в которую она вошла, все шесть человек были потомственные сельские учителя. Галина Александровна и Константин Васильевич холодную ночь 1938 года вспоминают, как страшный сон.

Во втором часу в дверь бесцеремонно постучали, вошли четверо, в квартире все перерыли, ничего не нашли, но отца забрали. В это время, как шквал, проходила новая волна арестов. Г.А. Кулагина показала мне редкий документ — секретное распоряжение Сталина от 28 февраля 1938 года и приложенный к нему список областей, где по расстрелам были «недовыполнены контрольные цифры». В этом страшном списке по Свердловской области значилось 2000 человек. В число «планово недорасстрелянных» попал и старейшина Поповых — учитель истории Василий Моисеевич.

Содержались заключенные в здании сегодняшней поликлиники № 27 Октябрьского района — это был официальный «подтюремок» еще с царских времен. Три недели в тревоге ждали вестей, потом разрешили жене свидание. Она увидела не человека — кусок окровавленного мяса, распухшего, в синяках, с выбитыми зубами. Вернулась домой и билась в истерике. Эта семья на себе испытала, что такое «биться головой об стену и рвать на себе волосы». Официально В.М. Попов был осужден по 58-й статье на 10 лет без права переписки. Фактически 13 мая его судила «тройка», а на следующий день он был расстрелян. Жена и дети стали семьей «врага народа».

Продолжим сказание о доме № 56 на улице Розы Люксембург. С первых дней Отечественной войны он был внесен в реестр сугубо секретных объектов города. Сюда специальный эшелон привез эвакуированный из Москвы Государственный астрономический институт имени П.К. Штернберга (ГАИШ). К тому времени фашисты превратили в груду развалин Пулковскую обсерваторию, где

находилась Служба времени — самые точные часы государства. «Не думай о секундах свысока», — поется в известной песне. Так вот, без коротких, но точных секунд страна оказалась бы безоружной перед врагом. Без точного времени невозможно было координировать никакие военные операции.

В ГАИШе Службой времени заведовал М.С. Зверев. Для ученых, выполняющих задание первостепенной важности, в городе нашли особняк, отвечающий самым высоким требованиям, кирпичный дом стоял вдали от транспортных магистралей (трамваи по улице Куйбышева еще не ходили), полутораметровой толщины стены, сухие и удобные подвальные помещения — в них за толстыми, тяжелыми дверями, в герметичных футлярах, в полной тишине и тикали самые совершенные в стране часы. Для надежности их было двое.

Из этих подвалов 7 ноября 1941 года на одиннадцать часовых поясов пошли сигналы точного времени. Мощная радиостанция в Свердловске передавала и принимала точное время от других радиостанций мира. Интересно, что в нашем городе в те годы был установлен своеобразный рекорд: советская служба времени сравнялась по точности с германской «Науэн», а затем превзошла ее на 0,007 секунды.

В доме № 56 работники института имени Штернберга жили и работали. Служба времени дни и ночи несла свой дозор. Сигналы принимал и фронт и тыл. По ним сверяли часы и минуты военных операций. По ним геодезисты и картографы уточняли долготы и широты тех пунктов, где шли бои и планировались военные действия.

Группа ученых под руководством С.Н. Блажко составила «Таблицы моментов восходов и заходов Солнца и Луны». Эти таблицы были отпечатаны в Нижнем Тагиле и срочно отправлены на фронт для партизан, летчиков, моряков. Служба Солнца составляла прогнозы

погоды для армейской связи. Именно тогда зародилась уральская астрономическая наука.

Те годы хорошо помнит студентка Уральского университета, ныне кандидат физико-математических наук, астроном Зинаида Николаевна Шукстова. В числе нескольких практиканток в 1943 году ей было разрешено пройти практику по фотографической астрометрии, звездной астрономии в лабораториях ГАИШа.

Дом Железнова — это не только памятник архитектуры конца XIX столетия, это еще и памятник науке, где в 1941—1943 годы работал «звездный дозор» страны. Сегодня в доме Железнова — кабинеты, лаборатории, хранилища Института истории и археологии УрО РАН. Ученые такого профиля, надо думать, докопаются до мелочей, восстановят столетнюю историю усадьбы, материализуют многочисленные легенды. Может, раскроют тайну женщины в белом. Мне думается, это хозяйка, Мария, так странно покинувшая мир. Время от времени ее душа обходит свои владения, оставляя за собой тонкий аромат французских духов.

ЕЩЕ ОДНА ЛЕГЕНДА ЛАБАЗ-КАМНЯ

Кто бы мог предположить, что несколько поблекших фотографий конца 20-х годов теперь уже ушедшего XX века не что иное, как волшебный билет в прошлое поселка у развала отрогов Уральских гор, на границе Европы и Азии.

Правда, ничего особого, кроме примет времени, на этих снимках нет: неуклюжие по сегодняшним понятиям машины и механизмы — прообраз экскаваторов и большегрузных автомобилей — на фоне строящегося копра шахты под названием «Лондон». Позже будут и «Москва», и «Берлин», и «Нью-Йорк». Столицы крупнейших государств переселились хотя и в сказочно красивые места, названные маленькой Швейцарией, но все-таки в глухомань — где исстари крестьяне кроме земледелия занимались еще обжигом древесного угля по заказам демидовских заводчиков или гнали в специальных ямах из

березы деготь. Это и определило имя поселку — Дегтярка. Причем Дегтярки было две — Северская лесная дача на территории Сысертского округа и ревдинская Дегтярка, вблизи которой в XIX веке уже добывали железную руду.

Попытаемся рассмотреть людей на фотографиях. Это, конечно, не пролетарии, судя по костюмам-тройкам: все при галстуках и в шляпах. Имен время не сохранило, но есть любопытная легенда, которую подогрел приезд в нашу страну в 1959 году вице-президента США Ричарда Никсона. Этот американский гость породил в Дегтярске массу странных легенд и слухов.

Мой коллега Владимир Новоселов, в то время собкор Всесоюзного радио рассказал любопытную подробность. Да, в 1959-м Ричард Никсон, тогда вице-президент США, с официальным визитом прибыл в нашу страну и доехал до Урала. Два дня он с интересом осматривал достопримечательности областного центра. И вдруг освещающие визит корреспонденты узнают, что завтра утром американская делегация и представители советской стороны выезжают в Дегтярск. Это не вписывалось в протокол официального визита. Журналисты гадали: почему именно в Дегтярск?

В городе горняков Р. Никсон спускался в одну из шахт, осмотрел внимательно подземную технику и все работы, которые там производились. Позже на пресс-конференции Никсон (может быть, туманно) сказал, что в Дегтярске он не первый раз, бывал здесь и ранее. Но этот факт ни с нашей, ни с американской стороны не обсуждался. А журналистам в то время такому высокому гостю вопросов задавать вообще не рекомендовалось. Так и осталось тайной, почему не в Нижний Тагил, не в Каменск-Уральский — крупные промышленные города, а именно в Дегтярск пожелал нанести визит Ричард Никсон.

Одна из шахт Дегтярки

Безусловно, наш стратегически промышленный край долго был для иностранцев секретной зоной. Разрешение посетить Урал представителю не совсем дружественной нам страны, естественно, до мелочей обсуждалось на самом высоком уровне — в ЦК КПСС. И вот представьте, что одно из первых лиц Соединенных Штатов Америки не по протоколу вдруг «заруливает» в маленький городок. Прошло более четырех десятков лет, история с Никсоном обросла толстым слоем былей и небылиц.

Здесь необходим экскурс в более давнее прошлое.

Люди, жившие исстари у Лабаз-камня (горный хребет, напоминающий огромного спящего зверя, за которого «зацепилась» Дегтярка), знали, что этот Лабаз — то есть кладовая — хранит некие богатства. Рудознатцы Демидовых открыли в этих местах месторождение железа. Начиная его разработку, не раз обнаруживали остатки древних копей и штолен. Попадались при этом и примитивные орудия труда, порой скелеты людей в одеждах из звериных шкур. Но прославило Дегтярку в XX веке на всю страну другое полезное ископаемое — медный колчедан.

Надо сказать, что открыть месторождение меди сегодня — равносильно открытию золотой жилы. В былые годы такую подземную кладовую до поры до времени люди держали в строжайшей тайне.

В краеведческой литературе читаем, что честь этого открытия молва приписывает некому Фаддею Семкову. Будто это он обнаружил лесной родник, вокруг которого ничего не росло: ни трава, ни деревья. Фаддей якобы опустил в родник гвоздь, и тот за короткое время покрылся слабым налетом меди. Анализ воды в специальной лаборатории в Екатеринбурге подтвердил содержание меди в руде.

Специалисты и в их числе доктор геолого-минералогических наук Владимир Викторович Филатов уточнили: официально медные залежи в районе горы Лабаз были открыты в 1890 году. Первые разработки относятся к 1907 году. Так возникла первая Дегтярка. А в 1909-м — с расширением разработок — появилась и Дегтярка-2. В 1914-м добыча шла уже достаточно интенсивно.

Вообще до Октябрьской революции Урал был основным поставщиком меди в нашем отечестве. Здесь выплавляли 40—60 процентов этого ценнейшего металла. Однако последовавшие затем войны и революции

прервали поступление меди. Потом долгие годы наши экономические показатели сравнивали с уровнем 1913 года — периодом наивысшего расцвета экономики царской России.

В 1921 году в Советской России был создан Главный концессионный комитет. Он выработал специальную инструкцию, на основе которой можно было привлекать к восстановлению российской промышленности иностранный капитал. При этом были определены предприятия и районы России, которые могли бы быть сданы в концессию. И в качестве одной из таких территорий, скажем прямо, безнадежно разрушенных, был назван Дегтярский район.

В 1924 году Дегтярское месторождение было отдано в концессию акционерному обществу «Лена Голдфилдс Лимитед». Договор готовил коммерческий директор синдиката «Уралмет» Гуляев. По нему иностранцам в концессию передавались Ревдинский железоделательный и Полевской медеплавильный заводы, Зюзельский рудник, еще некоторая часть предприятий Урала.

В чем была наша выгода? Главное, что концессионеры не требовали от советского правительства никаких ассигнований, обещали разрабатывать Дегтярское месторождение на свои средства и построить на его базе крупный медеплавильный комбинат.

Во главе концессии, безусловно, были очень грамотные инженеры и технологи. Из местных непьющих они набрали рабочих, платили им хорошую зарплату, кормили, впервые выдали спецодежду, рукавицы. Для них начали строить деревянные двухэтажные коттеджи, к которым подвели центральное отопление и воду Так появились первые улицы — Ревдинская, Кунгурская, Советская. Позже Ревдинская попала под зону обрушения, а на двух других улицах дома, крытые добрым железом, привезенным из-за дальнего кордона, стоят до сих пор.

Словом, Дегтярка быстро стала процветать. Иностранцы с умом тратили деньги, берегли и технику. Старики утверждают, что будто смазывали механизмы не солидолом, а коровьим маслом. Руду, которую здесь обогащали, в вагоны для отправки за границу загружали не «навалом», как принято у нас, а упаковывали в холщовые мешки.

Словом, месторождение взяло хороший старт, а «такая корова», как известно, «нужна самому»: медь крайне была необходима для развития отечественной электротехнической промышленности. Поэтому было принято решение: от гостей избавиться любыми путями. Местные коммунисты стращали шахтеров, что хорошая зарплата — это буржуазная агитация за капитализм, что идет подрыв советской власти. Потом они подбили уволенных за прогулы организовать забастовку, требовать необоснованную доплату. Концессионеры строго соблюдали советские законы, но один — главный — просчет все-таки допустили. Просчет экологический: там, где промывали руду, серная кислота оставляла мертвые зоны.

«Лена Голдфилдс» работала около пяти лет. Договор был расторгнут в 1930 году. Компания потеряла на этом многие средства. Зато мы на этом поживились изрядно. Государству достались четыре уже действующих шахты с вполне современным по тем временам оборудованием. Кроме того — обогатительная фабрика, жилые дома в Северской Дегтярке и в районе реки Сухарки, плюс построенная между Ревдой и Дегтяркой железная дорога (по ней позже руду стали возить на СУМЗ и там обогащать).

Но вернемся в 1959 год, к «незапланированному» визиту Ричарда Никсона, который повергнул в шок местное начальство. Еще бы: в короткий срок надо было сделать серьезный ремонт дороги при въезде в Дегтярку. Писатель Олег Капорейко, свидетель тех событий, рассказал

Е.А. Солнцева (в первом ряду)

о трагикомической ситуации, когда дорожники и службы ЖКО города работали всю ночь и так постарались, что не только заасфальтировали колдобины и выбоины, но и... побелили дорогу

Визит такой важной персоны, как водится, оброс множеством легенд. Одна из них гласит, что Никсон обратил внимание на загороженный забором бывший лагерь пленных немцев. Их давно отправили на родину, но с жильем у нас всегда была проблема — и неприглядные

бараки превратили в общежитие. На вопрос Никсона, что это такое, один из сопровождавших «нашелся» и ответил: «Это у нас свинарник». — «Да? А что, и свиньи у вас смотрят телевизор?» — спросил экс-президент, показав на торчащие над крышей телевизионные антенны.

Словом, Дегтярка уже 40 с лишним лет не может забыть того визита, потребовавшего от нас, неискушенных в таких приемах, максимум изворотливости, чтобы, не дай бог, иностранный гость не заметил дыр в нашем Тришкином кафтане. С тех пор ходят по Дегтярке легенды об уральских родственниках Никсона.

Что мы знаем о 37-м президенте США? Р. Никсон родился в 1913 году, то есть значительно раньше событий, связанных с концессией. Одна из версий, что появился он на свет на Урале, сразу отпадает. Родился именно в Соединенных Штатах, иначе по Конституции этой страны не стать ему президентом. Не будем вдаваться и в подробности советско-американских отношений в период его правления, но это был заметный переход от конфронтации наших стран к переговорам. И перед тем, как не совсем добровольно Никсон подал в отставку, его даже называли в США «советским шпионом».

Кто из его родни был здесь и был ли вообще? Официально концессия была английской, но это еще ничего не значит. В ней могли работать специалисты и других государств. Прояснить эту любопытную ситуацию могли бы архивы УФСБ по Свердловской области, так как тогда за каждым шагом иностранцев серьезно следили. Но пока с этих архивов гриф секретности не снят и вопрос остается без ответа.

Проследим за судьбой некогда перспективного месторождения медного колчедана. Как случилось, что город Дегтярск потерял градообразующее предприятие? Оказывается, как утверждает ученый-геолог В.В. Филатов, его судьба была предопределена еще в 1930 году, когда в

Дегтярске провел ревизию результатов геологических исследований профессор Николай Шадлун. Тогда, опираясь на данные по бурению, по горным работам, которые были в его распоряжении, он очень точно угадал и запасы дегтярского месторождения, и пространственное расположение руд. Здесь бурились очень глубокие скважины — до двух и более километров. И те, кто позже горячо выступали за продолжение поисков, утверждали, что скважина чуть-чуть — два-три десятка метров — не добурила до более перспективного рудного тела, именно оно даст основание для открытия новой Дегтярки! Однако новых пластов так и не нашли, а старые запасы иссякли, шахтные подъемники замерли. Все, что было связано с добычей ценного минерала, ушло в историю. Никто не знает, когда, за счет чего город получит теперь новое дыхание.

Вспомним еще раз 37-го президента США. Он им стал в 1969 году, то есть спустя 10 лет после своего визита в Дегтярск. Приезжал он потом в СССР, его торжественно принимал наш генсек Л. Брежнев. Наблюдавшая тогда эту встречу по телевидению Екатерина Александровна Солнцева — старейшина одной семьи из нашего областного центра — вдруг оживилась: «О, я знаю родителей Никсона и была с ними знакома, с его отцом даже танцевала...» Вся родня всполошилась. Оказалось, бабушка Катя с мужем в конце 20-х годов жила в Дегтярске. М.П. Солнцев — выпускник Ленинградского технологического института — работал на руднике главным механиком. Его молодая жена была очень эффектной дамой со светскими манерами, которые получила в Варшаве, в институте благородных девиц. «Она показывала на фотографии семейную пару средних лет, — вспоминают родственники, — и уверяла нас, что это родители Никсона, что в России они работали, но почему-то под другой фамилией. Что к ним однажды из Америки

приезжал в гости сын-подросток — рыжий мальчик по имени Ричард». Вот, оказывается, откуда корни этой легенды.

Старые фотографии бабушка хранила тайно, да и в 1972-м, когда она об этом рассказывала, болтать про свои связи с иностранцами, зная нашу жестокую советскую систему, тоже было небезопасно. Возможно ли: родители 37-го президента США в Дегтярске?! А впрочем, почему бы и нет? В те давние времена в Америке разразился жестокий кризис. Чтобы обеспечить семью, многие уезжали в другие страны, в том числе и в красную Россию. Екатерина Александровна особо подчеркнула, что люди с фотографии носили другую фамилию. И это как-то может объяснить наши предположения об отсутствии в документах фирмы «Лена Голдфилдс», находящихся в государственном архиве Свердловской области, имени Милхауса Никсона — отца 37-го президента США.

Жаль, что Екатерины Александровны Солнцевой уже нет. Видим ее прекрасное лицо только на старых фотографиях, а рядом с ней и ее мужем — иностранные джентльмены. Но есть ли среди них родители Никсона? Снимки по электронной почте мы передали в США. Из центра Никсона ответили, что на этих фотографиях их нет. По всей видимости, снимки, на которые указывала Екатерина Александровна, в старом семейном архиве не сохранились. Могли ли Никсоны работать в Советской России под чужой фамилией? Будет ли когда-нибудь раскрыта эта тайна?

КОММУНИЗМ ДЛЯ СЕБЯ

В каждом городе есть приметные места, их знают все, показывают гостям и туристам. Один из таких ориентиров — комплекс, куда входят гостиница «Исеть», Дом культуры имени Дзержинского — ныне здание краеведческого музея и целый квартал жилых домов — все это когда-то было объединено единым, но довольно мрачным названием — Городок чекистов.

Много раз в Стране Советов нам с самых высоких трибун обещали: скоро мы будем жить при коммунизме. Мы верили и ждали. Дольше всех лозунг «Вперед к коммунизму!» держался на здании, где сейчас гостиница «Исеть». Вечерами он вспыхивал в небе гигантскими буквами, они были видны издалека, читались даже с самолетов. Когда их убрали, уже как-то подзабылось: то ли случившийся большой пожар помог, то ли — мечта

оказалась недосягаемой, но с памятника архитектуры эти явно не украшавшие его слова исчезли.

Любая власть, чтобы сохранить себя, опирается на силу. Поэтому вполне естественно, что после Октябрьской революции, которую точнее будет назвать «большевистским переворотом», совершенным определенной группой людей, пришедшие к власти сразу постарались со-

Гостиница Исеть

здать себе защиту, охрану, чтобы удержать власть любой ценой. Вот для войск НКВД и строились целые жилые комплексы. Строились быстро.

Наш Городок чекистов возник в феноменально короткий срок, будто символ новой жизни. На въезде во внутренний двор на одном из домов висит мемориальная доска. Она свидетельствует, что это памятник градостроительства, авторы проекта Иван Петрович Антонов,

Вениамин Дмитриевич Соколов и Арсений Михайлович Тумбасов.

Интересна судьба Ивана Петровича Антонова. Он оказался в Финляндии. В 70-е годы прошлого века там побывала делегация наших зодчих, в их числе архитектор Борис Демидов, и говорящая по-русски женщина-гид, узнав, что гости из Свердловска, восхищенно произнесла: «О, это у вас такой дом! В виде подковы! Мы знаем. Это Антонов, он живет у нас и успешно проектирует».

Как случилось, что талантливый зодчий в 1937 году перебрался в Финляндию? Должно быть, бежал от репрессий. Проектировать, строить особо секретные объекты во все времена было небезопасно — творцы и исполнители бесследно исчезали.

Городок чекистов является образцом стиля конструктивизма, отдельные здания спроектированы с применением элементов древнегреческих храмов. Не вдаваясь в архитектурные подробности этого квартала, скажу лишь, что задача стояла — раскрепостить женщину, поэтому кухонь не было ни в одной квартире, но на первом этаже клуба Дзержинского работала прекрасная столовая. Были прачечная, свой детский сад, ясли, санчасть. Только здесь в городе были газ, горячая вода и полная телефонизация. На первых — лучших — этажах жили высшие чины.

В городке существовал оосбый режим — посторонних не пускали. И даже своим, если надо ехать в отпуск или командировку, на чемодан оформляли пропуск.

В одну из трехкомнатных квартир, по теперешним понятиям очень неудобную, хозяева любезно разрешили зайти, чтобы посмотреть сегодняшними глазами, как в то время жили высшие партийные чины. Хозяйка квартиры (не буду называть ее имени) показала мне портрет отца и свекра, которые были генералами КГБ. Они

получили квартиру в 1942 году, после того как из нее выселили какого-то генерала.

Никаких тайн этого городка они, конечно, не знают, в семье был особый запрет на такого рода рассказы. Но она видела лично «черный ворон» — за кем-то приезжал в одну из соседних квартир. Многие чекисты, для кого в 1934 году строился этот городок, либо съехали, либо ушли в мир иной.

Городок чекистов, как и все стройки коммунизма, возводили в основном заключенные. Их имен мы не узнаем никогда. В начале 30-х годов поставили здесь высокий забор (к слову, на месте кладбища) и начали рыть огромный котлован. В результате имеется еще огромный подземный город — главная тайна этого места. И ее теперь ежедневно разгадывают работники службы эксплуатации, потому что ни одного плана подземных коммуникаций или съемок нет — то были секретнейшие документы.

Виктор Нестеренко — единственный сегодня, кто изучил почти весь подземный город. Здесь слесарем работал его отец и часто брал с собой шустрого мальчишку. Теперь, когда многие дома и коммуникации городка пришли в аварийное состояние, Виктору часто приходится открывать подвал, и он безошибочно идет по лабиринтам менять трубы, закручивать вентили.

Мы со съемочной группой тоже решилась на рискованную прогулку. Не знаю, что ощущают спелеологи, спускающиеся шаг за шагом в неизведанные пустоты пещер, но мы чувствовали себя не лучшим образом. Горы мусора — риск запнуться и упасть, провалиться в прогнивший люк. Проходы то сужались, то расширялись.

Ненароком через пролом можно нырнуть даже в подземное озеро. Кстати, вода чистая. И глубина метра четыре. Раньше, говорят, воду откачивали, теперь некому — она стоит постоянно, не ниже, не выше. Оказалось, что

это река, она живет вдоль улицы Первомайской, заглядывает и под Городок чекистов. При строительстве по соседству Дома офицеров едва не наделала бед — дала трещину в стене. Предполагают, что река питает озеро в Харитоновском парке.

Высвечивая дорогу, осторожно двигаемся по длинному подземелью дальше. И наш гид, конечно, впереди. Он слышал о других подземных ходах, которые соединяли городок с Окружным Домом офицеров, со штабом УралВО, со специальным правительственным бункером под Вознесенской горкой. Но сейчас все замуровано. А легенды остались.

Разговоры идут не только про подземный город. Известно, что экспроприаторы нередко разделяли участь своих жертв. Тоталитарная система предусматривала и тотальную слежку: как в Москве, в печально известном «Доме на Набережной», так и в наших ограниченных пространством зданиях, все прослеживалось, квартиры прослушивались. Поэтому за одними по ночам приезжали и они бесследно исчезали, другие в этот райский уголок вселялись.

И все-таки в Екатеринбурге мы имеем один из притягательных, очень интересных памятников архитектуры эпохи конструктивизма. В ту пору, когда задумывались грандиозные планы подобного строительства — средств не жалели, да и город был столицей огромной Уральской области, как говорили, «от океана до Казахстана». Поэтому и удалось возвести несколько уникальных объектов, до сих пор восхищающих иностранных зодчих, где люди особой службы советского государства строили не просто жилье, а коммунизм для себя.

БЕЛЫЙ ДОМ ИЗ КРАСНОГО КИРПИЧА

На самом деле здание выложено из темного материала. Стройка первого года войны. Никаких излишеств. Но оно и сейчас выделяется среди других построек поселка Кольцово. Прежде всего строгостью линий, основательностью, выглядит как некий бастион; грудь первого в боевом строю, чтобы по нему могли равняться другие. Мне показалось, что в это свое детище безвестный архитектор вложил даже общую уверенность в будущую победу над врагом. Имени архитектора ни в одном документе не найдено. Возможно, это был типовой проект того времени. Строители — люди военные — выполнили приказ быстро и четко. Здание предназначалось для остановки и отдыха высшего летного состава. Гостиницу никогда не штукатурили, в светлые тона не перекрашивали. Но почему все-таки в народе закрепилось название «белый дом»?

Представим зиму 1943 года. Начало декабря, скорее всего, это была ночь с третьего на четвертое декабря. На военном тогда аэродроме Кольцово произошли события строжайшей государственной секретности, и связаны они с упомянутым зданием. Много с тех пор минуло лет, что-то поросло быльем, но мы попытаемся прочесть эту малоизвестную страницу уральской истории. Рассекречены почти все уральские заводы, работавшие на оборону. Практически каждый документ с грифом «Секретно» — это сейчас пропуск к очень важным и интересным событиям.

Здесь мне хочется назвать имя одного удивительного знатока — Игоря Павловича Катенева. На его юность выпал голод блокадного Ленинграда. Потом свою жизнь он связал с авиацией. Позже у нас в Кольцово создал, а сейчас пополняет редкими находками музей аэропорта. С его помощью мы и полистаем книгу секретной переписки в годы Второй мировой войны Иосифа Сталина и американского президента Франклина Рузвельта. Писем в книге много, мы выделим одно глобальное событие, которое касается и Урала, — создание гигантской воздушной трассы с Аляски через всю нашу страну на Запад, до театра военных действий. Это был авиамост, по которому затем шла поставка в Советский Союз американской техники по так называемому ленд-лизу. Идея секретной трассы, судя по письмам, принадлежала Рузвельту

«Строго секретно. Рузвельт — Сталину... В связи с моим посланием к Вам от 17 июня, я хочу подчеркнуть, что если бы было возможно осуществлять поставку самолетов из Соединенных Штатов в Советский Союз через Аляску и Сибирь, вместо того, чтобы поставлять их через Африку, как это практикуется теперь, было бы сэкономлено большое количество времени.

Кроме того, устройство авиалинии для переброски самолетов через Сибирь позволило бы осуществить доставку

в Советский Союз по воздуху также самолетов с коротким радиусом действия — истребителей, вместо доставки их по морю, как это делается в настоящее время».

Здесь прервем чтение письма, чтобы пояснить: союзники терпели большие потери, перевозя эту военную технику Северным морским путем в Мурманск. Именно на этом пути немецкие подводные лодки потопили не одну сотню английских и американских кораблей. Дальше Рузвельт пишет: «Если на территории Сибири можно построить посадочные площадки и установить метеорологическое и навигационное оборудование, связав его с соответствующими американскими авиалиниями, я готов отдать распоряжение американским экипажам, занятым перегонкой самолетов, доставлять вам самолеты до озера Байкал».

Это письмо датировано концом июня 1942 года. Тяжелейшее для нашей страны время. Перелом в войне еще не произошел. Существенная помощь извне, от союзников, была бы как нельзя кстати, но и секретной трассы, о которой выше шла речь, еще не было. Как ее можно было

строить, если в тылу работали преимущественно одни старики, женщины и подростки. 23 июня 1942 года Рузвельт предложил проект секретной трассы, готова она была 30 января 1943-го — в рекордно короткий срок.

Представим по карте эту воздушную магистраль от самой крайней точки Советского Союза возле Аляски — Уэлькаля до Красноярска. Это 4800 километров совершенно неосвоенных мест, где заново были построены порты Уэлькаль, Марково, Якутск, Киренск, Зырянка, Бодайбо, Оймякон и возникли десятки аэродромов. Все это строили в морозы в 40—50 градусов. Есть воспоминания строителей той поры: строили не столько заключенные, сколько в основном женщины. Рассказывают, как они отличались на порубке леса, на расчистке грунта, на других тяжелых работах. И за считанные месяцы трасса была готова. Американцев этот факт поверг буквально в шок.

Зачем на трассе столько аэродромов? Для дозаправки самолетов. Из секретной переписки узнаем, что Сталин отказался от американских летчиков. Наши экипажи сами перегоняли самолеты от Фербенкса на Аляске через Берингов пролив, и далее эта техника летела на Запад с непременной остановкой в Свердловске. К слову, не все американские истребители были надежны. До сих пор в тайге находят останки совершивших вынужденную посадку или потерпевших аварию «аэрокобр».

О том, что в Кольцово есть хороший военный аэродром с новыми взлетными полосами, в то время знали немногие. Люди, которые его обслуживали, подписывали строжайшие секретные документы о неразглашении государственной тайны. Обслуживали аэропорт всего 74 человека, включая синоптиков. Иногда за сутки садилось и взлетало до сотни машин. Кольцово принимало не только американские, самолеты, но и новые с авиационных заводов, которые работали глубоком тылу: в Омске, Новосибирске, Ташкенте, Комсомольске-на-Амуре. Всех надо было принять, разместить, накормить, самолеты заправить, а потом дать «добро» на взлет...

Еще фрагмент секретной переписки глав двух государств в преддверии Тегеранской конференции. Напомним, проходила она с 28 ноября по 1 декабря 1943 года. Здесь наконец-то должна была решиться главная проблема во взаимоотношениях союзников: открытие второго фронта. Русские ждали этого события еще в 42-м, надеялись на 43-й, и он был на исходе. В Тегеране в принятой декларации записали: «Не позднее 1 мая 1944», а открыли второй фронт в 1944-м, летом. Как известно, жил Ф. Рузвельт в Тегеране не в своем, а в советском посольстве. Из секретного письма узнаем, что Рузвельт был обеспокоен неудобствами размещения: американская миссия далеко от советской и британской, а каждодневные переезды — это ненужный риск. Как раз в это время наш земляк, разведчик Николай Иванович Кузнецов, подтвердил, что немцы в отношении глав трех государств готовят террористический акт, и Рузвельт с благодарностью принимает предложение Сталина поселиться в советском посольстве, чтобы и подчеркнуть к нему особое доверие, а также обсудить какие-то вопросы без третьего лишнего — Черчилля.

Все это мы вспоминаем вот для чего. В объемистых книгах, монографиях подробнейшим образом, как это

любят американцы, описано, с какими опасностями и приключениями Франклин Рузвельт преодолел 7500 километров на мощном линкоре «Айова» через Атлантику до Каира, а потом на президентском самолете С-54, прозванном «Священная корова», до Тегерана. Но нигде ни намека нет на то, каким путем он вернулся с конференции назад. Но мы проанализировали события той ночи с третьего на четвертое декабря 1943 года в аэропорту Кольцово и делаем свои выводы.

По рассказу заведующей гостиницы, которая в то время находилась в двухэтажном здании нашего порта, ей предложили приготовить (но чтобы никто из персонала ничего не знал) три комнаты первого этажа, хотя все люксы для начальства находились на втором. Дело привычное. Она заправила кровати новеньким, с пломбами бельем и ушла. Через 2 часа за ней приехали, срочно заставили заменить все белье на новое, но простиранное. Женщина удивилась, а человек в кожане недовольно выговорил: «Как вы могли додуматься президенту заправить заводское белье. Иностранцы, особенно американцы, прежде чем использовать белье, его стирают!»

И.П. Катенев стал искать, кто бы мог еще подтвердить факт пребывания Рузвельта в Кольцово. И нашел техников, обслуживавших необычный президентский самолет. Он отличался от машин, что шли с Аляски на фронты Отечественной войны, — то были самолеты другого класса. А «Священная корова» имела четыре мотора, могла в воздухе пробыть без дозаправки до двух суток.

Это все предположения. Абсолютно достоверно подтвердить факт пребывания Франклина Делано Рузвельта у нас могли бы архивы службы госбезопасности, но пока гриф высокой секретности с этих документов не снят. Однако есть уверенность, что американский президент, серьезно сотрудничавший с нашей страной

в победе над фашизмом, все-таки останавливался здесь, может быть, не на всю ночь, на несколько часов. Известно, что с ним была его дочь, им необходим был отдых. А почему для него готовили первый этаж, понятно, — у Рузвельта были серьезные проблемы со здоровьем — он был в коляске. Возможно, на обратном пути из Тегерана в США Рузвельт выбрал для своего полета самый безопасный путь, к тому же его весьма интересовала работавшая почти год секретная трасса. Об этом мы читаем в его строго секретной телеграмме от 4 декабря 1943 года, где он благодарит маршала Сталина и сообщает о благополучном прибытии к месту назначения, т.е. домой.

О секретной трассе еще практически никто по-настоящему не рассказал: ни о мужестве людей, ее создавших, ни о тех, кто на ней работал в годы войны. Одними американскими самолетами мы бы войну не выиграли. Хотя количество крылатых машин, полученных по ленд-лизу, внушительно: более 14 тысяч. Это за все время. Для сравнения скажем: наши авиационные заводы только за один 1943 год выпустили 44 тысячи истребителей и бомбардировщиков. Большая часть этой летающей армады проследовала через главный транзитный пункт Урала на фронт. Как память о прошлом стоит в Кольцово дом из красного кирпича, который по-прежнему именуют «белым». Говорят, был там еще один «дом Рузвельта», деревянный, его снесли. Почему два? Может быть, загодя готовясь к прилету высокого американского гостя, наша разведка тоже решила засекретить это событие, чтобы уж наверняка сбить с толку всех шпионов сразу.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Более двадцати лет была тайной даже его могила. Потом ушли и люди, которые могли ее показать. И если бы не следопыты школы № 60, кто ведает, когда бы история раскрыла подлинное имя нашего героя и восстановила события тех далеких военных 1942—1943 годов.

Все началось с объявлений, которые пионеры расклеили на заборах своего поселка Малый Исток с вопросом, кто что знает о летчике, который в войну разбился в Кольцово, испытывая маленький, но очень шумный самолет. А вскоре ребята уже разглядывали фотографию красивого мужественного человека в летном шлеме. На карточке было имя — Григорий и необычная фамилия — Бахчиванджи. Также надо было выяснить, в каком из трех безымянных холмиков на сельском кладбище покоится его прах.

Интересный и захватывающий поиск отряда школы № 60 продолжался. На помощь пришли летчики аэропорта «Кольцово». В 1967 году дети написали на родину Бахчиванджи на Кубань, в станицу Бриньковскую. Но оказалось, что там этой фамилии не знают. Вся его родня, мать и трое братьев, была под фамилией Садовниковы. Только по деду у них были болгарские корни.

Потом следопыты летали в Москву, в архив научно-испытательного института ВВС, им дали дело летчика. И по крохам была восстановлена его биография и история того секретного события.

Выяснили, что Григорий Яковлевич Бахчиванджи, когда пришла пора служить в армии, был техником на одном из аэродромов. Это и определило его дальнейший путь. В 1937-м окончил летную школу в Оренбурге, с первых дней войны был зачислен в состав специального 402-го истребительного полка. За первый месяц сделал 50 боевых вылетов, сбил 8 фашистских самолетов. Представлен к званию Героя. Но документы не успели дооформить, не до того было — немцы рвались к Москве. А отважного летчика вопреки желанию откомандировали в глубокий тыл: испытывать новую технику. В армии не поспоришь: приказ есть приказ. Почти игрушечная машина (он должен был первым научить ее летать со скоростью звука) произвела на Григория удручающее впечатление. Об этом свидетельствуют воспоминания конструктора ракетных двигателей Душкина.

Уникальный кинодокумент из рассекреченного архива позволяет наблюдать его первый полет на БИ-1, первой управляемой ракете. Это историческое событие произошло 15 мая 1942 года в нашем уральском небе.

Игорь Павлович Катенев (в прошлом штурман с большим стажем) вместе с детьми собрал бесценный материал и помог восстановить имена тех, кто покоится в трех безымянных могилах. Он показал мне единственное

Григорий Бахчиванджи

сохранившееся письмо Бахчиванджи, где после полета он сообщает своему тестю, известному летчику-испытателю Б.Н. Покровскому: «Итак, Борис Николаевич, еще одна победа. Сделал мировой рекорд, история записала мое имя. Оно станет известным, когда этому придет время».

15 мая 1942 года — был первый, а 27 марта 1943-го — седьмой и последний полет Григория Бахчиванджи. Он поднялся в небо на управляемой ракете, чтобы развить предельную скорость, почти равную скорости звука.

Акт об аварии: «Взлет нормально, набор высоты до 2 тысяч метров. Скорость 800 км, но самолет не пошел вверх, а стал с креном снижаться, начал почти отвесное пикирование».

Он упал на берегу реки у села Патруши, в шести километрах южнее аэродрома Кольцово. Катапульты в то время не было, обычным парашютом на такой скорости летчик воспользоваться не мог. Ему было всего 34 года.

В Кольцово и на родине героя торжественно установлены памятники. Интересна история их создания. В папке, что показал Игорь Павлович Катенев, надпись: «Хранить для потомков» — и в ней действительно бесценные свидетельства летного братства: в памятниках общество закрепляет свой идеал. Деньги собирали, пустив шапку по кругу. Но авиаторы тогда претерпели массу неприятностей. Их обвиняли в ненужной самодеятельности. Мол, так у нас в стране запрещено, ставить мемориалы — прерогатива только Совета Министров.

Коллектив аэропорта Кольцово и школа № 60 ходатайствовали о представлении Григория Бахчиванджи к званию Героя Советского Союза, и это ходатайство удовлетворили, оно было ему присвоено посмертно спустя 31 год после гибели.

Установлено документально, где погребен Бахчиванджи — в одной из трех безымянных могил Малоистокского

кладбища. В двух других тоже летчики-асы, и их имена также из секретных списков войны. Хотя много подробностей из их жизни и героического подвига стерло безжалостное время.

Склоним теперь голову над памятью Константина Афанасьевича Груздьева. Приказом наркома авиационной промышленности полковник Груздьев 29 августа 1942 года был назначен дублером Бахчиванджи при испытаниях самолета БИ-1 и отправлен с фронта на Урал.

Личность эта была легендарная. На его груди были уже орден Ленина, два — Красного Знамени — единицы имели столько наград. В 1938 году он среди добровольцев едет сражаться в Испанию. На чехословацко-германской границе его арестовывает гестапо, 8 месяцев пришлось провести в застенках. Но Груздьев все-таки попал в Испанию, сражался там с фашистами, участвовал в боях на озере Хасан.

Он был невысок ростом, сильный, спортивный, умел своей внутренней энергией расположить к себе. Зная всю новую технику, имел необыкновенный авторитет, поэтому в научно-испытательном центре авиации, где создавали и доводили новые конструкции отечественных самолетов, о нем говорили, что это не просто летчик, а летчик от бога.

Костя Груздьев родился в 1908 году в Вологде в семье железнодорожника. И водить бы ему, как отцу, поезда по России. Но вот однажды над городом — а в то время это было почти чудо — появился самолет. Сотни людей высыпали на улицу. Не сводил с аэроплана восхищенных глаз и Костик, а чтобы лучше видеть, влез на телеграфный столб. Его сестры с испугу заплакали, а он махал вслед аэроплану. Тогда и решил: буду летать! Должен летать!

— Придет время — будешь! — сказал отец. А пока купил сыну баян. Играть тот научился, причем хорошо.

У подростка был слух, приятного тембра баритон. В трудные годы нэпа Костя играл, пел и даже плясал в кабаках, на свадьбах и ярмарках — подрабатывал для большой семьи.

Из Вологды в авиацию ушло много храбрых мальчишек. Здесь не последнюю роль сыграл их земляк Сергей Владимирович Ильюшин, известный авиаконструктор, Константин Афанасьевич Груздьев затем учил летать его ИЛы.

В музее аэропорта Кольцово теперь много материалов о Груздьеве. В них публикации из газет первых дней войны, воспоминания, среди которых рассказ о том, как Груздьев уговорил своих друзей летчиков и они по разработанной им тактике, поднявшись в небо, сбили два немецких мессера, на которых были нарисованы устрашающие черные стрелы.

Летчик-испытатель Стефановский в книге «300 неизвестных» особо подчеркивает, что Груздьев блестяще знал вражескую авиационную технику. В Испании, а потом в научно-испытательном центре разработал весьма эффективный способ борьбы с плохо маневренными «Мессершмиттами-110», научился их атаковать и потом учил воздушному бою молодых летчиков.

Еще из послужного списка. Начало войны. Создается 402-й полк особого назначения — в него вошли специалисты высшего пилотажа, среди них были Бахчиванджи, Чигарев и другие истребители. Собрал и возглавил полк Константин Афанасьевич Груздьев. А дрались они храбро, после каждого сбитого «мессера» командир под веселую песню пускался в пляс и ловко делал сальто.

Писатель Павленко оставил нам свой рассказ о том, как груздьевский полк неожиданно напал на засекреченный немецкий аэродром и уничтожил 74 самолета.

За первый месяц войны на личном счету Груздьева было 19 сбитых немецких самолета и 300 боевых

Константин Груздьев

вылетов, почти столько же у Бахчиванджи. Их вместе представили к званию Героя Советского Союза. Но документы, как уже говорилось выше, не успели дооформить, и Константина Груздьева заслуженная награда при жизни и после, увы, обошла.

Как же удалось узнать, где покоится прах этого выдающегося летчика-аса и почему его могилу тоже надо было искать вблизи аэропорта Кольцово? Рассекречены документы его испытательных полетов на БИ-1 с первым ракетным двигателем. Это зафиксировано на кинопленке. Сотни глаз следили, как, изрыгая гром и огонь, промчался маленький истребитель. Но оказалось, что в полете оторвалась лыжа (впервые самолет поставили на убирающиеся лыжи). Задача испытателя — за 78 секунд полета набрать максимальную высоту, и это он выполнил. Но когда стал заходить на посадку — все замерли, наблюдая драматизм положения: на кинопленке хорошо видно, как пилот, коснувшись земли, гасит скорость, как самолет закрутило. Машина села на брюхо, но была целехонькой.

Это было 12 января 1943 года, а 2 февраля, т.е. через 20 дней, подполковник Константин Афанасьевич Груздьев погиб в уральском небе, испытывая один из прибывших американских истребителей — аэрокобру. Он доказал, что союзники поставляют нам для фронта по ленд-лизу не совсем качественную технику. В небе у машины отвалился хвост. Погиб К.А. Груздьев в день рождения своей дочери. Но его гибель в тылу спасла сотни жизней летчиков на фронте, которые потом летали уже на усовершенствованных американских самолетах.

В войне было не до пышных похорон. Однополчане (среди них был и Г. Бахчиванджи) поставили на могиле скромный знак со звездой, а дети, эвакуированные из Ленинграда, прикрепили дощечку с надписью: «Герой дядя Костя Груздьев».

И еще одна героическая трагедия. Была осень 1941-го. Война гремела далеко на Западе. А тут вдруг в уральском небе в районе Красноуфимска появился немецкий «мессершмитт». Зенитки его не вели, он сам вдруг начал планировать и падать. Посбивал верхушки деревьев, но все-таки дотянул до поляны и от удара перевернулся. Пилот (позже выяснилось — это был наш летчик) был ранен. Ах, если бы помощь пришла вовремя. Так на Малоистокском сельском кладбище появилась первая фронтовая могила. 13 октября 1941 года трижды салютовали из ружей, когда опускали в могилу Трофима Константиновича Чигарева — так звали этого героя.

По секретному заданию он перегонял из Подмосковья на Урал захваченный у фашистов самолет новейшей модификации «Мессершмитт-110», чтобы с него могли снять технические характеристики. Но такой дальней трассы хваленая машина не выдержала, летчик до последнего боролся, чтобы ее сохранить, но сам погиб.

В научно-испытательский институт ВВС Красной Армии Чигарев был назначен еще в 1940 году, но уже до этого он вошел в историю отечественной авиации как мастер высшего пилотажа. Участвовал во всех авиационных парадах, в том числе и на Красной площади. Награжден был еще в 1936 году за мастерство орденом Красной Звезды. Кинематографисты его заметили и пригласили в качестве летчика-каскадера.

Работу Трофима Чигарева в небе мы все видели. Он снимался в фильме «Эскадрилья № 5» — о первой летчице-истребителе Екатерине Зеленко, которая в воздушном бою сбила два фашистских самолета, один таранила и погибла. Эта кинолента находится в архиве Госфильмофонда.

Второй фильм не сходит с экранов и сегодня. Это «Истребители», в главной роли Марк Бернес. Полеты за

него выполнял Трофим Чигарев. И все, конечно, припомнят эпизод, когда летчик пытается предотвратить аварию поезда, на пути которого оказался завал. Тот бреющий полет над землей рядом с идущим поездом едва не стоил летчику жизни.

Из письма жены Чигарева: «В тот день он пришел домой очень взволнованный. «Не знаю, — сказал он, — кто из вас счастливый, что я остался жив. Летал, думал о вас, летал рискованно, у самой земли. Когда сел на аэродроме — в шасси было полно травы». У нас было двое детей: Галочке 6 лет, Ирочке 2 месяца».

Третий его фильм, «Валерий Чкалов», был для него самым сложным. Чкалов, совершивший беспосадочный полет через Северный полюс в Америку, был любимцем народа. Фильм от летчика-каскадера Чигарева требовал особого мастерства, потому что надо было повторить легендарный полет под мостом над Невой в Ленинграде. Повторить то, что существовало как легенда. Причем Чкалов сделал это на тихоходном самолете, а Чигарев на истребителе нового поколения; летчик мастерски это выполнил. Так и запомнился он всей летной братии того времени: Чигарев? это тот, который летал за Чкалова?

Схватиться с фашистами ему довелось только в первые месяцы войны. Летал он на всех типах истребителей. На одном усовершенствовал пушку, что сделало машину менее уязвимой. Небо Москвы он защищал вместе с Груздьевым и Бахчиванджи. И прах их теперь рядом.

На надгробных плитах читаем имена: Григорий Яковлевич Бахчиванджи, Константин Афанасьевич Груздьев, Трофим Константинович Чигарев. Убирают могилы, носят цветы дети школы № 60 и ветераны-летчики кольцовского аэропорта, где еще в шестидесятых был создан очень интересный музей авиации и космонавтики. Пополняется он и сейчас. Юные

Трофим Чигарев

следопыты выросли, возмужали. Одна из тех, первых, Марина Михайловна Понарина, теперь преподает литературу в школе, где училась, и бессменно руководит музеем.

Не всегда век человеческий длится 100 лет. Эти трое погибли молодыми. Сто лет они поделили на троих. Это о них сказано: «Слава храбрецам, которые живут так, как будто они бессмертны».

1553 ДНЯ ВНИЗ ГОЛОВОЙ

6 июля 1941 года, на 14-й день войны, к зданию Свердловской картинной галереи одна за другой начали подходить машины, груженные ящиками, прибывшими по железной дороге из Ленинграда.

Что было в них запечатано, — так никто до конца войны в нашем городе и не узнал. Это была большая государственная тайна. И только один ящик пришлось вскрыть — он не входил ни в двери, ни в окна. В нем оказалось редкое по художественной и исторической ценности сокровище и очень тяжелое — 90-пудовый (почти полторы тонны) серебряный саркофаг Александра Невского — тонкая работа литейщиков и чеканщиков Петербургского монетного двора середины XVIII столетия.

Из только что призванных на фронт водителей создали группу, и они с великой осторожностью транспортировали весь секретный груз со станции до улицы Вайнера, 11.

Здание это до революции построил один из богатых купцов для своего магазина. Проект архитектора Константина Трофимовича Бобыкина. Здание вместительное, имеет четыре уровня: подземный этаж, два надземных плюс мансарда. В верхних небольших комнатах всю войну жили и работали научные сотрудники Эрмитажа.

Любопытная подробность, которую знают не все. Эрмитаж за свою историю трижды пережил эвакуацию. Первый раз это случилось в 1812-м, когда Наполеон двигался к Москве. Тогда сокровища отправили в Петрозаводск. Второй раз в годы гражданской войны, когда Юденич со стороны Прибалтики двигался к Петрограду — собрание спешно увезли в Москву. И третья эвакуация в 1941-м, о которой сегодня речь.

В вагонах специального литерного поезда прибыли к нам уникальные шедевры и сокровища. К примеру, приехали три прекрасные мадонны — полотна Леонардо да Винчи и Рафаэля. Они были бережно упакованы вместе с золочеными рамами. В соседстве было самое, может быть, великое произведение Рембрандта «Возвращение блудного сына». Прочная броня призвана была защитить и сокровища особой кладовой: золото скифских курганов, украшения афинских щеголих, бриллианты российских модниц — Елизаветы Петровны и Екатерины II. К нам привезли самую крупнейшую в мире коллекцию монет и еще массу других бесценных произведений.

Напомним, летосчисление Эрмитажа принято вести с 1764 года, с того времени, когда Екатерина II для себя приобрела в Берлине коллекцию «наизнатнейших картин». Для нее выстроили специальный павильон и назвали на французский манер «Ермитаж Ея Величества», т.е. место уединения царственной особы. Но к началу нашего рассказа Эрмитаж, занявший весь Зимний дворец, по своим художественным и культурно-историческим коллекциям уже стоял в одном

ряду с крупнейшими хранилищами мира — Лувром и Британским музеем. Иметь их у себя не отказался бы ни один правитель, а завладеть коллекцией было вожделенной мечтой Гитлера.

И вот первую партию уникальных произведений погрузили в эшелон из 22 вагонов. И на рассвете 1 июля 1941 года литерный поезд отправился из Ленинграда на восток.

Но чтобы в городе не вызвать паники, ящики со специальной маркировкой грузили по ночам. Никто, кроме 3—4 посвященных, не должен был знать, что отправляют, каким поездом, куда. Даже железнодорожники были удивлены, почему бронированный вагон идет в середине состава. Что везут под охраной зениток и пулеметов? Где конечный пункт?

Вот так груз особой важности — это полмиллиона произведений — оказался в глубоком тылу. Теперь здесь был филиал Эрмитажа, его возглавлял заведующий отделом истории западноевропейского искусства профессор Владимир Францевич Левинсон-Лессинг. В первые же дни в нашей галерее почти все дверные проемы и окна заложили кирпичом, наглухо забили железом, поставили еще и решетки. Со двора убрали дровяные сараи и даже какой-то большой деревянный цех — музейщики знают, какую беду может натворить огонь. Что не вмещалось в залы и подвал, рассредоточили в ремонтно-механической мастерской — например, скульптуру и фарфор, эти изделия холода не боялись.

К осени прибавилась новая забота: картинную галерею, где сосредоточены наиболее чувствительные к колебаниям температуры и влажности вещи, надо отапливать. А угля нет. Выделенные 200 тонн лежали на складе — вывозить было нечем. К этому времени с прифронтовой полосы стали спешно перебрасывать на Урал оборонные заводы, научные институты, другие предприятия.

«Вольтер, сидящий в кресле» работы Гудона

Местные чиновники были заняты также устройством тысяч беженцев.

Второй эшелон отбыл из Ленинграда в Свердловск в конце июля. В 23 вагонах он привез на Урал 1422 ящика — а это еще более 700 тысяч ценнейших художественных произведений.

Сегодня с трудом верится — об этом также пишут авторы многочисленных исторических монографий, — как удалось эвакуировать такую громадную коллекцию в столь сжатые сроки — практически в первый месяц войны.

Эрмитажу в Свердловске в дополнение к картинной галерее выделили еще два здания: бездействующий польский костел, что был обнесен высокой каслинской решеткой (ныне зеленый скверик напротив гостиницы «Центральная»), и одноэтажный каменный дом, откуда выселили антирелигиозную экспозицию, т.е. бывший Ипатьевский особняк. Туда тоже попала большая коллекция эрмитажных шедевров.

При разгрузке второго эшелона 25 ящиков большого размера также не удалось занести в помещение. Никто не знал, выдержат ли такие тяжести междуэтажные перекрытия. И эти ящики, прикрытые брезентом, простояли во дворе картинной галереи значительно дольше, чем предполагалось. Время от времени научные сотрудники вскрывали какой-нибудь, чтобы удостовериться, что его содержимое в полной сохранности. Облегченно вздыхали. Читаем об этом в скупых дневниковых записях того времени.

Один курьез все-таки произошел, правда, нигде официально это не зафиксировано. Бесценный груз уже отправляли назад, и тут выяснилось, что в 1941 году при разгрузке одного очень тяжелого ящика перепутали верх-низ. И оказалось, что мраморная статуя сидящего в кресле Вольтера работы Гудона всю войну простояла вниз

головой. Но она была так капитально упакована, что с ней ничего не случилось; так великий мыслитель установил мировой рекорд стояния на голове.

Хочется особо отметить, что тайну Эрмитажа ленинградцы узнали только в октябре 1945 года, после победы и войны с Японией. Публикации в печати появились, только когда сокровища Эрмитажа вернулись домой. И для ленинградцев открылась наконец правда. Приказ на эвакуацию, оказывается, был подписан 23 июня 1941 года, на второй день войны. Ленинградцы думали, что Эрмитаж просто закрыт, и блокадный город, как мог, оберегал дворец от бомб и снарядов.

1553 дня, с 6 июля 1941-го по 6 октября 1945 года, провела в нашем городе прелестная «Мадонна Литта» и еще почти полтора миллиона бесценных произведений мирового искусства. Екатеринбург, о несметных кладах которого ходили и до сих пор ходят легенды, никогда еще не был так сказочно богат, как в те дни. Но даже полюбоваться этими сокровищами уральцам того военного поколения, увы, не удалось. Хотя выполнили они работу исключительной государственной важности: обеспечили сохранность мировых шедевров.

А ГОРОД ПОДУМАЛ...

В официальном рапорте, о котором вскоре сообщили наши средства массовой информации, причем с пометкой «на первую полосу», т.е. сенсация, все выглядело парадно, прекрасно и с подтекстом: «Знай наших!» Говорилось, что на Урале при возникших чрезвычайных обстоятельствах успешно опробованы мощные ракетные зенитки новой серии. Что залетевший к нам самолет-шпион сбит на рекордной в то время высоте — в стратосфере. Что пилот Френсис Гарри Пауэрс, гражданин США, выполнявший секретное задание ЦРУ, уже дает показания.

Как же шпиона пропустили так далеко, что он успел пролететь с юга на север почти половину страны? Ответ маршала Родиона Малиновского у специалистов вызывал тогда улыбку. Самолет, мол, был сбит в таком месте, чтобы летчик не смог прикрыться случайным

нарушением чужого воздушного пространства. Заявление министра обороны было рассчитано на общественность страны, зарубежную аудиторию, но не соответствовало истине. Правда была в том, что отечественные истребители не могли тогда достать У-2, который летел на высоте 20—22 километра и с большой скоростью. А почему молчали ракетные дивизионы? Маршрут полета проходил вне зоны огня.

Были и другие детали. Ракетчики наши, когда наконец открыли огонь, стреляли весьма прицельно, но не по врагу, а по своим. Есть такая статистика. Всего в ходе пресечения полета шпиона было выпущено 14 зенитных ракет, семь на территории Свердловской области, из них три — по своим. Но официально сообщили, что сбили шпиона одной-единственной ракетой.

Напомним, случилось это первого мая 1960 года. Главная трагедия произошла в небе над Дегтярском, а на краю Вязовского болота увидели ее страшные последствия.

Было прекрасное весеннее солнечное утро. Все радовались, что прогноз, накануне обещавший пасмурную погоду, не оправдался. Урал, как и вся страна, готовился к праздничной демонстрации. По местному времени шел восьмой час, когда южную границу пересек черный моноплан — У-2 «Локхид» из серии так называемых самолетов-призраков. Они не раз были замечены в самых глубинных районах Советского Союза, в зоркие объективы безнаказанно рассматривали наши секретные военные объекты.

Громкий прецедент случился 9 апреля, когда, обследовав Семипалатинский ядерный полигон, близ него авиабазу стратегических бомбардировщиков ТУ-95, полигон зенитных ракетных войск в Сары-Шагане, ракетный полигон Тюра-Там (космодром Байконур), У-2 сумел покинуть пределы СССР в районе города Мары. Тогда

советская сторона в закрытой ноте сделала резкое заявление, на что американцы, естественно, отмолчались: дескать, не пойманы, а потому к нарушению границы не причастны.

И вот еще один иностранный шпион пожаловал под шумок первомайского праздника. Позади Ташкент, Сырдарья, берег Аральского моря. На картах, выданных старшему лейтенанту разведслужбы ЦРУ Френсису Пауэрсу перед отлетом, синим карандашом были обозначены места дислокаций советских ракетных батарей (!). Летчик их искусно обходил. Это был опытный ас. Вот перед Пауэрсом уже Свердловск. Как позднее писал в воспоминаниях, он вновь включил фотоаппараты, другую разведаппаратуру и повернул к юго-восточной границе города. К тому времени было преодолено более половины заданного маршрута, конечной точкой которого значилась Норвегия. Вдруг позади машины раздался хлопок, самолет резко тряхнуло, мотор заглох, У-2 резко пошел вниз. Пилот вывалился за борт, раскрыл парашют. Это произошло в 10 часов 36 минут утра.

Кто и как сбил шпиона Пауэрса? Время от времени об операции «Оверлайт» («Перелет»), предпринятой 1 мая 1960 года, возникают разные версии. Недавно в программе Центрального телевидения летчик Игорь Ментюков (один из трех, поднятых в тот день в воздух по тревоге) признался: «Американского шпиона сбила не ракета, его сбил я. Но велено было молчать, чтобы объявить всему миру, что мы владеем высотными ракетами». Оставим пока это недоказуемое признание на совести летчика.

С помощью полковника в отставке Евгения Петровича Зверева мы постараемся приоткрыть тайну. Е.П. Зверев один из непосредственных участников тех событий. Тогда он только что был назначен на высокую должность — исполняющего обязанности начальника политотдела бригады Уральской службы войск ПВО. Первомай

шестидесятого он помнит в деталях: поднялся еще до зари, пошел в свою воинскую часть. Ему и полковнику Сергею Васильевичу Гайдерову, который исполнял обязанности командира этой бригады, дежурный доложил: в части все в порядке, но воздушную границу на юге страны только что нарушил неизвестный самолет.

А теперь представим ту утреннюю нервозную обстановку в главном штабе войск ПВО, куда тоже пришло это сообщение. Звонки от министра обороны Родиона Малиновского, из Кремля и лично от Никиты Хрущева. Содержание их было примерно таким: «Позор! Страна обеспечила ПВО всем необходимым, а вы дозвуковой самолет сбить не можете! Уничтожить любой ценой!»

Заглянем в газеты, что они писали неделю спустя. В «Уральском рабочем» от 8 мая 1960 года и в «Ведомостях» Верховного Совета находим Указ о награждении орденами и медалями отличившихся при задержании Гарри Пауэрса и уничтожении его самолета. Но этим указом, то ли по соображениям цензуры, а скорее, чтобы не пострадали амбиции вышестоящих генералов, была узаконена ложь. Первым в Указе хотя и было названо имя Сергея Ивановича Сафронова, но от всех скрыли, что он награжден посмертно.

Как случилось, что ракетчики сбили своего? Кто дал команду поднять в зону действия зенитно-ракетных батарей три своих истребителя? Даже по прошествии сорока с лишним лет это глубокая тайна.

Когда шпионский самолет вошел в зону действия ракетного дивизиона, где был Е.Н. Зверев, из штаба Уральской армии ПВО поступила команда: пуск трех ракет. Две по непонятным причинам заело, только третья сошла с пусковой установки и взорвалась у самолета. На экране радара появились странные помехи. Последовал приказ повторить залп еще из трех ракет, как выяснилось позже — уже по осколкам падающего неприятеля,

а Пауэрс в это время спокойно приземлялся на поле близ Косулино. Ракетчики этого не знали.

Из штаба в третий раз поступила команда огонь! — для верности. И еще три ракеты достигли цели — но это был уже самолет Сергея Сафронова.

Почему все-таки свои истребители оказались в небе, тогда как по операции «Ковер» приказано было всем самолетам — гражданским и военным — в эти часы быть на земле? То ли не надеялись на зенитки, то ли действовать решено было с подстраховкой: на перехват У-2 по боевой тревоге сначала подняли два истребителя МИГ-19. Пилотировали самолеты зам. командира эскадрильи капитан Борис Айвазян и летчик ст. лейтенант Сергей Сафронов. В Кольцово их срочно заправили горючим. Но вылет задержали на час, потому что на аэродроме случайно оказалась машина совершеннее МИГов — СУ-2, а главное — практический потолок у нее достигал 20 тысяч метров. Правда, к бою она не была готова: не было вооружения. Пилот Игорь Ментюков не имел высотного костюма. Он просто перегонял новый самолет с завода в часть, в Белоруссию. И вот последовал приказ командующего авиацией ПВО «Цель — реальная, высотная. Таранить!» Пока Ментюков гонялся за противником, кончилось горючее. Тарана не произошло. Ничего не оставалось, как приземлиться.

Более получаса Пауэрс был уже на земле, а на КП армии ПВО считали, что он продолжает полет. Поэтому перед летчиками истребительной авиации Борисом Айвазяном и Сергеем Сафроновым, которым указали новый район поисков, задача стояла прежняя: обнаружить, атаковать!

Вот что увидела в небе Дегтярска Татьяна Карелина. Тогда ей было 12 лет, она с классом шагала в первомайской демонстрации по главной улице. Все радовались, пели и, когда увидели, как в небе загорелся

самолет, решили, что запустили макет в честь праздника. Но тот шел в сторону леса. Делал непонятные виражи, будто сбивая пламя. Вмиг вся демонстрация разбежалась. Бросились в ту сторону, посчитали, за гору упал, за Лабаз-камень. Прибежали — нету. Айда дальше. А там уже все оцеплено, кругом военные, никого не пускают.

Спрашиваю Е.П. Зверева, что же произошло, почему все-таки своего сбили? А он в ответ грустно: «Все делалось по приказу вышестоящего командования Уральской армии ПВО. Запросили код «Я свой» — пилот не ответил. Значит, враг. А код то ли неисправен был, то ли в спешке на аэродроме забыли его переключить на нужную частоту. Нам уже ясно было, что это свой. Однако в армии приказы не обсуждают».

В Дегтярске я нашла еще несколько свидетелей той трагедии. Горняк Григорий Кость (его дом почти рядом с тем местом, где упал самолет) видел самый финал этой драматической истории. Летчика отбросило в сторону,

вероятно, сработала от детонации катапульта. Но он был уже мертв. Из рваной раны на груди сочилась кровь.

«Судьба в тот день к городу была милостива, — считает литератор Олег Капорейко. — Люди, конечно, пережили шок, когда сверху стали падать обломки машины. Она могла упасть на дома, на толпу, было бы много жертв. Но пилот тянул горящую машину за пределы города, она упала за последний барак. Это был великий человеческий подвиг, на такое способен только сильный, отважный человек, герой».

Весь город только об этом и говорил. Было решено в Дегтярске разбить сквер, поставить памятник или памятный знак. И слова на нем из песни: «А город подумал: ученья идут!»

Благие намерения сразу пресекли. Это была запрет ная тема, военная тайна, и разговоры об этом надолгс

Сергей Сафронов

прекратились. Если кто за пределами города что-то сболтнул, его вызывали куда надо, советовали держать язык за зубами.

В секрете героя и хоронили. Сначала в Кольцово, а через два дня однополчане сумели прах перевезти в Пермь. Из этого города он вылетел на последнее боевое задание.

Что еще по прошествии стольких лет мы знаем о Сергее Сафронове? В отдельном корпусе ВВС ПВО ветеранов почти не осталось, музей только создается. По этому ведомству секретные архивы вообще недоступны. Говорили, что нашли «черный ящик», где могли быть последние слова отважного летчика.

С большим трудом удалось добыть фотографию ст. лейтенанта Сафронова. Со снимка на нас смотрит красивый парень. Его любили друзья в части, дома ждали жена и сынишка. Он погиб в расцвете лет, ему не было еще и тридцати.

Говорят, что после этого ЧП у нас работала специальная московская комиссия. Кого-то наградили, кого-то наказали — крайние всегда найдутся. В их числе был исполняющий обязанности начальника политотдела бригады Е.П. Зверев. Его сняли с должности, как ни странно, за то, что выполнил приказ. «До сих пор, — признался он, — на душе тяжелый камень: мы знали, что это свой».

И — в качестве послесловия: на выезде из Екатеринбурга, у поста ГАИ, стоит ракетная установка образца 1960 года, вызывая у всех массу вопросов. Все автомобилисты, конечно, ее видели. А кто знает, что она символизирует?

Уж если попал сюда исторический экспонат, может, стоит здесь создать музей одного дня. На корпусе ракеты увековечить имена тех, кто выполнил свой воинский долг 1 мая 1960 года. И непременно особое место следует отвести погибшему при выполнении боевого задания летчику-истребителю ст. лейтенанту Сергею Ивановичу Сафронову.

НОВАЯ СТАРАЯ СКАЗКА

К нам в город иногда приезжает цирк слонов. Это индийские слоны, они красивее африканских и не столь агрессивны. Цирковые представления слонов всегда интересны. Кому довелось побывать в Таиланде и видеть чудеса дрессуры этих экзотических животных не на маленькой круглой арене, а на поле стадиона — вспоминают об этом с восторгом. Сегодня мы расскажем о двух тайнах, связанных со слонами нашего зоопарка:

— 20 лет дружбы с бегемотом по имени Алмаз;
— живой подарок эфиопского монарха Сталину;
— длинная одиссея священного животного на Урал.

Начнем с лета 1970 года. В нашем зоопарке появился новосел. Многие еще помнят ту развалюху — деревянный павильон, напоминающий идущий ко дну Ноев ковчег, с сотнями представителей животного мира пяти

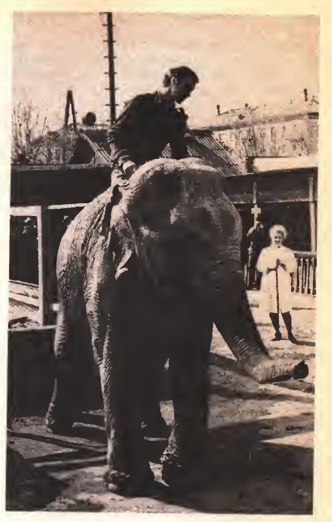
континентов планеты. И вот кому-то пришло в дурную голову поселить сюда еще и слона. Точнее, слонишку 5 лет, плюшевую, еще молочного возраста. Имя ей дали Макси. Приплыла она к нам из Индии на корабле, потом ехала на поезде. Здесь, конечно, стала всеобщей любимицей. Изо всех особо выделяла свою вторую маму — ведущего научного сотрудника зоопарка Веру Арсеньевну Зацепину. И та, хотя минуло много лет, Максино детство помнит в подробностях, рассказывая, волнуется. Еще бы, все события, радостные и драматичные, развивались на ее глазах, с ее участием.

Со слоненком быстро нашли контакт, его расковали, что правилами техники безопасности для зоопарков не предусмотрено. Сотрудники пошли на риск: человек буквально ходил под ногами слона. Но Макси нрава была доброго, необыкновенно понятлива, слушалась команд. С ней гуляли, когда не было посетителей. На ноги ей надевали специальные пинетки с лечебным раствором (здоровые ноги и хобот у слона — это жизнь!). Ей устраивали банные процедуры: она позволяла себя намыливать, крепко жмурила глаза и потом, когда поливали из шланга, фыркала от удовольствия. Словом, это было уникальное животное.

Слониха быстро росла, ей пришлось спешно строить специальный вольер. По соседству поселили бегемота по кличке Алмаз, и они подружились. Макси заботливо его гладила, когда тот болел. Трубила, если его обижали. Не боялась положить хобот в его страшную пасть.

Трогательна была дружба между животными, такими, казалось бы, разными. Бегемот после гибели Макси долго искал подругу, не брал пищу. И сейчас у него очень грустные глаза. Приглядитесь, когда пойдете с детьми в зоопарк

Кто погубил слониху? Злоумышленников на месте не застали. А это на совести тех негодяев, которые не раз

Макси и служитель зоопарка А. Перекрасов

пытались забросить в вольер что-ибудь острое, колюче-режущее. Одиажды осторожиая Макси все-таки серьезио пораиила иогу. Из положениых 60 лет прожила всего 25. Потеря такой умиой и доброй слоиихи иевосполиима.

В истории нашего зоопарка это был второй слои. О первом мало кто зиает, поскольку то была еще и воеиная тайна, когда в Свердловск привезли великолепиого красивого слоиа и поселили не где-нибудь, а в алтаре Кресто-Воздвижеиской церкви.

Одиссея его удивительиа, она начинается с событий в одиом из африкаиских государств, где в середиие 30-х годов шла национально-освободительиая войиа. СССР ее поддерживал силами Красиого Креста. Вот тогда эфиопский моиарх Хайли Силасий I решил отблагодарить Сталииа. Ои послал ему в подарок ие просто слоиа, а самого любимого, единствеиного индийского из своего королевского стада. Кадры кииохроники запечатлели прибытие этого важиого подарка в Москву, и вождь иародов позволил себе лицезреть диковииное животное.

А теперь представьте осень 1941 года, положение на фроите было сложиым. Наша армия отступала, терпела одно поражение за другим. На Урал спешио эвакуировали заводы, прибывали в огромиом количестве люди. Из столицы уехало даже правительство. Слона тоже отправили иа восток. По дороге поезд бомбили, ио все обошлось. Но как слои попал в Свердловск? Из рассказа краеведа Марии Григорьевиы Молчаиовой, а та в свою очередь узиала это от сотрудиицы зоопарка Гликерии Никифоровиы Садецкой, стало известио, что в эвакуациоииой иеразберихе перепутали документы сопровождеиия и теплолюбивых животиых вместо Ташкеита выгрузили в Свердловске.

Та первая воеииая осеиь выдалась иа редкость лютой. Мороз стоял 40 градусов. И важный слои, прижав

уши, дрожа, пешком прошествовал несколько километров с товарной станции железнодорожного вокзала до зоопарка. Только места ему тут не оказалось. Некуда было поместить. Тогда по соседству в бывшей церкви срочно разобрали стенку, крупное животное ввели в алтарь и снова заложили кирпичом.

Жившие по соседству дети тут же прознали про это, тайком пытались пробраться в здание. Так тот слон остался в воспоминаниях Василия Константиновича Некрасова, нашего краеведа. Дочь художницы Екатерины Владимировны Гилевой, Эмилия, ныне доктор биологических наук, вспомнила, что в алтаре тогда жил не только слон, еще азиатский бык и носорог. Их судьба тоже трагична. Подсчитано, что в годы войны в Свердловском зоопарке был страшный падеж, погибла треть животных своих, не считая прибывших из Киевского и Московского зоопарков.

А красавец слон, исхудавший донельзя, метался в холодном здании, кричал от тоски и голода. Люди думали, не дьявол ли поселился в церкви? Дело в том, что пол в алтаре был устлан не теплым деревом, а железными плитами, и слон быстро простудился. Да и здание не отапливалось. Мне довелось видеть берущие за душу кинокадры, и это еще один страшный документ военного времени.

Сталин вспомнил о своем слоне. Представьте, какой переполох это вызвало у нас в городе. Но крайнего, как водится, нашли. По одной версии, это был Егорка, божий человек, живший при церкви. Он слона любил, делился с ним последним куском хлеба По другой — за слоном прислуживал человек с немецкой фамилией.

Так это или не так, но когда умер слон, бесследно сгинул и смотритель. Люди говорили, что отправили его к другому слону в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН).

Но история на этом не закончилась. Хайли Силасий I уже в старости приезжал в Свердловск. Гостю показали многое: наши заводы, шахты, золотую руду, и никто не вспомнил о его подарке. А студенты Уральского государственного университета знают, что скелет сталинского слона сохранился, с военного времени он «живет» на кафедре зоологии.

История хоть чему-нибудь должна нас учить. Если человек по своей прихоти заставляет жить животных в непривычных для них условиях, он как заповедь должен повторять слова Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Есть такие необычные случаи, темы и загадочные судьбы людей, к которым рискованно прикасаться. Несколько лет я хожу по следам событий давно прошедшего времени. Иногда брожу по старым погостам, зачем-то тревожу покой усопших... А это бывает чревато.

К примеру, пока мы расследовали сверхдетективное происшествие об исчезновении бриллиантов (7,5 кг!!!), снятых с членов расстрелянной царской семьи, я на глазах у всех обронила сережку. Не золотую, нет, и камешек — голубая бирюзинка, но для меня она особая ценность — память о талантливом художнике-ювелире Олеге Костюнине. Сколько ни искали, мы ее так и не обнаружили.

Кто-то скажет — мелочь. Тогда другой пример. Создавали мы фильм об Александре Васильевиче Колчаке, и почему-то не на тех, кто предал его. на долгие

десятилетия анафеме, а на нашу съемочную группу свалились напасти. И уже нешуточные.

Что я не так сделала? Нечаянно потревожила его мятежный дух? Или угадала и озвучила роковое предначертание его Книги Судьбы? Но это произошло случайно. Впрочем, каждый из нас в какие-то опасные минуты жизни будто слышит удары своего поминального колокола. Чужая, прошедшая судьба — уже открытая страница. А о Колчаке, личности, безусловно, трагической и в истории России выдающейся, документов все-таки много. Идеологи красной страны черных красок на его портрет не жалели. Но этот «заклятый враг» тоже преданно любил свою родину и, как подобает солдату, мужественно умер за нее.

Забыты были географические открытия этого ученого, прошедшего первые университеты жизни в суровой Арктике, в стране льдов и мрака, где с экспедицией на яхте «Заря» он провел несколько лет и зим. В Карском море открыл один из островов, обследовал его, сделал важные гидрографические и магнитные измерения. Академия наук России удостоила полярника Александра Васильевича Колчака за этот труд высшей награды — остров был назван его именем. Но в тридцатые годы название с географических карт СССР, как и следовало ожидать, было вымарано.

А экспедиция эта во главе с крупным российским ученым Эдуардом Васильевичем Толлем провела в морях Ледовитого океана огромную исследовательскую работу. Прошла северными морями длинный путь, исправила несколько неточностей в навигационных картах. Вперед, в неизведанное, обходя коварные мели и ледяные торосы, двигались обмороженные и истощенные люди в поисках своей мечты — призрачной и желанной «Земли Санникова». Ее рассчитывали увидеть в море Лаптевых, севернее гряды Новосибирских островов. Мечта

удесятеряла силы. Но, так и не поймав своей синей птицы, группа полярников погибла, в том числе и руководитель экспедиции Э.В. Толль.

Угодил в полынью у острова Беннета — самого северного в архипелаге Новосибирских островов — и А.В. Колчак. Полынью затягивало — шла подвижка льда. Намокшая одежда тащила вниз. Последним усилием он вынырнул, и здесь его подхватила сильная рука оказавшегося рядом боцмана Никифора Бегичева.

Но вот оказалось, что судьбу не обойдешь. Ледовая могила ему была уготована и ждала его 18 лет. В феврале 1920 года в Иркутске на берегу реки по шифрованной телеграмме Ленина большевики расстреляли Колчака без суда и следствия, а чтобы скрыть следы преступления — тело затолкали в прорубь, под лед.

Какое, спросите, отношение это роковое событие имеет к нашей съемочной группе? Объяснений нет, но в заключительный день телеоператор, отправляясь на работу, очень серьезно повредил ногу, а я сломала руку. Чертовщина, да и только. Теперь, начиная новое историческое расследование, на всякий случай ставлю Спасителю свечку.

Необъяснимых странностей в нашем мире все-таки много. А может, действительно они существуют, те параллельные миры, и как-то влияют на наши судьбы и поступки? Наука это отвергает, но в народном сознании это живет прочно. Меня лично никакие видения не посещали. Но вот одну тайну мне подсказал некий голос сверху (не улыбайтесь!). Он спросил: а знаешь ли ты, что Булгакова расстрелял Шариков?

Вопрос — ребус. «И примешь ты смерть от коня своего» — это уже было у Пушкина. Известно, что талантливейший писатель Михаил Афанасьевич Булгаков, автор романов «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита», пьес «Дни Турбиных», «Бег», хотя и прожил всего 49 лет,

но умер как будто бы своей смертью. И Шариков тут ни при чем. Фильм по его повести «Собачье сердце» с главным героем Шариком—Шариковым недавно показывали по телевизору. Этот кинематографический шедевр смотреть можно бесконечно.

И все-таки как мог Шариков расстрелять Булгакова? Эта мысль засела в моей голове. И привела меня на улицу Ленина, 34, в архив административных органов, где собраны, только в масштабе области, неоспоримые доказательства, что в 30-е годы против собственного народа проводился жесточайший геноцид.

Отдельный зал, большие коробки, ими заставлены доверху стеллажи, в них не просто документы, в них застыли крики и кровь замученных и расстрелянных людей. Только из одной такой коробки, где по 58-й статье обвинили группу в 295 человек, как удар набата повторяется одно слово «расстрелять!», «расстрелять!», «расстрелять!». И так 295 раз.

«Буржуй! Не толкайся! Подлец! Я тебе покажу!» — грозился в фильме Шариков. И, как видим, выполнил свою угрозу. Миллионы лучших умов отечества загублены в сталинских застенках, расправы производились без суда и следствия. Среди них мы ищем Булгакова, имени отчества еще не знаем. Это затрудняет поиск. Поэтому он растянулся на несколько месяцев. И вдруг директор архива Татьяна Петровна Трофимова звонит — удача, нашли!

Перед нами дело за № 25185. Да, это Булгаков, но Андрей Васильевич, украинец, из Харьковской губернии. Последнее место работы — Нижне-Тагильский металлургический комбинат.

Скудные сведения из протокола допроса. В 1918 году офицер белой армии, арестован Петлюрой и отправлен в Киев. В 1920-м попал в плен к красным. Следствие проводил особый отдел 12-й армии. Осудили, как

и других белых офицеров, отправили в концлагерь до окончания гражданской войны. Отсидел четыре года, амнистирован по случаю годовщины Октябрьской революции. Отправлен на Урал, на стройку.

А в 37-м за ним, конечно, пришли. Ордера на арест в деле нет, и анкеты арестованного тоже. Как выглядел этот Булгаков, мы не знаем. Фотографии в деле нет. Только протоколы допросов, данные которых, скорее всего, были сфабрикованы следователями. Он будто бы признался, что с 1934 года является активным участником офицерско-фашистской организации, начальником тагильского повстанческого отряда, систематически совершавшего вредительско-диверсионные акты на территории Тагильского района. Такую организацию чекисты, конечно, придумали, она будто бы работала не только в Нижнем Тагиле, но в Перми, Челябинске и Свердловске.

В конце дела обвинительное заключение. Оно напечатано на трех листочках. И еще есть клочок бумажки: это выписка из протокола заседания от 15 октября 1937 года — приговор тройки при управлении НКВД, он короткий: «Булгакова Андрея Васильевича расстрелять». Подписал приговор старший лейтенант госбезопасности, его имя четко читается — Шариков.

Есть ли родственная связь между писателем — тоже непростой судьбы — Михаилом Афанасьевичем Булгаковым (он умер в 1940 году) и расстрелянном на Урале в 1937 году Андреем Васильевичем Булгаковым, в то время специалистом отдела снабжения Тагилстроя? Скорей всего, они просто однофамильцы, но какое символическое совпадение, даже с некоторыми элементами мистики. В те расстрельные годы «Собачье сердце» цензурой было запрещено, а шариковы уже творили свое черное дело. Так сама жизнь гениально дописала продолжение повести. Рассекреченные следственные дела убедительно

доказывают, на что способны получившие власть малограмотные шариковы.

В 1940 году, когда в очередной раз менялась карательная верхушка, убирали и исполнителей. Экспроприаторы разделили участь своих жертв. Тогда будто бы «за превышение полномочий» расстреляли и того самого следователя с собачьей фамилией Шарикова.

...Екатеринбург, 12-й километр Московского тракта. Одна из многих гигантских братских могил зловещей эпохи Сталина, Ягоды, Ершова, Берии. Здесь покоятся почти 18,5 тысячи «врагов народа», самый старый из них Иван Федорович Баташев, ему было 87 лет, самому молодому, Павлику Судакову, шестнадцать. На плитах из красного гранита имена и даты гибели. 30-го октября, в день памяти жертв политических репрессий, это скорбное место собирает много народу: цветы, свечи, слезы. Теперь в этом списке читаем имя Андрея Васильевича Булгакова, его реабилитировали в 1967 году.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗДАНИЮ КНИГИ СОДЕЙСТВОВАЛИ:

ОАО «Аэропорт «Кольцово»
Генеральный директор
ЮРИЙ КИРИЛЛОВ

«Уральские выставки»
Генеральный директор
ВАДИМ ЗАВЬЯЛОВ

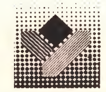

Коллектив выставочного общества «Уральские выставки» занимается организацией региональных и международных выставок с февраля 1996 года. С помощью динамично работающего выставочного общества на выставках в Екатеринбурге побывали представители более 3400 предприятий из 197 городов всех крупнейших регионов России, а также более 130 фирм из Европы и Азии. «Уральские выставки» провели также несколько выездных выставок предприятий Свердловской области — в Казахстане, Тюменской, Саратовской областях.

Дорожная стоматологическая поликлиника
Главный стоматолог
ВЛАДИМИР КАМЕНСКИХ

Уральский геологический музей
Директор **ЮРИЙ ПОЛЕНОВ**

Уральский государственный колледж им. И.И. Ползунова
Директор **ВЛАДИМИР ЖАРКОВ**

ОАО «Екатеринбургская фармацевтическая фабрика»
Генеральный директор
АЛЕКСАНДР МЕХОНОШИН

Екатеринбургское общество охотников и рыболовов
Председатель
НИКОЛАЙ КАРАБУТ

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ
научным сотрудникам
библиотек им. Белинского и УрГУ
ВАЛЕНТИНЕ РЯБУХИНОЙ и **ОЛЬГЕ КАДОЧИГОВОЙ**,
журналисту **СВЕТЛАНЕ ДЕДЮРИНОЙ**,
а также коллективу журнала «Урал»,
разделившим с автором все хлопоты
по подготовке книги к изданию

Гладкова И.М.
Г 54 25 екатеринбургских тайн. Очерки. — Екатеринбург: Уральское изд-во, 2003.— 220 с.: ил.

ISBN 5-93667-037-6

Первая книга очерков известного тележурналиста Иниы Гладковой, созданиая по материалам историю-краеведческих поисков
Адресована широкому кругу читателей

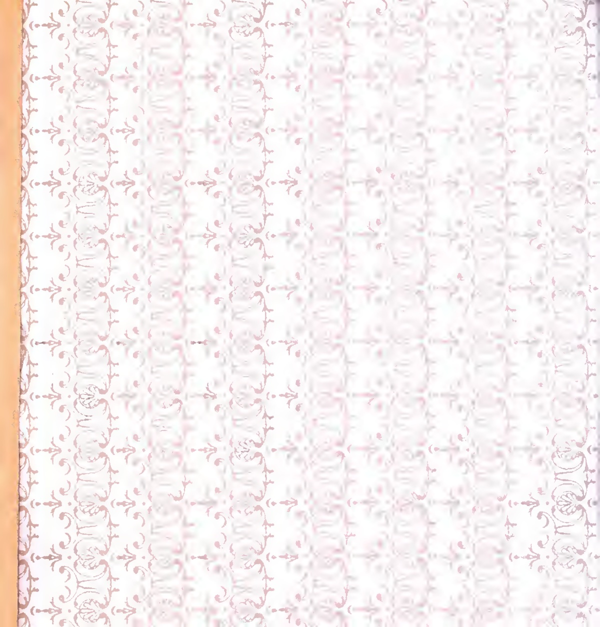
Гладкова Инна Марковна

25 ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ТАЙН

Редактор Т. Сергеенко
Корректор Н. Колтырнна
Компьютерная верстка И. Капорейко

Лнцензия на нздательскую деятельность
ЛР № 00069, выдана 10.09.99 г.
Подпнсано в печать 29.12.2002. Бумага офсетная.
Формат 70x108/24. Гарннтура Лнтературная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,7. Уч.-нзд. л. 7,1. Тираж 3000 экз. Зак. 7377

ООО «Уральское нздательство», 620017, г. Екатернnбург, а/я 822,
e-mail: izdatel@mail.ur.ru
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГОУП "Асбестовская типография", 624260, г. Асбест, ул. Садовая, 5.

Инна Марковна Гладкова — окончила факультет журналистики Уральского государственного университета. Работала в газетах «Социалистическая Якутия», «Тихоокеанская звезда», на Свердловском радио. На Свердловском телевидении создала телепрограмму «Екатеринбургские тайны», состоящую из более чем 130 сюжетов, посвященных малоизвестным страницам истории области. В апреле 2001 года эта программа была удостоена премии губернатора Свердловской области.

Считается, что ценность тайны выше, чем ценность знаний. И любое большое, тем более освященное дело начинается все-таки с какого-то таинства, с какого-то обряда. Вот почему все города мира так дорожат своими мифами и легендами. А когда их нет, умные люди их придумывают. Создавайте легенды о себе — боги начинали с этого!

Инна Гладкова

ISBN 5-93667-037-6

Инна Гладкова **25** ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ТАЙН